

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 4 (111) октябрь – декабрь 2022 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 4 (111) October – December 2022

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сухова О.А.

Аграрная политика и смена технологических укладов в СССР:
проблемы соответствия 9

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Александрова А.В., Лапаева А.В., Рыжова А.А., Серебрякова Е.А.

Теоретические основы пенсионного законодательства:
опыт сравнительного исследования 20

Ростовцев Е.А.

Историческая наука Петрограда–Ленинграда в условиях социальной
трансформации (1917–1934) 32

Илизаров С.С.

Профессия «историк науки» в российском социокультурном и научном контексте
первой половины XX века 44

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Руднев Д.В.

Прохибитивные конструкции в деловом языке XVIII века 56

Калугина О.В.

Императорская академия художеств и московский натурный класс в эпоху Николая I 68

Евстратова М.В., Колузаков С.В.

Станция метро «Комсомольская-кольцевая»: рождение замысла 79

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Васильева И.В., Булатова О.В.

Ресурсная субъектность студентов в разных образовательных моделях
в период пандемии 92

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Смирнова Т.Б.

Этнографические экспедиции к немцам России и Казахстана 105

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Захаров В.Н.

Международная научная конференция «Значение преобразований Петра I
в новой и новейшей истории России» (Москва, 17–19 мая 2022 г.) 118

МИР КНИГИ РФФИ

Юнусова А.Б. —

Рецензия на книгу: Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Костырченко Г.В.,
Красовицкая Т.Ю. Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг.
М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. — 832 с. 125

Кириченко О.В. —

Рецензия на книгу: «История русского Православного зарубежья»: В 5 т. Т. 1. Кн. 2:
Русское церковное присутствие в Европе до 1917 г. М.: Индрик, 2021. — 800 с.: ил. 129

**ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»
В №1, 3 И 4 ЗА 2022 Г. 134**

**ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СПЕЦВЫПУСКЕ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В № 2 ЗА 2022 Г.
«РУССКИЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, СЛОВАРИ, ПРОБЛЕМЫ
УСВОЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ (КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)»
(ПО МАТЕРИАЛАМ КОНКУРСА «КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ
И ЯЗЫКА КАК ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА»)..... 136**

**ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» № 5 ЗА 2021 Г.
(СПЕЦВЫПУСК СОВМЕСТНО С ЭКСПЕРТНЫМ ИНСТИТУТОМ
СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ) 137**

CONTENTS

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Sukhova O.A.

- Agrarian Policy and the Change of Technological Ways in the USSR:
Compliance Problems 9

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Aleksandrova A.V., Lapaeva A.V., Ryzhova A.A., Serebryakova E.A.

- Theoretical Foundations of Pension Legislation: Experience of Comparative Study 20

Rostovtsev E.A.

- Historical Science of Petrograd–Leningrad Amidst Social Transformation (1917–1934) 32

Ilizarov S.S.

- The Profession of Historian of Science in the Russian Sociocultural and Scientific Context
in the First Half of the 20th century 44

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Rudnev D.V.

- Prohibitive Constructions in the Business Language of the 18th Century 56

Kalugina O.V.

- The Imperial Academy of Arts and Moscow's Life Class in the Era of Nicholas I 68

Evstratova M.V., Koluzakov S.V.

- Komsomolskaya-Koltsevaya Metro Station. The Birth of the Idea 79

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Vasilyeva I.V., Bulatova O.V.

- Student Self-Determination in Using Resources in Different Educational Models
during the Pandemic 92

FIELD RESEARCH

Smirnova T.B.

- Ethnographic Expeditions to the Germans of Russia and Kazakhstan 105

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Zakharov V.N.

- International Scientific Conference "The Significance of Peter the Great's Reforms
in the New and Modern History of Russia" (Moscow, May 17–19, 2022) 118

THE RFBR BOOK WORLD

Yunusova A.B. —

- Review of the book: Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Kostyrchenko G.V., Krasovitskaya T.Yu.
Soviet Federation: From Empire to Modernity. 1917–1941. M.; St. Petersburg:
Center for Humanitarian Initiatives, 2022. – 832 p. 125

Kirichenko O.V. —

Review of the book: "History of the Russian Orthodox Diaspora": In 5 Vol. T. 1. Book. 2:
Russian Church Presence in Europe until 1917. Moscow: Indrik, 2021. – 800 p.: ill. 129

**LIST OF ARTICLES PUBLISHED IN THE "RUSSIAN FOUNDATION
FOR BASIC RESEARCH JOURNAL. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES"
ISSUES 1, 3 AND 4, 2022** 139

**LIST OF PAPERS PUBLISHED IN THE SPECIAL ISSUE OF THE
"RFBR BULLETIN. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES" JOURNAL, ISSUE 2, 2022
RUSSIAN LANGUAGE: CURRENT STATE OF THE ART, DICTIONARIES, ACQUISITION &
TEACHING ISSUES (INTERDISCIPLINARY STUDIES) (BASED ON THE MATERIALS
OF THE COMPETITION "INTEGRATED RESEARCH OF THE CULTURE AND LANGUAGE
AS THE BASIS OF RUSSIAN SOCIETY")** 141

**LIST OF PAPERS PUBLISHED IN THE "RFBR BULLETIN. HUMANITIES AND SOCIAL
SCIENCES" JOURNAL, ISSUE 5, 2021 (SPECIAL ISSUE IN COLLABORATION WITH
THE EXPERT INSTITUTE OF SOCIAL RESEARCH)** 142

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Индекс УДК 947.084+33(091)

Код ГРНТИ 031900; 032900

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-9-19

О.А. СУХОВА*

Аграрная политика и смена технологических укладов в СССР: проблемы соответствия

В статье предложена объяснительная модель, раскрывающая характер и механизмы реализации советской аграрной политики. Опорными элементами концепции избраны теория смены технологических укладов, интегрально-институциональная парадигма цивилизационного развития и рассмотрение общества как открытой системы. В рамках стратегии управляемого кризиса периодизация аграрной политики в СССР представлена в виде последовательной смены фаз адаптации экономической, социальной и информационной сред сельского сообщества к задачам формирования и чередования технологических укладов. Анализируются факторы и препятствия для реализации проекта технологической революции (механизации и электрификации) в сельском хозяйстве, противоречия формирования сельской модерности. Рассматривается уникальный опыт апробации и внедрения практик и установок освобождённого труда.

Ключевые слова: СССР, аграрная политика, российское крестьянство, технологический уклад, институциональная трансформация, позитивная сельская идентичность

Гибель крестьянской цивилизации как следствие реализации советского проекта послужила основой для формирования новой мифологемы национального самосознания, ментального конструкта травмирующего порядка.

Это обеспечило почти сакральное отношение и неиссякаемую потребность осмысления кризисности, нелинейности, цикличности, прерывистости процессов аграрного развития в истории России и СССР. Решение этой исследовательской

* **Сухова Ольга Александровна** — доктор исторических наук, декан историко-филологического факультета Пензенского государственного университета, руководитель проекта «Аграрная политика в СССР и региональные особенности её реализации (1922–1991)» (21-09-43020).
E-mail: savtemp@yandex.ru

задачи видится в русле междисциплинарного подхода и разработке исторических концепций, раскрывающих хронологию фазовых переходов, природу кризисов, факторы, влиявшие на их продолжительность и остроту. Очевидной представляется и необходимость дистанцироваться от моделей рефеодализации [1] и капитализации советской деревни [2]. Новым уровнем научного дискурса выступают поиск существенных характеристик, определяющих цивилизационную миссию советского проекта и национальную специфику в контексте глобального социокультурного развития (интегрально-институциональная парадигма), и применение теории смены технологических укладов [3–7].

Выбор стратегии

Общие задачи технологического развития СССР позволяют рассматривать 1920-е гг. как завершающую фазу предыдущего цикла индустриализации аграрного производства (1861 – конец 1920-х гг.). Следует учесть не только распространение

сложных машин и оборудования в российской деревне на этапе экономического подъёма, предшествовавшего мировой войне, но и утверждение инновационных установок в массовом сознании. Появились и первые признаки модернизации институциональной основы общинной организации, адаптации «мира» к новым условиям хозяйствования (механизация, внедрение примитивных двигателей внутреннего сгорания, многополья и травосеяния, развитие кооперативного движения). Несмотря на узость этого культурного слоя, развитие так называемого культурнического движения в советской деревне 1920-х гг. демонстрировало устойчивость воспроизводства соответствующих характеристик. И всё же крестьянская Россия скатывалась на периферию технологического развития, в то время как адаптационные ресурсы традиционной хозяйственной стратегии стремительно сокращались, что стало очевидным уже в начале XX в. [8, 9]. Протяжённость цикла обусловлена деструктивным воздействием мировой и гражданской войн,

Рис. 1. «К севу ярового клина готовы!». 1930 г. Городищенский район Средневолжского края. Здесь и далее фотографии из фондов Пензенского государственного краеведческого музея, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Государственного исторического архива Чувашской Республики

Рис. 2. Коммунисты, комсомольцы и активисты с. Шереметьева Башмаковского района в 1930-е гг.

инволюционными изменениями социальных институтов и хозяйственных практик в период общинной революции.

Следующий этап освоения достижений третьего и четвертого технологических укладов в советской деревне связан с реализацией комплекса преобразований, по своему характеру и содержанию, по средствам осуществления соизмеримого с понятием аграрной революции. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства, или коллективизация, в истории СССР охватывает период с 1929 до середины 1950-х гг. (рис. 1, 2). На первый взгляд, результаты этого рывка, темпорально сжавшего несколько веков сельского бытия, впечатляют. Обратной стороной медали стали тектоническое давление на крестьянство, на социальное «тело» российской цивилизации и гуманитарная катастрофа, обернувшаяся резким сокращением потребления, экстремализацией повседневности, голодом в 1932–1933 и 1946 гг., массовой гибелью сельского населения [11].

Говоря о факторах коллективизации, необходимо учитывать реалии технологического развития, и в этом ключе эффективность предложенного курса будет определяться соответствием усилий власти и практик адаптации сельского социума задачам промышленной революции. Фантастические планы объединения коммунистической перспективы и «агрофабрики», опыт Томаса Кэмпбелла, растиражированный советскими СМИ, его визит и знаковая встреча с И.В. Сталиным, создание «Зернотреста» и реализация американского проекта в совхозе № 2 под Ростовом-на-Дону были призваны решить одновременно проблемы механизации сельского хозяйства и аграрного перенаселения в стране [12, с. 230].

Отметим, что идея технического и технологического переворота воспринималась местным руководством как весьма реальная перспектива ближайшего будущего. Доктринальные установки и управленческие практики складывались в систему

институциональной трансформации: развитие системы сельскохозяйственного кредита, машиноснабжение, землеустройство, расселение и переселение, агропросвещение, создание современных организационных форм (сети аграрно-индустриальных комбинатов) [13, с. 23–25]¹. Однако одновременно происходит ужесточение инвестиционно-мобилизационной парадигмы, обосновывавшей рост налогов и «восстановительное» для промышленности ценообразование [14, с. 411].

Размышляя о причинах неудач аграрной модернизации в СССР в 1930-х гг., следует учитывать необходимость оборонного строительства в условиях роста военной угрозы. Ключевым фактором успеха для «американского проекта» выступала именно механизация сельскохозяйственных работ, т.е. массированные поставки техни-

ки, что позволяло значительно нарастить объёмы производства даже при низкой урожайности и сокращении численности работников, главным образом, за счёт увеличения площади посева и скорости выполнения работ. Следовательно, и в СССР в этом случае поворотным моментом должен был стать масштабный инвестиционный проект, предусматривавший либо стремительное развитие системы сельскохозяйственного кредита (в парадигме НЭПа), либо приоритетное развитие сельскохозяйственного машиностроения (в рамках мобилизационной стратегии).

Формирование советской модерности и кризис управленческой стратегии

К факторам компенсирующего порядка, обеспечивавшим институциональный баланс, следует отнести развитие социальной

Рис. 3. Слушатели Мордовской средней сельскохозяйственной школы по подготовке председателей колхозов. 1950-е гг.

¹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3970. Л. 39об., 47–48, 60–69.

Рис. 4. Практические занятия на курсах трактористов в Zubovo-Polyanskoy школе механизации Мордовской АССР. 1950-е гг.

инфраструктуры, подготовку кадров, формирование модерности (рис. 3). Дошкольное, школьное и культурное строительство, развитие сети учреждений социального обеспечения и здравоохранения, радиофикация и кинофикация формируют собой некую, на первый взгляд, безоговорочно позитивную зону предметной области историографии советской аграрной политики [15, с. 166; 16, с. 53]. Действительно, несмотря на голод, репрессии, деструктивную трансформацию традиционных ценностей, катастрофическое сокращение уровня и качества жизни, блокировку жизненных перспектив, в этой сфере наблюдаются разительные примеры демонстративного благополучия.

Следующий цикл в истории советской аграрной политики встраивается в период перехода к новому технологическому укладу и напрямую соотносится с обострением политической нестабильности и кризиса в СССР. При этом в результате исключения из управленческих практик стимулов

внеэкономического принуждения к концу 1950-х гг. происходит исчерпание фазы роста в заданных пределах институционального компромисса и конфигурация цикла меняется. Аграрное производство вступает в фазу рецессии и кризиса в 1957–1964 гг. Вместе с тем в это же время начинается поиск новых комбинаций институциональных форм (начало дискуссий о реабилитации товарно-денежных отношений при социализме относится к 1957 г.). Наиболее эффективной, хотя и противоречивой по институциональной направленности стала фаза роста и активизации экономических стимулов развития: 1965–1969 гг. [17]. Отметим, что модернизационная составляющая в каждом из циклов отвечала за тиражирование, внедрение высокотехнологичного (для своего времени) оборудования и соответствующих паттернов социального восприятия, изменяющих социальную идентичность (рис. 4–6).

При всей монолитности, статичности и консерватизме доктринальных устано-

Рис. 5. Сельскохозяйственная выставка. Семинар с партийным активом по изучению квадратно-гнездовой картофелесажалки. 1954 г.

Рис. 6. Уборку риса в колхозе им. Будённого Ядринского р-на Чувашской АССР ведут механизаторы Ядринской МТС. 25 августа 1954 г.

вок на протяжении 1920-х – 1980-х гг. совокупность условий цивилизационного развития создавала зоны свободы, открытые для изменений, оказывая воздействие и на принятие решений в сфере аграрного производства.

На пороге нового технологического уклада

В 1970-е гг. в советской социологической науке активно разрабатывается концепция интеллектуализации труда как процесса развития новых качеств личности труженика [18, с. 223]. Наиболее ярким (хотя и драматичным) примером реализации подобных идей на практике являются экономические эксперименты И.Н. Худенко, реализованные в 1960-х – начале 1970-х гг. в ряде сельскохозяйственных предприятий Казахстана. По мнению А.В. Гайсиной, система, предложенная Худенко, обладала более высоким социально-демократическим уровнем экономических отношений по сравнению с философией общей судьбы [19, с. 228]. Авторская система организации и оплаты труда («безнарядно-звеньевая») строилась на принципах самоуправления и коллективной работы, товарищества и сотрудничества, поощрения инноваций, оплаты труда в расчёте на конечный продукт. Как написал в своих воспоминаниях В.Д. Белкин, непосредственный свидетель Казахской трагедии, эксперимент Худенко представлял собой «не прошлое, а будущее советского хозяйства. И в экономическом, и в социальном смысле» [20, с. 95].

Затратные программы механизации, мелиорации и химизации, реализованные в 1970-е гг., позволили сохранять положительную динамику производства сельскохозяйственной продукции до 1978 г. Несмотря на это, в 1979–1981 гг. наблюдаются кризис и падение производства валовой продукции сельского хозяйства. Ключевой проблемой стала нерешённость задачи комплексной механизации сельского хозяйства и внедрения нового высокотехнологического оборудования [21, с. 68–70].

Эволюция аграрной политики приобрела консервативный характер, что отразилось на её динамике и результатах: медленный рост основных макроэкономических показателей и решение отдельных проблем не привели к созданию эффективного аграрного сектора, сопровождались нелинейным нарастанием кризисных процессов в производственной и социальной сферах российского села. Дополнительным фактором кризисности советской аграрной политики выступало стремление к унификации институциональных форм (преобразование колхозов в совхозы, ограничение ЛПХ и пр.), тогда как залогом устойчивого развития системы является их разнообразие.

Следует признать, что в советском обществе проблема диспропорций системного характера уже была обозначена, и руководство имело возможность познакомиться с реальным положением дел, оценить растущую угрозу [17, с. 49]. Наиболее слабыми звеньями в общей системе агропромышленного производства оставались отрасли переработки, хранения и доставки до потребителя сельскохозяйственной продукции. Так, в 1966 г. в СССР в несельскохозяйственных отраслях агропромышленного комплекса было задействовано 10,7 млн человек, а в США – 17,8 млн. Тем самым сельское хозяйство СССР страдало от неразвитости специализации и низких темпов роста несельскохозяйственных отраслей в едином комплексе [18, с. 132].

В очередной раз инвестиционно-мобилизационная модель столкнулась с вызовом цивилизационного порядка: новая технологическая парадигма уже не довольствовалась простым количественным увеличением стремительно устаревавшего оборудования, тракторов и комбайнов. Ключевым фактором технологической революции в сельском хозяйстве выступали механизация и автоматизация процессов и систем в целом. Но найти адекватный ответ на эту угрозу устойчивому развитию экономики не удалось (рис. 7).

В 1987 г. в сельском хозяйстве СССР насчитывалось около 3 млн тракторов, свы-

Рис. 7. Агитбригада РДК на механизированном току учхоза «Приволжский» (1979 г., Чувашская АССР, Чебоксарский район, п. Кугеси)

ше 800 тысяч зерноуборочных комбайнов, почти 20 млн электродвигателей. Энерговооружённость труда составила 32,7 л.с., или 26 кВт, а энергообеспеченность на 100 га посевных площадей — соответственно 358 л.с., или 300 кВт. Но существенного роста парка высокотехнологичного оборудования не произошло, что объяснялось углублением ведомственных противоречий и несогласованностью работы Госагропрома и Минсельмаша¹.

В русле планово-распределительной экономики решение проблемы обеспечивалось введением пороговых значений доли продукции, соответствующей мировому уровню. Так, согласно постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 13 июня 1986 г., на период 1988–1990 гг. предстояло увеличить этот показатель по тракторам и машинам, а также по машинам и оборудованию для животноводства и кормопроизводства с 50 до 80%. Результаты работы

Временной научно-технической комиссии, созданной в мае 1987 г. для оценки технического уровня важнейшей продукции, которая намечалась к выпуску, но не соответствовала мировому уровню, оказались неутешительными. Добиться желаемого не удалось.

Ответственность за срыв решений партии и правительства возложили на Минсельхозмаш. Одной из главных причин был назван низкий темп модернизации и освоения промышленностью машин, рекомендованных к производству по результатам государственных приёмочных испытаний. Практически не улучшалось качество изготовления сельскохозяйственных машин². При этом даже планируемая цена на сельскохозяйственную технику рассчитывалась выше, чем рост её производительности. Так, по расчётам 1987 г. средняя цена трактора к 1990 г. должна была увеличиться, по сравнению с 1985 г.,

¹ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 650. Оп. 1. Д. 2152. Л. 2.

² РГАЭ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 2152. Л. 2–4.

на 30–35% при росте производительности не выше 10–15%¹.

Разработанная и реализованная в 1982–1989 гг. Продовольственная программа, ориентированная почти исключительно на активизацию коммунальных институциональных форм и организационную перестройку управленческой сферы, привела к ремиссии, но не разрешила основного противоречия системы. В 1989 г. сельское хозяйство СССР вступает в фазу кризиса и поиска новых механизмов и стимулов экономической активности. На последнем съезде КПСС партийное руководство фактически признало наличие аграрного кризиса в стране, который имел глубокие исторические корни и был обусловлен теоретическими и практическими ошибками, просчётами аграрной политики правящей партии [22, с. 19–21, 59–60, 77–78, 162].

Вместе с тем формирование нового технологического уклада требовало институционального закрепления ценностей свободного труда, самоуправления, стремления к творчеству и участия в управлении трудом. И в этом контексте отметим, что аграрное производство в силу специфики своего организационно-хозяйственного развития в индустриальную эпоху в наибольшей степени соответствовало логике эмансипации труда. Исторический опыт хозяйствования на земле, целостность крестьянского мира, память земли, сохранение традиционных практик в своей совокупности могли выступить факторами технологического прорыва, предопределив превращение аграрного сектора в локомотив советской экономики и, соответственно, возрождение села.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левин М. Имеет ли прошлое значение? Какое и почему? // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития / Под общ. ред. А.М. Никулина. М., 2007. С. 10–13.
2. Кузнецов И.А. Приключения государственного капитализма в сельском хозяйстве СССР (по поводу одной исторической концепции): Рецензия на монографию: Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. // Крестьяноведение. 2016. Т. 1. № 1. С. 171–179.
3. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М., 2006.
4. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История, 2014.
5. Румянцева С.Ю. Длинные волны в экономике: многофакторный анализ. СПб., 2003.
6. Гринин Л.Е. Кондратьевские волны, технологические уклады и теория производственных революций // Кондратьевские волны. 2012. № 1. С. 222–262.
7. Длинные волны, современная экономика и перспективы грядущих трансформаций в XXI веке / Под ред. Л.Е. Гринина. М., 2019.
8. Островский А.В. Аграрная эволюция пореформенной Европейской России: дискуссионные проблемы // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 96–111.
9. Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX века. СПб.: Полторак, 2013.
10. Кондрашин В.В. Голод 1932–33 годов: трагедия российской деревни. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
11. Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М.: Дело, 2017.

¹ Там же. Л. 24

12. Ильиных В.А. Нэп: поиск оптимальной модели реформирования аграрного строя // Экономическая история. 2012. № 1 (16). С. 16–26.
13. Рогалина Н.Л. Аграрная история СССР в свете новых документальных публикаций // Экономическая история: Ежегодник. М., 2005. С. 409–422.
14. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВЦ, 2005.
15. Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX – XX в.). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012.
16. Наухацкий В.В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня. 1965–2000. Ростов н/Д: РГЭУ РИНХ, 2003.
17. Староверов В.И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М.: Наука, 1978.
18. Гайсина А.В. Факторы творческой инициативы в повышении эффективности общественного производства // Евразийское научное объединение. 2018. № 12–4 (46). С. 226–230.
19. Белкин В.Д. Избранные труды: В 3 т. Т. 3: Тернистый путь экономиста. М.: ЦЭМИ РАН, 2015.
20. Merl S. Why the Soviet Union under Krushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: internal aspects (1953–1986) // Крестьяноведение (Russian peasant studies). 2021. Т. 6. № 1. С. 21–70.
21. Материалы XXVIII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1990.

Agrarian Policy and the Change of Technological Ways in the USSR: Compliance Problems

Olga Aleksandrovna Sukhova – Doctor of Historical Sciences; Dean of the Faculty of History and Languages, Penza State University; Head of the project “Agrarian policy in the USSR and regional features of its implementation (1922–1991)” (21-09-43020 USSR).

E-mail: savtemp@yandex.ru

The paper offers an explanatory model that reveals the nature and mechanisms for the implementation of agrarian policy throughout the Soviet history. The basic elements of the concept were chosen: the theory of changing technological patterns, the integral-institutional paradigm of civilizational development and the consideration of society as an open system. Within the framework of the managed crisis strategy, the periodization of agrarian policy in the USSR is presented as a succession of phases of adaptation of the economic, social and information environment of the rural community to the tasks of forming and changing technological patterns. The author analyzes factors and obstacles for the implementation of the technological revolution project (mechanization and electrification) in agriculture, the contradictions of the formation of rural modernity, reviews the unique experience of approbation and implementation of the practices and attitudes of freed labor.

Keywords: USSR, agrarian policy, Russian peasantry, technological structure, institutional transformation, positive rural identity

REFERENCES

1. Levin M. Imeet li proshloe znachenie? Kakoe i pochemu? // Puti Rossii: preemstvennost' i pryvystost' obshchestvennogo razvitiya / Pod obshch. red. A.M. Nikulina. M., 2007. S. 10–13 (in Russian).
2. Kuznetsov I.A. Priklyucheniya gosudarstvennogo kapitalizma v sel'skom khozyaistve SSSR (po povodu odnoi istoricheskoi kontseptsii): Retsenziya na monografiyu: Beznin M.A., Dimoni T.M. Agrarnyi stroi Rossii 1930–1980-kh godov. M., 2014. // Krest'yanovedenie. 2016. T. 1. № 1. S. 171–179 (in Russian).
3. Bessonova O.E. Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez transformatsii. M., 2006 (in Russian).
4. Kirdina S.G. Institutsional'nye matritysy i razvitie Rossii: vvedenie v X-Y-teoriyu. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014 (in Russian).
5. Rumyantseva S.Yu. Dlinnye volny v ekonomike: mnogofaktorny analiz. SPb., 2003 (in Russian).
6. Grinin L.E. Kondrat'evskie volny, tekhnologicheskie układy i teoriya proizvodstvennykh revolyutsii // Kondrat'evskie volny. 2012. № 1. S. 222–262 (in Russian).
7. Dlinnye volny, sovremennaya ekonomika i perspektivy gryadushchikh transformatsii v XXI veke / Pod red. L.E. Grinina. M., 2019 (in Russian).
8. Ostrovskii A.V. Agrarnaya evolyutsiya poreformennoi Evropeiskoi Rossii: diskussionnye problemy // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2015. № 2. S. 96–111 (in Russian).
9. Ostrovskii A.V. Zernovoe proizvodstvo Evropeiskoi Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. SPb.: Poltorak, 2013 (in Russian).
10. Kondrashin V.V. Golod 1932–33 godov: tragediya rossiiskoi derevni. M.: Politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008 (in Russian).
11. Nefedov S.A. Uroven' zhizni naseleniya i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 godakh. M.: Delo, 2017 (in Russian).
12. Il'nykh V.A. Nep: poisk optimal'noi modeli reformirovaniya agrarnogo stroya // Ekonomicheskaya istoriya. 2012. № 1 (16). S. 16–26 (in Russian).
13. Rogalina N.L. Agrarnaya istoriya SSSR v svete novykh dokumental'nykh publikatsii // Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. M., 2005. S. 409–422 (in Russian).
14. Bondarev V.A. Fragmentarnaya modernizatsiya postoktyabr'skoi derevni: istoriya preobrazovaniya v sel'skom khozyaistve i evolyutsiya krest'yanstva v kontse 20-kh – nachale 50-kh godov XX veka na primere zernovykh raionov Dona, Kubani i Stavropol'ya. Rostov-na-Donu: SKNTS VSh, 2005 (in Russian).
15. Mazur L.N. Rossiiskaya derevnya v usloviyakh urbanizatsii: regional'noe izmerenie (vtoraya polovina XIX–XX v.). Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2012 (in Russian).
16. Naukhatskii V.V. Modernizatsiya sel'skogo khozyaistva i rossiiskaya derevnya. 1965–2000. Rostov n/D: RGEU RINKh, 2003 (in Russian).
17. Staroverov V.I. Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR na etape razvitogo sotsializma. M.: Nauka, 1978 (in Russian).
18. Gaisina A.V. Faktory tvorcheskoi initsiativy v povyshenii effektivnosti obshchestvennogo proizvodstva // Evraziiskoe nauchnoe ob"edinenie. 2018. № 12–4 (46). S. 226–230 (in Russian).
19. Belkin V.D. Izbrannye trudy: V 3 t. T. 3: Ternisty put' ekonomista. M.: TSEMI RAN, 2015 (in Russian).
20. Merl S. Why the Soviet Union under Krushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: internal aspects (1953–1986) // Krest'yanovedenie (Russian peasant studies). 2021. T. 6. № 1. Pp. 21–70.
21. Materialy XXVIII s"ezda KPSS. M.: Politizdat, 1990 (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 364.35

Код ГРНТИ 10.67; 10.11; 10.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-20-31

А.В. АЛЕКСАНДРОВА, А.В. ЛАПАЕВА, А.А. РЫЖОВА, Е.А. СЕРЕБРЯКОВА*

Теоретические основы пенсионного законодательства: опыт сравнительного исследования

Предмет исследования — система научных взглядов, теорий, идей, использованных при разработке нормативных актов в области пенсионного обеспечения во Франции, Великобритании и России. Представлена авторская периодизация этапов развития концептуальных основ пенсионного законодательства. Сформулированы выводы, полученные при изучении первого этапа, охватывающего период до 1914 г. Охарактеризованы особенности систем социальной поддержки малоимущих лиц, возникшие в указанных странах под влиянием религиозной идеологии (различных ответвлений христианства). Рассмотрено влияние философии Просвещения на формирование теоретической основы права личности на социальное, в том числе пенсионное, обеспечение. Представлен вклад российских правоведов в формирование указанного подхода.

* **Александрова Анна Викторовна** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Пензенского государственного университета, руководитель проекта «Концептуальные основы пенсионного законодательства (опыт Великобритании, Франции и России)» (20-011-00252).

E-mail: ann-alexandrova@mail.ru

Лапаева Ангелина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, исполнитель того же проекта.

E-mail: anlapaeva@gmail.com

Рыжова Анастасия Андреевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Пензенского государственного университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: 17593r@mail.ru

Серебрякова Елена Алексеевна — кандидат юридических наук, доцент департамента права цифровых технологий и биоправа Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», исполнитель того же проекта.

E-mail: argentum-s@mail.ru

Выявлена роль социалистических учений, концепций утилитаризма, либерализма, солидаризма, социального страхования, договора поколений и др. в процессе формирования теоретических основ пенсионного законодательства.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, социальное страхование, личность, государство, законодательство

Выполненное авторами исследование было направлено на выявление теоретических основ пенсионного законодательства России, Великобритании и Франции на различных этапах его развития.

Актуальность такого исследования обусловлена необходимостью формирования новых концептуальных подходов к развитию пенсионного законодательства. Известно, что в последние десятилетия системы пенсионного обеспечения как нашей страны, так и многих зарубежных государств столкнулись с кризисными явлениями. В числе причин кризиса можно назвать:

- экономические – снижение темпов экономического роста, изменение характера труда в условиях постиндустриальной экономики;
- демографические – старение населения, сокращение рождаемости;
- идеологические и социально-психологические – индивидуализация, отход от принципов социальной солидарности [1, с. 108].

На рубеже XX–XXI в. и в развитых зарубежных странах (таких как Великобритания и Франция), и в России были приняты меры по повышению финансовой стабильности пенсионных систем. Среди них: внедрение накопительных элементов, увеличение пенсионного возраста, уравнивание в пенсионных правах мужчин и женщин и др. Однако, на наш взгляд, названные меры имеют лишь тактический характер, но не способны воздействовать на коренные причины кризисной ситуации. Преодоление кризиса возможно по-

средством смены парадигмы социального обеспечения в целом и пенсионного обеспечения в частности. Важным шагом на пути разработки такой парадигмы выступает исследование концепций, базовых теоретических основ, положенных в основу пенсионного законодательства.

В рамках проведённого нами исследования под концептуальными основами пенсионного законодательства понималась система научных взглядов, теорий, идей учёных-правоведов, экономистов, философов, которые использовались (и используются сейчас) при разработке нормативных актов в сфере пенсионного обеспечения.

Предложенная авторским коллективом периодизация концептуальных основ пенсионного законодательства предполагает выделение следующих основных этапов:

I. Этап первоначального формирования концептуальных основ пенсионного законодательства (до 1914 г.). К моменту начала Первой мировой войны в рассматриваемых нами государствах, как и в большинстве стран Европы, завершился первоначальный этап формирования пенсионного законодательства: сложились и оформились системы государственного пенсионного обеспечения чиновников и военнослужащих, были законодательно урегулированы вопросы формирования личных пенсионных накоплений, приняты первые законы о социальном страховании наёмных работников (добровольном либо обязательном).

II. Этап, связанный с развитием обязательных страховых начал в пенсионном обеспечении (1914–1945 гг.). Он охватывает период между двумя мировыми вой-

нами. Обязательное страхование в пенсионном законодательстве Великобритании, Франции и России получает своё развитие именно на данном этапе. Это обусловлено тем, что в Великобритании до 1914 г. обязательного пенсионного страхования внедрено не было (был принят закон о бюджетном обеспечении малоимущих пожилых лиц, которое финансировалось за счёт налогов, а не страховых взносов); в России закона о пенсионном страховании на случай старости также принято не было. К началу Первой мировой войны существовал только закон 1910 г. о страховых пенсиях во Франции, однако его реализация не принесла ожидаемых результатов и пенсионным страхованием была охвачена лишь незначительная часть населения.

III. Этап, связанный с внедрением принципа всеобщности пенсионного обеспечения (1945–1980 гг.). В первые послевоенные годы в таких странах, как Великобритания и Франция, к власти приходят левые, демократические настроенные силы, ориентированные на проведение социальных реформ. В обеих странах предпринимаются попытки внедрения всеобщности социального (в том числе пенсионного) обеспечения, вдохновлённые идеями У. Бевериджа. В Советском Союзе в 1950-е гг. принимается первый закон о государственных пенсиях (до этого пенсионные отношения регулировались подзаконными актами), а в 1960-е гг. — закон о пенсиях колхозникам; таким образом, фактически делаются шаги по внедрению всеобщности пенсионного обеспечения.

IV. Современный этап, связанный с кризисом пенсионных систем (1980–2022 гг.). Этот кризис обусловлен как замедлением экономического роста, так и демографическими изменениями, вследствие которых численность плательщиков взносов по отношению к получателям пенсии сокращается; финансовые проблемы требуют структурных изменений пенсионных систем. Пандемия коронавируса обусловила новые вызовы, связанные с ограничениями

экономической деятельности, вынужденной массовой безработицей и, соответственно, сокращением поступления взносов на социальное страхование.

Поскольку в рамках настоящей статьи подробно изложить все полученные в ходе исследования научные результаты не представляется возможным, мы остановимся только на концептуальных основах пенсионного законодательства, разработанных на первом этапе развития — до 1914 г. Полное изложение материалов исследования представлено в монографии [2].

Формирование теоретических основ пенсионного обеспечения

Идея социальной поддержки пожилых лиц, инвалидов и вдов зародилась ещё на ранних этапах существования человеческого общества и получила своё выражение в древних законодательных актах. В Средневековье теоретической основой помощи неимущим в европейских странах становится христианское учение; сама эта помощь имела формы благотворительности (как государственной, так и частной), общинной поддержки (ил. 1).

Различия, существовавшие в понимании сути благотворительности и любви к ближнему в рамках таких ответвлений христианского учения, как католицизм, протестантизм и православие, во многом определили специфику подходов, используемых для оказания помощи пожилым и иным нетрудоспособным лицам в рассматриваемых странах [3, с. 8–9]. Во Франции оказались сильны корпоративистские начала, в Великобритании — концепции индивидуализма и прагматизма, в России — общинная помощь и нищелюбие.

Прообразом социального страхования в Средние века в странах Западной Европы являлась взаимная поддержка ремесленников в рамках цехов и гильдий (ил. 2); после буржуазных революций такая поддержка развивалась обществами взаимопомощи и профсоюзами.

Теоретическое обоснование права на пенсионное обеспечение (в рамках права

Ил. 1. Церковная благотворительность.
М. Пахер. Святой Лаврентий раздаёт милостыню. XV в.

на социальное обеспечение, на достойное существование) произошло в Новое и Новейшее время. Общеизвестным является тот факт, что философия Просвещения сыграла особую роль в развитии концепции прав человека. Однако, на наш взгляд, незаслуженно забытыми сегодня оказались идеи представителей утопического социализма, до просветителей сформулировавших принципы равноправия людей

независимо от сословной принадлежности, пола и имущественного положения, а также предложивших модели идеального государства, основанного на началах всеобщего труда и всеобщего социального обеспечения (идеи Т. Мора, Д. Уинстэнли, Ж. Мелье, Э.-Г. Морелли и др.) [4].

К числу знаменитых британских философов-просветителей, сформулировавших принципы равноправия всех людей, необ-

Ил. 2. Средневековый цех. Кузнецы-оружейники. Миниатюра эпохи Позднего Средневековья.

Источник публикации: https://wiki2.org/ru/Файл:Medieval_armourers_jpg

ходимости государственной поддержки нетрудоспособных лиц, относятся Т. Гоббс, Т. Пейн, Дж. Локк. Французские просветители (Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер и др.) рассматривали человеческую личность как субъекта, наделённого рядом естественных прав, в том числе правом на жизнь и достоинство. Последнее предполагало оказание нуждающимся гражданам помощи со стороны государства и общества.

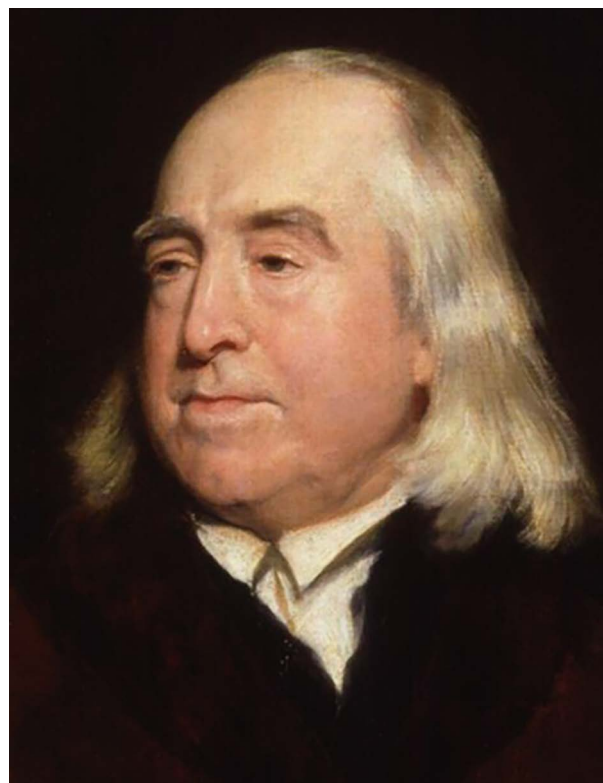
Развивая эти идеи, представители российской общественно-политической мысли XIX в. обосновали такие права личности, как право на достойное существование и право на социальное обеспечение,

требующие осуществления государством определённых положительных действий (а не только воздержания от нарушений, которое предполагали политические свободы). Теоретическое обоснование права личности на социальное обеспечение изложено в трудах И.А. Покровского, П.И. Новгородцева [5, с. 6–17.] (ил. 3), Б.А. Кистяковского [6, с. 590].

На рубеже XIX–XX вв. в отечественной правовой науке активно разрабатывалась теория социального государства (Н.М. Коркунов, И.А. Ильин, В.С. Соловьёв и др.). Конкретные вопросы предоставления мер социальной поддержки исследовались в рамках науки полицейского права (в трудах

Ил. 3. Павел Иванович Новгородцев (1866–1924), русский учёный-правовед, философ, общественный деятель

Ил. 4. Иеремия Бентам (1748–1832), английский философ и правовед

Н.Х. Бунге, В.А. Гагена, В.Ф. Дерюжинского и др.); вопросы социального страхования изучались фабричными инспекторами, инженерами, врачами (П.И. Астров, Н.А. Вигдорчик, В.П. Литвинов-Фалинский, В.Г. Яроцкий и др.).

Концептуальные подходы к пенсионному обеспечению: индивидуализм, эгалитаризм и социальное страхование

Идеи социального страхования как средства преодоления нищеты в пожилом возрасте были сформулированы в общественных науках достаточно давно, ещё в XVII–XVIII вв. (среди их авторов можно назвать французских учёных А. де Буленвилье, И. Фэге де Вильнёв, Ж. Кондорсе, Э. Клавьера и др.). В частности, Буленвилье предложил создать систему, основанную на принципах добровольности, солидарности и зависимости права на социальное обеспечение от факта уплаты взносов [7, с. 63–64]. Однако вплоть до последних десяти-

летий XIX в. эти концепции не получили широкого распространения в европейских странах в силу преобладания индивидуалистического (либерального) подхода, делавшего упор на предусмотрительность и бережливость гражданина («каждый должен сам о себе позаботиться», «беден тот, кто слаб»). Выражением такого подхода выступала, в частности, концепция утилитаризма И. Бентама [8]. Бентам и его последователи исходили из того, что каждый индивид должен сам позаботиться о собственном благополучии; помощь бедным необходимо сделать «болезненной», чтобы у них не возникал соблазн паразитировать за счёт государства (ил. 4). Британское законодательство о бедных XVI–XIX вв. являет собой пример воплощения данной концепции.

Основатели классической политэкономии А. Смит и Дж. Ст. Милль также исходили из принципа индивидуализма и обосновывали постулат о невмешательстве государства в социально-экономические отношения. Определённую популярность

Ил. 5. Первоначальная эмблема фабианского общества (волк в овечьей шкуре)

в XIX в. приобрели и учения социал-дарвинизма, мальтузианства (Дж. Таунсенд, Г. Спенсер, Т. Мальтус), провозглашавшие бедность закономерным явлением, результатом естественного отбора и видевшие пути преодоления бедности в сокращении народонаселения.

Между тем, изменившиеся экономические, социальные и политические условия показали несостоятельность указанных подходов. Циклическое развитие экономики с его неизбежными кризисами, переход к промышленному производству и формирование значительного по численности рабочего класса потребовали активного участия государства в организации системы социальной защиты населения. Ответом на изменившиеся условия стали социалистические учения, концепции социальной солидарности, социального государства и социального права.

В трудах социалистов-утопистов конца XVIII – первой половины XIX в. (Т. Дезами, Ш Фурье, А. Сен-Симон, Р. Оуэн и др.) раз-

рабатывались социалистические и коммунистические модели общества, в которых материальное обеспечение граждан основывалось на эгалитаристских началах.

К концу XIX в. значительную популярность приобрело марксистское учение. Исходя из постулата неизбежного перехода от капитализма к социализму, марксизм уделял значительное внимание вопросам социального обеспечения. Предполагалось, в частности, что социалистическое государство должно гарантировать всем рабочим средства к существованию и взять на себя попечение о неспособных к труду [9, с. 2].

Критический анализ и творческое развитие марксистских идей представителями социалистического движения способствовали формированию двух направлений: реформистского и революционного [10, с. 58]. Радикальное (революционное) направление во второй половине XIX – начале XX в. представляли К. Маркс, В. Либкнехт, А. Бебель, В. Ленин и др. К числу представителей реформистского (умеренного) направления относят Ф. Лассалья, Г. Плеханова, Э. Берштейна и др.

Характеризуя радикальное направление, можно остановиться на страховой программе, разработанной В.И. Лениным. Принципы этой программы были приняты на Шестой Всероссийской конференции РСДРП 1912 г. и стали воплощаться в жизнь на социалистическом этапе развития нашей страны. Ленинская страховая программа, в частности, предусматривала обеспечение всех лиц наёмного труда и членов их семейств во всех случаях утраты ими трудоспособности; принцип возмещения полного заработка; освобождение работников от уплаты взносов и возложение всех расходов по страхованию на предпринимателей и государство [11, с. 146]. Отдавая должное прогрессивной направленности программы, следует, тем не менее, отметить, что многие её положения носили популистский характер и так и не были воплощены в жизнь за весь период су-

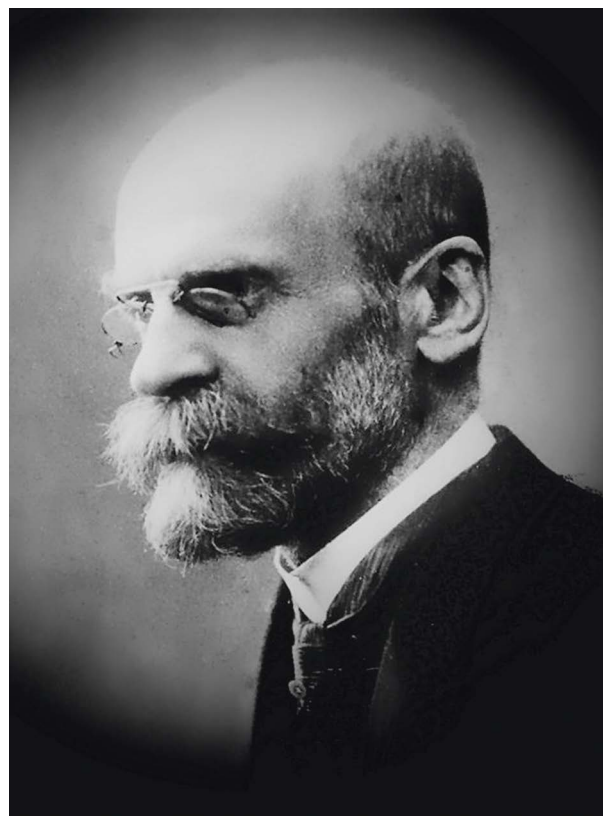
ществования советского государства: например такие, как возмещение полного заработка или охват всех случаев нетрудоспособности.

Сближение либеральных и социалистических концепций. Социальная солидарность

Реформистское направление социалистического движения дало толчок развитию целого ряда учений, которые сформировались на рубеже XIX–XX вв., а впоследствии стали основой проведения социальных реформ в европейских странах. В частности, критический анализ идей К. Маркса был положен в основу фабианства — философско-экономического течения, оформившегося в Англии в 1884 г. (ил. 5). Фабианцы выступали за постепенное, без революционных потрясений, преобразование капитализма в социализм. У истоков фабианского общества стояли Сидней и Беатриса Вебб, видные профсоюзные деятели и социальные реформаторы Великобритании. В XX в. фабианцы стали мозговым центром лейбористской партии. В разные годы членами фабианского движения выступали такие известные государственные деятели, как Р. Макдональд, К. Эттли, У. Беверидж, Т. Блэр.

В недрах реформистского направления британского либерализма сформировалось новое течение — «социальный либерализм» (А. Маршалл, Г. Самуэль, Л.Т. Хобхаус), допускающее ограниченное вмешательство государства в экономику в целях ликвидации крайних форм неравенства.

Своего рода компромиссной идеей, позволяющей сгладить противоречия либерального и радикального социалистического подходов, стала концепция социальной солидарности. Она, с одной стороны, содержала в себе известную долю самостоятельности и ответственности субъекта (наёмного работника) и в то же время предполагала разделение риска между общностью работников и работодателем, а также привлечение государства к финансированию социального страхо-

Ил. 6. Эмиль Дюркгейм (1858–1917), французский социолог и философ

вания. Среди основателей доктрины солидаризма могут быть названы О. Конт, Э. Дюркгейм, Л. Дюги, Л. Буржуа. В частности, в работе Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда» указывалось на то, что разделение труда увеличивает зависимость каждого гражданина от общества в целом, поскольку отдельные индивиды выполняют в общественном производстве взаимодополняющие функции. Такую взаимосвязь членов общества Дюркгейм назвал «органической» солидарностью [12, с. 55] (ил. 6). Л. Буржуа разработал политическую программу, основанную на принципе солидарности. В своей книге «Солидарность» [13] он, исходя из концепции взаимозависимости индивидов, сделал вывод о наличии обязанности, долга каждого перед обществом, который может быть охарактеризован как «договор между поколениями». Доктрина солидаризма оказала существенное влияние на формирование института социального страхования [14, с. 37].

Основы концепции социального страхования, получившей своё выражение в германском законодательстве 1882–1890 гг., были сформулированы немецким экономистом А. Вагнером. Важнейшей задачей в процессе создания социального страхования Вагнер считал необходимость принуждения работодателей (с помощью закона) к финансовому участию в страховании их наёмных работников от типичных видов социальных рисков – таких как болезнь, несчастный случай на производстве, «старческая нетрудоспособность» [15, с. 506].

Германский опыт в области пенсионного обеспечения внимательным образом изучался в европейских странах, приступивших к разработке собственного законодательства в этой сфере (в том числе в Великобритании, Франции и России). В частности, оценивая значение германского закона 1889 г. о страховании рабочих на случай инвалидности и старости, русский юрист А.С. Гольденвейзер подчёркивал, что важнейшими нововведениями стали «как введение принципа принудительного страхования, так и возложение расходов на образование страхового фонда, которым будет пользоваться один класс населения, на другой класс, который им пользоваться не будет, так в особенности ещё и участие в этих расходах самой казны» [16, с. 4].

Заключение

Таким образом, к началу XX в. общественные науки выработали ряд подходов к решению проблемы пенсионного обеспечения пожилых и иных нетрудоспособных лиц. Классическая политэкономия, утилитаризм, либеральные подходы исходили из доктрины бережливости и самопомощи: вопросы пенсионного обеспечения они возлагали преимущественно на самого индивида. Социалистические учения в их радикальном, революционном проявлении выступали за коренное преобразование общественно-экономической системы и переход к новому строю, основанному на всеобщем труде и уравнитель-

ном распределении. При такой организации общества пенсионное обеспечение трудящихся должно было гарантироваться государством за счёт средств работодателей и бюджета (с учётом трудового вклада работника), а в отношении лиц, нетрудоспособных в принципе (например, инвалиды с детства), предусматривалось выделение определённой доли общественного продукта. Своего рода компромиссным вариантом выступали социал-реформистские течения, предлагавшие в качестве основы построения пенсионной системы идеи обязательного социального страхования: разделение социального риска между работником и работодателем, субсидиарное участие государства, эквивалентность взносов и страховых выплат. Законодательство XX в. в том или ином виде воплотит в себе все три рассмотренные выше подхода.

В частности, французские пенсионные законы 1910, 1928 и 1930 гг. испытали на себе сильное влияние законодательства Бисмарка, став воплощением принципа социальной солидарности и страховой пенсионной модели. Британский пенсионный акт 1908 г. отразил идею вспомоществования и обеспечил минимальные выплаты за счёт государственного бюджета ограниченному кругу пожилых лиц. Впоследствии был осуществлён поворот к страховой модели, что было закреплено в законе 1925 г. К середине XX в. во Франции утвердилась пенсионная «модель Бисмарка» (страховая), а в Великобритании – «модель Бевериджа» (со значительным государственным участием).

Что касается России, то в ней на до-революционном этапе развития не было принято акта о пенсионном страховании по старости (законами 1912 г. было предусмотрено лишь страхование на случай болезни и временной нетрудоспособности). Законодательство Советской России отразило эгалитаристскую (марксистскую) концепцию, предполагавшую социальное обеспечение всех трудящихся за счёт государственного бюджета. Однако внедрение

принципов всеобщности в нашей стране происходило достаточно медленно: пенсии по старости были установлены в 1930-е гг. и постепенно распространены на большинство категорий рабочих и служащих; для колхозников пенсии были введены лишь в 1960-е гг.

В целом можно отметить взаимовлияние различных моделей пенсионного обеспечения, сложившихся в рассматриваемых нами странах в XX в., и ту особую роль, которую сыграли в процессе их формирования идеи социальной солидарности и договора поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Ю.В. Влияние демографических факторов и изменений в структуре занятости населения на российскую систему социального страхования // *Ex iure*. 2019. № 4. С. 105–115.
2. Александрова А.В., Лапаева А.В., Рыжова А.А., Серебрякова Е.А. Концептуальные основы пенсионного законодательства (опыт Великобритании, Франции и России): монография. М.: РУСАЙНС, 2022.
3. Нечипорова Е.В. Основные идеи и практики милосердно-благотворительной деятельности христианских церквей: компаративный анализ: автореф. дисс. канд. фил. наук: 09.00.14 / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2010.
4. Гайрапетов А.Г., Юдин А.И. Западно-европейский и русский утопический социализм Нового времени. М.: Высшая школа, 1991.
5. Новгородцев П.И., Покровский И.А. О праве на существование. СПб: т-во М.О. Вольф, 1911.
6. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: Типолитография т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1916.
7. Boulainvilliers H. Mémoires présentés à Monseigneur le Duc d'Orleans, Régent de France. Tome 1. Haye, Amsterdam, 1727.
8. Бентам И. Принципы законодательства; О влиянии условий времени и места на законодательство; Руководство по политической экономии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 5. М.: Изд-во политической литературы, 1956.
10. Бирюков С.В., Мороз Е.В. История политических и правовых учений XX века: основные направления развития отечественной и зарубежной политико-правовой мысли. Кемерово: Кемеровский институт РГТЭУ, 2011.
11. Ленин В.И. Об отношении к думскому законопроекту о государственном страховании рабочих. VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП // Полное собрание сочинений. Т. 21. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 146–149.
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса: типография Г.М. Левинсона, 1900.
13. Bourgeois L. Solidarité. Paris: Armand Colin, 1902.
14. Роик В.Д. Социальное страхование: экономика, финансы и управление: Учебное пособие. М.: ИД «АТиСО», 2014.
15. Wagner A. Speech on the Social Question // *Social Reformers. Adam Smith to John Dewey*. New York: Macmillan, 1939. Pp. 489–506.
16. Гольденвейзер А.С. Социальное законодательство Германской империи: страхование рабочих: больничное, от несчастных случаев, на случай потери способности к труду и старости (Доклад, читанный в заседании 18 ноября 1889 г.). Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016.

Theoretical Foundations of Pension Legislation: Experience of Comparative Study

Anna Victorovna Aleksandrova – Candidate of Law Sciences (PhD); Associate Professor; Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Law Institute of Penza State University; Head of the project "Conceptual foundations of pension legislation (experience of Great Britain, France and Russia)" (20-011-00252).

E-mail: ann-alexandrova@mail.ru

Angelina Vyacheslavovna Lapaeva – Candidate of Law Sciences (PhD); Associate Professor; Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law and National Security, Derzhavin Tambov State University; co-researcher in the same project.

E-mail: anlapaeva@gmail.com

Anastasia Andreevna Ryzhova – Candidate of Law Sciences (PhD); Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Law Institute, Penza State University; co-researcher in the same project.

E-mail: 17593r@mail.ru

Elena Alexeyevna Serebryakova – Candidate of Law Sciences (PhD); Associate Professor, Department of Digital Technology and Biolaw, Faculty of Law, HSE University (National Research University "Higher School of Economics"), co-researcher in the same project.

E-mail: argentum-s@mail.ru

The research focuses on the system of scientific views, theories, ideas used in the development of pension legal regulations in France, Great Britain and Russia. The author presents the periodization of development stages of the conceptual foundations of pension legislation, draws the conclusions from the consideration of the first stage, covering the period up to 1914. The features of the systems of social support for the poor, which arose in the countries under the influence of religious ideology (various branches of Christianity), are characterized. The paper addresses the influence of the philosophy of the Enlightenment on the formation of the theoretical basis of the individual's right to social security, including pensions, presents the contribution of Russian legal experts to the formation of this approach. The authors reveal the role of socialist doctrines, the concepts of utilitarianism, liberalism, solidarism, social insurance, the agreement between generations, etc. in the process of forming the theoretical foundations of pension legislation.

Keywords: pension provision, social insurance, personality, state, legislation

REFERENCES

1. Vasil'eva Yu.V. Vliyanie demograficheskikh faktorov i izmenenii v strukture zanyatosti naseleniya na rossiiskuyu sistemu sotsial'nogo strakhovaniya // Ex iure. 2019. № 4. S. 105–115 (in Russian).
2. Aleksandrova A.V., Lapaeva A.V., Ryzhova A.A., Serebryakova E.A. Kontseptual'nye osnovy pensionnogo zakonodatel'stva (opyt Velikobritanii, Frantsii i Rossii): monografiya. M.: RUSAINS, 2022 (in Russian).
3. Nechiporova E.V. Osnovnye idei i praktiki miloserdno-blagotvoritel'noi deyatelnosti khristianskikh tserkvei: komparativnyi analiz: avtoref. diss. kand. fil. nauk: 09.00.14 / Yuzhnyi federal'nyi universitet. Rostov-na-Donu, 2010 (in Russian).
4. Gairapetov A.G., Yudin A.I. Zapadno-evropeiskii i russkii utopicheskii sotsializm Novogo vremeni. M.: Vysshaya shkola, 1991 (in Russian).

5. Novgorodtsev P.I., Pokrovskii I.A. O prave na sushchestvovanie. SPb: t-vo M.O. Vol'f, 1911 (in Russian).
6. Kistyakovskii B.A. Sotsial'nye nauki i pravo. Ocherki po metodologii sotsial'nykh nauk i obshchei teorii prava. M.: Tipolitografiya t-va I.N. Kushnerev i K°, 1916 (in Russian).
7. Boulainvilliers H. Mémoires présentés à Monseigneur le Duc d'Orleans, Régent de France. Tome I. Haye, Amsterdam, 1727.
8. Bentam I. Printsipy zakonodatel'stva; O vliyaniy uslovii vremeni i mesta na zakonodatel'stvo; Rukovodstvo po politicheskoi ekonomii. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2018 (in Russian).
9. Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. T. 5. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1956 (in Russian).
10. Biryukov S.V., Moroz E.V. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii XX veka: osnovnye napravleniya razvitiya otechestvennoi i zarubezhnoi politiko-pravovoi mysli. Kemerovo: Kemerovskii institut RGTEU, 2011 (in Russian).
11. Lenin V.I. Ob otnoshenii k dumskomu zakonoproektu o gosudarstvennom strakhovanii rabochikh. VI (Prazhskaya) Vserossiiskaya konferentsiya RSDRP // Polnoe sobranie sochinenii. T. 21. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1968. S. 146–149 (in Russian).
12. Dyurkgeim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Odessa: tipografiya G.M. Levinsona, 1900 (in Russian).
13. Bourgeois L. Solidarité. Paris: Armand Colin, 1902.
14. Roik V.D. Sotsial'noe strakhovanie: ekonomika, finansy i upravlenie: Uchebnoe posobie. M.: ID «ATiSO», 2014 (in Russian).
15. Wagner A. Speech on the Social Question // Social Reformers. Adam Smith to John Dewey. New York: Macmillan, 1939. Pp. 489–506.
16. Gol'denveizer A.S. Sotsial'noe zakonodatel'stvo Germanskoi imperii: strakhovanie rabochikh: bol'nichnoe, ot neschastnykh sluchaev, na sluchai poteri sposobnosti k trudu i starosti (Doklad, chitanniy v zasedanii 18 noyabrya 1889 g.) Izd. 2-e. M.: LENAND, 2016 (in Russian).

Е.А. РОСТОВЦЕВ*

Историческая наука Петрограда–Ленинграда в условиях социальной трансформации (1917–1934)

В числе значимых объектов исследования – возникновение дискурса «петербургской исторической школы» в ранний советский период, трансформация системы научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда–Ленинграда, связанных с исторической наукой, эволюция тематики исторических исследований. В фокусе внимания также находятся процессы ликвидации историко-церковной и возникновения историко-партийной науки, взаимоотношения исторического сообщества и власти. Предлагается периодизация развития исторической науки в ранний советский период. Рассматривается роль Петроградского/Ленинградского университета как основного центра исторической науки города, изучается процесс возникновения и развития новых «советских» научных и учебных центров.

Центральным элементом исследований стали просопографические изыскания, которые позволили проследить, как менялся коллективный портрет корпорации историков. Одним из направлений статистических подсчетов стало рассмотрение динамики и направленности политических репрессий против историков, работавших в изучаемый период в Петрограде–Ленинграде. Согласно сделанным наблюдениям, репрессиям подверглось порядка трети из них. При этом наибольший масштаб репрессий обрушился на учреждения Академии наук и, как ни парадоксально, на новые «идеологические» советские учреждения. В то же время просопографические изыскания показывают, что, несмотря на репрессии и трансформации, в учреждениях Петрограда–Ленинграда сохранялись высокая степень преемственности между разными поколениями историков и основные научные школы, сформированные в дореволюционный период. На основе этих наблюдений выдвигается обоснованное предположение о сохранении традиций профессионального ремесла в рамках ленинградской исторической школы, хотя и подвергнутых существенной деформации в условиях тоталитарного политического режима.

Ключевые слова: история науки, Петербургская историческая школа, советская историография, Петроградский/Ленинградский университет, Академия наук, сталинизм

* **Ростовцев Евгений Анатольевич** — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта «Историческая наука Петрограда–Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография» (19-011-00782).
E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

Основные исследовательские вопросы проекта

Проблемное поле заявленной темы чрезвычайно широко. С одной стороны, историческая наука развивается в рамках определённых корпоративных институций и практик – научных и образовательных учреждений, научных школ, журналов, в рамках установленных и освещённых традицией методологических практик. С другой стороны, очевидно, что история является идеологической дисциплиной, а историография – важным инструментом политики памяти. Следует принимать во внимание и топос *петербургской исторической школы*, о котором давно ведутся споры в историографии, а также то немаловажное для неё обстоятельство, что Петроград утратил в 1918 г. столичный статус.

Обозначим ключевые исследовательские вопросы темы. Как формировался дискурс петербургской–петроградской–ленинградской исторической школы в исторической литературе? Каковы современные исследовательские перспективы его изучения? Как происходила трансформация ведущих центров исторической науки Петрограда–Ленинграда в раннее советское время? Как изменился ландшафт исторической науки Ленинграда в 1920-е – начале 1930-х гг.? Как проходила ликвидация историко-церковной науки? Как шло формирование новой историко-партийной науки? Как менялся коллективный портрет историков Петрограда–Ленинграда в исследуемый период? Какие перспективы открывают просопографические исследования науки и, в частности, историографии?

Схоларная проблематика в фокусе просопографии

Ответы на последние из перечисленных вопросов неразрывно связаны с усилиями коллектива проекта «Историческая наука Петрограда–Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография» по формированию

обширной биографической базы данных, на которой основывается ряд изысканий, в том числе сетевой ресурс «Историки Петрограда–Ленинграда (1917–1934)», содержащий структурированные данные о 1171 персоналии [1]. Эта работа продолжила серию коллективных исследований последнего десятилетия, которые осуществляются на историческом факультете в институте истории СПбГУ в области изучения истории науки и университетского сообщества Санкт-Петербурга–Петрограда–Ленинграда [2–9].

В рамках материалов проекта «петербургская историческая школа» предстаёт как бы в двух ракурсах. С одной стороны, связанный с ней историографический дискурс складывается как раз в изучаемую эпоху. «Петербургская историческая школа» осознаёт себя как школа «восстановления прав источника и факта» и в этом смысле отграничивает себя от «социологической» московской школы (см., в частности, тексты А.Е. Преснякова [10], С.Ф. Платонова [11], С.Н. Валка [12]), а последующая историография скорее интерпретирует её установки с разных позиций [13]. С другой стороны, в новых условиях методологическая и корпоративная идентичности школы естественным образом размываются. Главные демаркационные линии в исторической науке Петрограда–Ленинграда проходят уже не по отношению к «московской школе» или разным группам/школам внутри «петербургской школы», а между «старой» и «новой» историографией, ориентированной на идеологический заказ.

В новых социальных условиях, как показывают наши наблюдения, развитие научно-исследовательских программ, сформулированных в дореволюционный период (наиболее яркий пример – школа А.С. Лаппо-Данилевского), было уже невозможно. В то же время лидирующие позиции в науке Петрограда–Ленинграда занимали представители дореволюционных «школ» С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, А.С. Лаппо-Данилевского, Д.В. Айна-

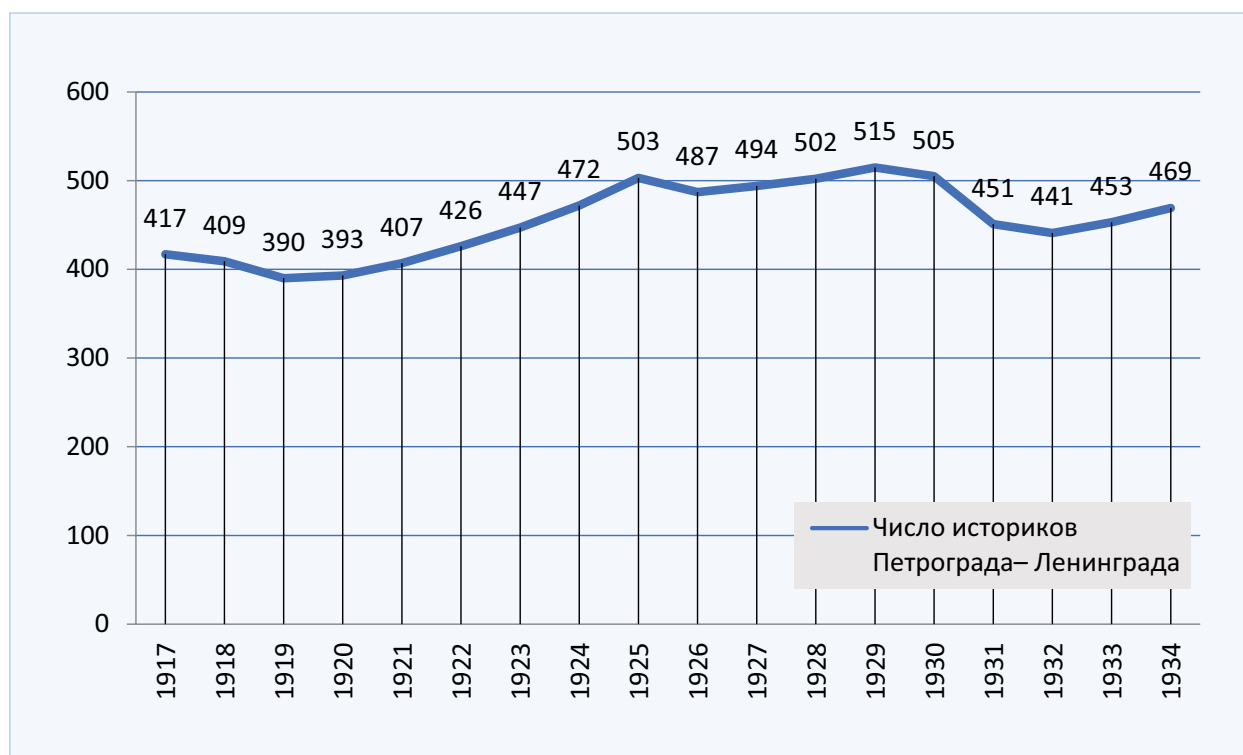

Диаграмма 1. Общее число историков Петрограда—Ленинграда (1917–1934 гг.)

Сост. Д.А. Баринов по: [1] (дата обращения: 7.11.2021)

лова, М.И. Ростовцева, Ф.Ф. Зелинского, А.А. Шахматова и других ведущих учёных дореволюционного времени (некоторые из них эмигрировали из советской России). Такая ситуация привела к своеобразному «раскрепощению» молодого поколения историков от «схоларной зависимости» и, как ни парадоксально, стимулировала многих из них к самостоятельному творческому поиску, конечно, с оглядкой на необходимость приспосабливаться к новой социальной реальности [14].

Общее число историков, работавших в различных научных и высших образовательных структурах Петрограда—Ленинграда, представлено на диаграмме 1.

Трансформация науки: основные этапы

Общие этапы, связанные с трансформацией организационной структуры исторической науки, определяются достаточно чётко, их легко проследить по большинству рассмотренных институций:

1-й этап: 1917–1922 гг.

2-й этап: 1922–1925/26 гг.

3-й этап: 1925/26–1929/1931 гг.

4-й этап: 1929/1931–1934 гг.

Первый этап (эпоха «военного коммунизма» и Гражданской войны) связан с ликвидацией абсолютного большинства негосударственных институций (вузы, общества, журналы). При этом когда речь шла об учебных заведениях, разговор вёлся не столько о ликвидации, сколько о слиянии. Так, например, в состав Петроградского университета влились бывшие Высшие Женские (Бестужевские) курсы, Психоневрологический институт, Историко-филологический институт. Исключением стали идеологически неприемлемые для режима религиозные учебные заведения, которые не смогли выжить, в частности фактически была ликвидирована церковно-историческая наука Петрограда, традиционно ориентированная на Санкт-Петербургскую духовную Академию [15]. Как показывают материалы диаграммы 1, несмотря на существенные

потери, обусловленные гибелью, миграцией из голодного Петрограда историков «старой школы», после 1919 г. начинается рост общей численности тружеников исторической науки благодаря созданию новых «советских» идеологических центров (Коммунистический университет, Истпарт, Музей революции и т.п.).

Второй этап (эпоха НЭПа) связан, с одной стороны, с дальнейшим значительным ростом численности историков Петрограда–Ленинграда, общее число которых к 1925 г. достигло рекордных цифр (исторического максимума), превысив по разным учреждениям 500 человек. Впрочем, этот рост был обусловлен и идеологическим фактором (с 1922 г. неуклонно расширяется система преподавания идеологических дисциплин в вузах) и становлением историко-партийной науки.

Третий этап (эпоха свертывания НЭПа, разгрома троцкизма, «левого» и «правового»

уклонов) – время усиления государственного и партийного контроля и попыток административным образом переориентировать научные кадры в социально-гуманитарной сфере, в том числе историков, на тематику, связанную с новым социальным заказом, включая задачи «социалистического строительства». Под удар попало и первое поколение историков партии, многие из которых оказались уличены в отходе от «генеральной линии» [16].

Четвёртый этап (год «великого перелома», форсированная коллективизация и индустриализация) – эпоха ряда политических процессов против историков, массовых чисток, новых реорганизаций, падения численности историков, смены «поколений» (см., например: 17–19]).

Таким образом, трансформация ведущих центров исторической науки Петрограда–Ленинграда проходила в целом согласно логике развития политического

Илл. 1. Санкт-Петербургский университет, главное здание. Открытка, 1929 г.

https://p1.citywalls.ru/photo_451-462001.jpg?mt=1599696022

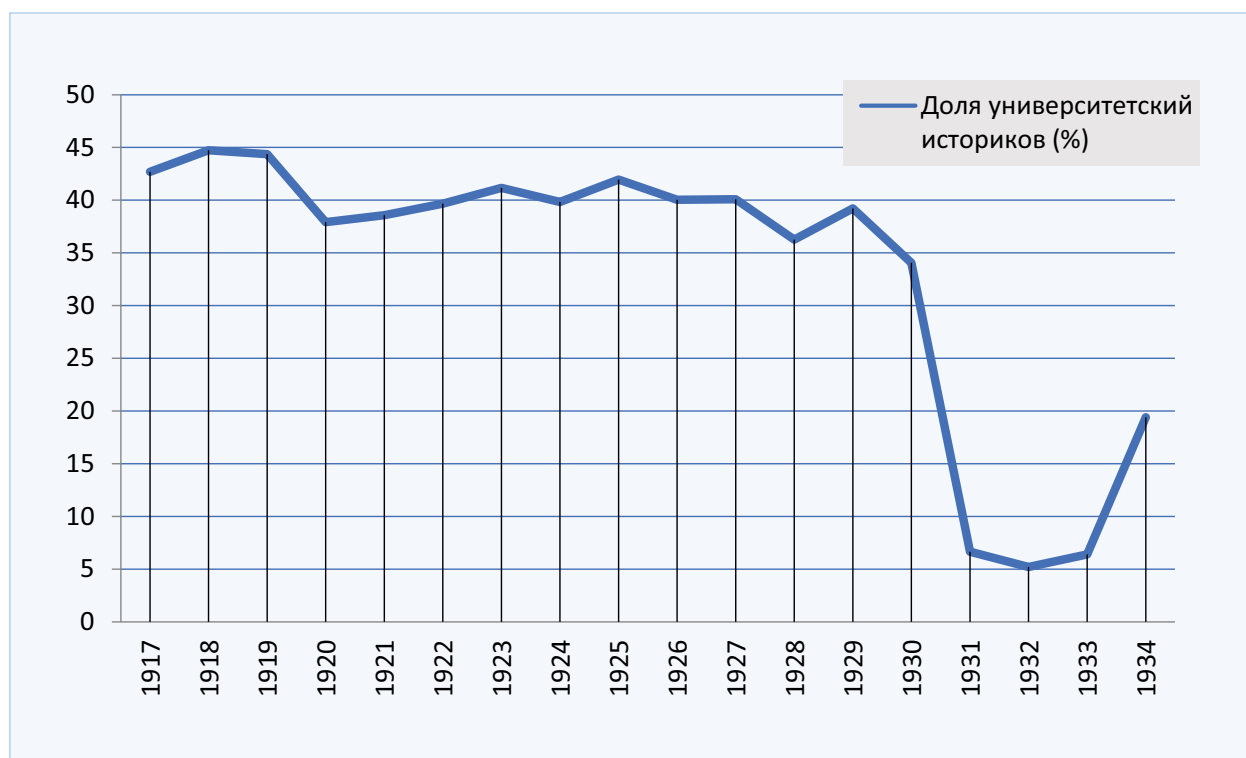

Диаграмма 2. Доля университетских историков в Петрограде—Ленинграде 1917–1934 гг.

Сост. Д.А. Баринов по: [1] (дата обращения: 7.11.2021)

режима в стране. Однако нельзя не отметить как её «равноскоростной» характер для различных учреждений, так и общую устойчивость системы институций исторической науки, которая не только в основном сохранилась, но по некоторым направлениям даже существенно расширилась в изучаемый период.

Пожалуй, наибольшим и постоянным трансформациям из «старых» институций подвергался Петроградский/Ленинградский университет (ил. 1), который по численным показателям (диаграмма 2) на протяжении большей части исследуемого периода оставался основным центром исторической науки города. К 1925 г. (к моменту очередных преобразований — создания Ямфака) среди его профессиональных исторических кадров лишь менее трети работали в университете до 1917 г., а к 1930 г. — менее одной пятой. Опережающими темпами здесь шёл и процесс наращивания партийных кадров, что, разумеется, было связано с внедрением в образовательную систему в 1920-е гг. так

называемых дисциплин партминимума. Тем не менее, вплоть до 1930 г. в университете доминировали историки «старой школы» — в своём большинстве старше 40 лет, начавшие свою научную деятельность до революции. Только эпоха ЛИЛИ/ЛИФЛИ стала в этом отношении переломной — ключевым здесь был 1931/1932 г., ознаменовавшийся массовой чисткой профессорских кадров, лишь отчасти компенсированной впоследствии в рамках как исторического факультета ЛИФЛИ [20], так и воссозданного в 1934 г. исторического факультета ЛГУ [21].

Учреждения Академии наук вплоть до 1929/30 гг., напротив, сохраняли значительную степень «автономии» и устойчивости. Интересно, что особое положение Яфетического института как учреждения, развивающего идеологически близкую для режима научную концепцию, вплоть до 1931 г. не создавало для его сотрудников особой системы идеологического и организационного контроля, который наступил в начале 1930-х гг. вместе с пе-

Таблица 1

Тематика исследований историков Петрограда–Ленинграда
в 1917–1934 гг.

Тема исследования	1917	1934
Отечественная история / история России	46,5%	52,9%
Освободительное движение в России (в т.ч. история ВКП(б))	2,6%	11,5%
Вспомогательные дисциплины	1,7%	3,6%
Всеобщая история (не включая историю стран Востока)	38,2%	24,4%
Востоковедение	14%	14,8%

Сост. по: Сетевой ресурс «Историки Петрограда–Ленинграда (1917–1934)» // Биографика СПбГУ / Отв. ред. Е.А. Ростовцев. Режим доступа: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld.html> (30.03.2021) (дата обращения: 7.11.2021; Сост. Д.А. Баринов).

рестройкой гуманитарных учреждений Академии. Трансформация всех рассмотренных в нашем исследовании академических структур, связанных с исторической наукой, происходила синхронно в 1929–1932 гг., совпадая по времени с аналогичными процессами во внеакадемических учреждениях, что вполне ясно подтверждает обоснованный в историографии тезис о том, что «Академическое дело» 1929–1931 гг. следует рассматривать как органичный элемент политики власти в отношении старой научной интеллигенции и симптом системной трансформации режима, его эволюции к тоталитарной модели (см., например: [22]).

Основные наблюдения и выводы

Сказанное выше, на наш взгляд, вполне подтверждает продуктивность апробированного в ряде исследовательских предприятий и публикаций принципа рассмотрения проблемы петербургской исторической школы в рамках *эмпирического измерения*, связанного с просопографическим подходом. В частности, обращаясь к тематике научных исследований историков Петрограда–Ленинграда, нельзя не отметить того внешне парадоксального обстоятельства, что в условиях идеологического господства в советской

историографии «школы М.Н. Покровского», рассматривавшей Российскую империю как «тюрьму народов» и переориентировавшей образовательную политику в области истории с «истории России» на «историю классовой борьбы» в интернационалистском аспекте, в научной практике историков Петрограда–Ленинграда происходит процесс постепенного замыкания на сюжетах, связанных с национальной историей (табл. 1).

Можно вполне определённо констатировать, что «железный занавес», установленный советским режимом, и идеологический контроль над историографией способствовали её «провинциализации».

Показательно, что несомненное влияние на повестку дня мировой историографии продолжали оказывать исключительно «уходящие» историки старой школы. В области российской истории доминирующее положение также занимали либо историки «старой школы», либо их ученики. Несмотря на режим наибольшего благоприятствования, создаваемый властями, историки «коммунистического направления» на протяжении всего рассматриваемого периода по существу оставались маргиналами среди ленинградских историков. Более того, их вовлечённость во внутривластную борьбу 1920-х гг. в конечном итоге привела к тому, что число репрессированных среди истори-

Ил. 2. Отто Августович Лидак (1891–1936), директор Института истории ВКП(б). ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4505. Оп. 14. Д. 1447

Ил. 3. Семён Григорьевич Томсинский (1894–1938), профессор ЛГУ, чл.-корр. АН СССР. ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Гр. 55882

ков революции и ВКП(б) было по меньшей мере в полтора раза больше, чем в среднем среди изучаемого корпуса учёных. Среди историков-партийцев репрессировано было более половины.

Нельзя не отметить, что в целом масштабы репрессий против историков со стороны режима были очень существенны. По примерным подсчётам им подверглось порядка трети историков города (388 человек, некоторые были репрессированы неоднократно). Под репрессиями в данном случае понимается уголовное преследование со стороны власти по политическим мотивам (длительное или кратковременное лишение свободы, смертная казнь). Более «мягкие» формы репрессий, связанные с отстранением от работы или высылкой из страны, не учитывались. При этом около 60% репрессий произошло в изучаемый период, что составляет около трети от общего

числа вошедших в базу данных. Другое дело, что основной «расстрельный удар» пришёлся уже за его рамками – в годы «большого террора». Из представленных данных видно, что несмотря на прогнозируемый рекорд 1937 г. основное число как арестов, так и арестованных (223 человека) приходится на изучаемый период (1917–1934), из них примерно половина была арестована в 1929–1931 гг. – эпоху «Академического дела».

Из выявленных 100 расстрелянных историков Петрограда–Ленинграда, входящих в нашу базу данных, в 1937–1938 гг. были лишены жизни 74 человека. Эти данные показывают, что наибольший масштаб репрессии носили, с одной стороны, в академических учреждениях (бывших опорой «старой школы») и, с другой стороны, в «новых советских» институциях. Список возглавляют такие учреждения, как Военно-политическая академия

Ил. 4. Абрам Григорьевич Пригожин (1896–1937).
Профессор ЛИФЛИ, заместитель
председателя ГАИМК

Ил. 5. Михаил Соломонович Годес (1901–1937),
профессор ЛГУ, известный китаист. ЦГА СПб.
Ф. 7240. Оп. 12. Д. 35

им. Н.Г. Толмачёва (60%), Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (60%), Библиотека Академии наук (57%), Коммунистический университет (56%). Как показывают материалы проекта, наиболее репрессированным (около 40%) оказалось «революционное поколение» историков, вступавшее на научную стезю в период войн и революций (1905–1922) (подсчитано по [1]). Среди расстрелянных историков молодого поколения много ярких фигур, таких как О.А. Лидак (1891–1936) (ил. 2), С.Г. Томсинский (1894–1938) (ил. 3), А.Г. Пригожин (ил. 4) (1896–1937), М.С. Годес (1901–1937) (ил. 5) и многие другие.

В то же время наши изыскания показывают главное: трансформации, репрессии, социальные катаклизмы не оборвали преемственность в основных профессиональных центрах исторической науки (см., например: [23]). В этом смысле предпосылки

для того, чтобы в ленинградской исторической школе сохранились традиции профессионального ремесла и корпоративности, действительно были. Другое дело, что в условиях новой идеологической ситуации и контроля со стороны тоталитарной партии и государства они не могли не подвергнуться существенной деформации.

Разумеется, наше исследование открывает и дальнейшие перспективы изучения темы. Среди них как сравнительный анализ трансформаций «петербургской» и «московской» исторических школ, так и сопоставление ситуации в историографии с другими отраслями научного знания в ранний советский период. Наконец, дальнейшего рассмотрения заслуживает вопрос о том, в какой степени на структуры исторической науки Ленинграда повлиял «национальный поворот» советской историографии и политики памяти середины 1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сетевой ресурс «Историки Петрограда-Ленинграда (1917–1934)» // Биографика СПбГУ / Отв. ред. Е.А. Ростовцев. Режим доступа: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld.html> (30.03.2021).
2. Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю. Изучение истории университета на историческом факультете // Клио. 2013. № 10. С. 4–5.
3. Ростовцев Е.А., Амосова А.А., Янченко Д.Г. Проекты по истории Санкт-Петербургского университета на историческом факультете // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 3. С. 203–206.
4. Потехина И.П. История Санкт-Петербургского университета как предмет коллективных исследовательских проектов // Клио. 2016. № 8. С. 14–21.
5. Ростовцев Е.А. Проблематика проектов по университетской истории и истории высшей школы (Санкт-Петербургский университет) // Новое прошлое. 2016. № 3. С. 145–157.
6. Сидорчук И.В. Биографика в контексте современных исследований по истории Петербургского университета // Международные отношения и диалог культур. 2016. № 4 (2015). С. 224–235.
7. Ростовцев Е.А. Информационные ресурсы как инструмент исследований по просопографии и исторической биографии (на примере сетевых проектов по университетской истории) // Научный вестник Крыма. 2016. № 4 (4) С. 1–9.
8. Сосницкий Д.А. Основные направления изучения истории Санкт-Петербургского университета в современной российской историографии // Клио. 2017. № 10 (130). С. 207–217.
9. Потехина И.П. Портал «Биографика СПбГУ» и новые возможности в изучении петербургской медиевистики // Средние века. 2018. Т. 79. № 3. С. 180–195.
10. Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Велико-русского государства». Пг., 1920.
11. Платонов С.Ф. [Рец.: соч. Преснякова А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918] // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. Кн. 8. С. 99–100.
12. Валк С.Н. Выступление [на объединённом заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Проблемы марксизма. 1931. № 3. С. 114–115.
13. Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. «Петербургская историческая школа» XVIII – начала XX в.: историографический контекст и методы исследования // Былые годы. 2018. Т. 49. Вып. 3. С. 1046–1060.
14. Ростовцев Е.А., Потехина И.П. Школа А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. XXII. № 5. С. 12–37.
15. Ростовцев Е.А., Боднарчук Д.В. Историки Санкт-Петербургской духовной академии (1869–1917 гг.): опыт коллективного портрета // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 95. С. 70–93.
16. Баринов Д.А. Историки и оппозиция в Ленинграде (1920–30-е гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 3. С. 25–37.
17. Тихонов И.Л. Репрессии в ГАИМК: случай партийцев: С.Д. Димитрова и А.И. Кауля // Интеркультурная философия: полилог традиций: Сборник трудов конференции / Отв. ред.: А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 270–275.
18. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Публичная библиотека – центр исторической науки раннего советского периода // Клио. 2021. № 11. С. 165–178.
19. Андреева В.В. Забытое имя: судьба молодого историка и этнографа Евгения (Эйна) Соломоновича Лейбовича (1907–1937) // Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества. Доклады и материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции (Санкт-Петербург, 3–5 октября 2019 г.) / Отв. ред. В.В. Козловский, А.В. Малинов. СПб., 2019. С. 669–679.

20. Тихонов И.Л. Ленинградский историко-лингвистический институт: от кризиса к возрождению исторического образования // Вече. Ежегодник русской философии и культуры. СПб., 2021. С. 208–223.
21. Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А. Борьба за историю. 80 лет историческому факультету СПбГУ // Родина. 2014. №10. С. 138–141.
22. Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н. Предисловие: [Ист. разд.] // Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованные ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению акад. С.Ф. Платонова. С. V–LX.
23. Жуковская Т.Н. Санкт-Петербургский (Ленинградский) университет в воспоминаниях, или Особенности университетской памяти // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии. VII Арсентьевские чтения (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова): Материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 18 сент. 2017 г.) / Редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2017. С. 128–132.

Historical Science of Petrograd–Leningrad Amidst Social Transformation (1917–1934)

Evgeniy Anatolyevich Rostovtsev – Doctor of Historical Sciences; Professor of St. Petersburg State University; head of the project "Historical Science of Petrograd-Leningrad (1917–1934): Centers, Areas of Research, Collective Biography" (19-011-00782).
E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

Among the significant objects of research are the emergence of the discourse of the "St. Petersburg historical school" in the early Soviet period, the transformation of the system of scientific institutions and higher educational institutions of Petrograd-Leningrad associated with historical science, the evolution of the subject of historical research. The focus is also on the processes of termination of the historical-clerical and the emergence of historical-party science, the relationship of the historical community and government. The author offers the periodization of historical science in the early Soviet period.

The role of Petrograd/Leningrad University as the main center of historical science of the city is considered, the process of emergence and development of new "Soviet" scientific and educational centers is studied. The central element of research was prosopographic research, which made it possible to trace how the collective portrait of the corporation of historians changed. One of the directions of statistical calculations was the consideration of the dynamics and direction of political repression against historians who worked in Petrograd-Leningrad, about a third of them were subjected to repressions. Here, the most massive repressions hit the institutions of the Academy of Sciences, and, paradoxically, the new "ideological" Soviet institutions. Yet, prosopographic research shows that despite repressions and transformations, a high degree of continuity between different generations of historians was maintained in the institutions of Petrograd-Leningrad, and the main scientific schools formed in the pre-revolutionary period were also preserved. Reasonable assumption is put forward about the preservation of the traditions of professional crafts within the framework of Leningrad historical school, although subjected to significant deformation in the conditions of the totalitarian political regime.

Keywords: history of science, St. Petersburg Historical School, Soviet Historiography, Petrograd/Leningrad University, Academy of Sciences, Stalinism

REFERENCES

1. Setevoi resurs «Istoriki Petrograda–Leningrada (1917–1934)» // Biografika SPbGU / Otv. red. E.A. Rostovtsev. Rezhim dostupa: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld.html> (30.03.2021) (in Russian).
2. Daudov A.Kh., Dvornichenko A.Yu. Izuchenie istorii universiteta na istoricheskom fakul'tete // Klio. 2013. № 10. S. 4–5 (in Russian).
3. Rostovtsev E.A., Amosova A.A., Yanchenko D.G. Proekty po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta na istoricheskom fakul'tete // Vestnik SPbGU. Ser. 2. 2013. Vyp. 3. S. 203–206 (in Russian).
4. Potekhina I.P. Istoriya Sankt-Peterburgskogo universiteta kak predmet kollektivnykh issledovatel'skikh proektov // Klio. 2016. № 8. S. 14–21 (in Russian).
5. Rostovtsev E.A. Problematika proektov po universitetskoj istorii i istorii vysshei shkoly (Sankt-Peterburgskij universitet) // Novoe proshloe. 2016. № 3. S. 145–157 (in Russian).
6. Sidorchuk I.V. Biografika v kontekste sovremennykh issledovanii po istorii Peterburgskogo universiteta // Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur. 2016. № 4 (2015). S. 224–235 (in Russian).
7. Rostovtsev E.A. Informatsionnye resursy kak instrument issledovanii po prosopografii i istoricheskoj biografike (na primere setevykh proektov po universitetskoj istorii) // Nauchnyi vestnik Kryma. 2016. № 4 (4) S. 1–9 (in Russian).
8. Sosnitskii D.A. Osnovnye napravleniya izucheniya istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta v sovremennoj rossijskoj istoriografii // Klio. 2017. № 10 (130). S. 207–217 (in Russian).
9. Potekhina I.P. Portal «Biografika SPbGU» i novye vozmozhnosti v izuchenii peterburgskoj medievistiki // Srednie veka. 2018. T. 79. № 3. S. 180–195 (in Russian).
10. Presnyakov A.E. Rech' pered zashchitoj dissertatsii pod zaglaviiem «Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva». Pg., 1920 (in Russian).
11. Platonov S.F. [Rets.: soch. Presnyakova A.E. Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva. Ocherki po istorii XIII–XV st. Pg., 1918] // Mezhdunarodnaya politika i mirovoe khozyaistvo. 1918. Kn. 8. S. 99–100 (in Russian).
12. Valk S.N. Vystuplenie [na ob"edinennom zasedanii Instituta istorii i Obshchestva istorikov-marksistov v fevrale 1931 g.] // Problemy marksizma. 1931. № 3. S. 114–115 (in Russian).
13. Dvornichenko A.Yu., Rostovtsev E.A., Barinov D.A. «Peterburgskaya istoricheskaya shkola» XVIII – nachala XX v.: istoriograficheskii kontekst i metody issledovaniya // Bylye gody. 2018. T. 49. Vyp. 3. S. 1046–1060 (in Russian).
14. Rostovtsev E.A., Potekhina I.P. Shkola A.S. Lappo-Danilevskogo // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2019. T. XXII. № 5. S. 12–37 (in Russian).
15. Rostovtsev E.A., Bodnarchuk D.V. Istoriki Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii (1869–1917 gg.): opyt kollektivnogo portreta // Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Ser. II. Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2020. Vyp. 95. S. 70–93 (in Russian).
16. Barinov D.A. Istoriki i oppozitsiya v Leningrade (1920–30-e gg.) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T. 27. № 3. S. 25–37 (in Russian).
17. Tikhonov I.L. Repressii v GAIMK: sluchai partitsev: S.D. Dimitrova i A.I. Kaulya // Interkul'turnaya filosofiya: polilog traditsii: Sbornik trudov konferentsii / Otv. red.: A.V. Malinov, A.E. Rybas. SPb.: Intersotsis, 2020. S. 270–275 (in Russian).
18. Rostovtsev E.A., Sosnitskii D.A. Publichnaya biblioteka – tsentr istoricheskoj nauki rannego sovet'skogo perioda // Klio. 2021. № 11. S. 165–178 (in Russian).
19. Andreeva V.V. Zabytoe imya: sud'ba molodogo istorika i etnografa Evgeniya (Eina) Solomonovicha Leibovicha (1907–1937) // Akademik A.S. Lappo-Danilevskii v pamyati nauchnogo soobshchestva. Doklady i materialy Vserossijskoj mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konfe-

- rentsii (Sankt-Peterburg, 3–5 oktyabrya 2019 g.) / Otv. red. V.V. Kozlovskii, A.V. Malinov. SPb., 2019. S. 669–679 (in Russian).
20. Tikhonov I.L. Leningradskii istoriko-lingvisticheskii institut: ot krizisa k vrozozhdeniyu istoricheskogo obrazovaniya // Veche. Ezhegodnik russkoi filosofii i kul'tury. SPb., 2021. S. 208–223 (in Russian).
 21. Daudov A.Kh., Dvornichenko A.Yu., Rostovtsev E.A. Bor'ba za istoriyu. 80 let istoricheskomu fakul'tetu SPbGU // Rodina. 2014. № 10. S. 138–141 (in Russian).
 22. Anan'ich B.V., Paneyakh V.M., Tsamutali A.N. Predislovie: [Ist. razd.] // Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.: Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannye OGPU. SPb., 1993. Vyp. 1: Delo po obvineniyu akad. S.F. Platonova. S. V–LX (in Russian).
 23. Zhukovskaya T.N. Sankt-Peterburgskii (Leningradskii) universitet v vospominaniyakh, ili Oso-bennosti universitetskoj pamyati // Paradigmy universitetskoj istorii i perspektivy universite-tologii. VII Arsent'evskie chteniya (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.N. Ul'yanova): Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Chebok-sary, 18 sent. 2017 g.) / Redkol.: O.N. Shirokov [i dr.]. Cheboksary: ID «Sreda», 2017. S. 128–132 (in Russian).

Индекс УДК 001(091)

Код ГРНТИ 12.09.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-44-55

С.С. ИЛИЗАРОВ*

Профессия «историк науки» в российском социокультурном и научном контексте первой половины XX века

Формирование в России в первой половине XX в. профессии «историк науки» рассматривается в общем контексте процесса институционализации истории науки и техники как область особой исследовательской деятельности. Проанализированы взгляды А.С. Лаппо-Данилевского, В.И. Вернадского, С.И. Вавилова, В.П. Волгина и др. на специфику и параметры профессии «историк науки». Показано влияние на процесс профессионализации истории науки дисциплинарного развития и создания в Академии наук первых специализированных исследовательских центров: подкомиссии «Русская наука», Комиссии по истории знаний, Института истории науки и техники (ИИИТ). Функционирование и само существование первых академических центров изучения истории научных знаний оказывалось в прямой зависимости от внутривластных процессов в XX столетии. После уничтожения в 1938 г. ИИИТ АН СССР, гибели ряда ведущих научных сотрудников произошло разрушение едва начавшего формироваться историко-научного сообщества, и в результате на долгие годы господствующим стало представление о том, что дисциплинарные истории наук являются частью их же самих.

Ключевые слова: история науки, профессия, историография, Академия наук

Для изучения была выбрана первая половина XX столетия, поскольку именно в тот период происходило институциональное оформление истории науки и соответствующей профессии. Процесс институционализации истории науки, отчётливо наблюдавшийся в XX столетии, базировался на длительной и весьма результативной исследовательской традиции [1].

Изучение додисциплинарного этапа истории науки показало, что её развитие зависит от ряда факторов. Прежде всего, от уровня и состояния исторического знания, которое, совершенствуясь и дисциплинируясь, последовательно проходило этапы освоения политической и экономической истории, а затем осуществило переход к изучению развития культуры — отсюда один шаг

* **Илизаров Симон Семёнович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом историографии и источниковедения истории науки и техники ИИИТ РАН, руководитель проекта «Профессия “историк науки” в российском социокультурном и научном контексте 1-й половины XX века» (19-011-00366).

E-mail: sinsja@mail.ru

к истории науки как её части. Имеется и внешний, но определяющий фактор — уровень научного теоретического знания; до тех пор, пока не сформировалась «национальная» фундаментальная наука, пока не получены значимые научные результаты, остающиеся в анналах культуры, пока не прошли земной путь создатели научного знания — нет предмета для истории науки. Таким образом, для того чтобы история науки могла нормально функционировать, необходимо, как минимум, достаточно протяжённое историческое время, а главное, наполненное значимыми научно-историческими фактами: оригинальными научными идеями и концепциями, «героями и злодеями» от науки и проч. Наконец, рассматривая развитие истории науки и процесс её профессионализации в России, необходимо учитывать и мировой социокультурный и общенаучный контекст. Наука, как известно, не имеет границ и национальности, а потому развитие научных дисциплин в той или иной стране теснейшим образом связано с общемировым трендом.

Россия, будучи изначально в научно-техническом отношении догоняющей страной, к рубежу XIX–XX вв. вышла на практически синхронный уровень с наиболее развитыми тогда странами как в отношении состояния фундаментальной науки, так и её истории. Как на Западе, так и у нас шли схожие процессы в отношении становления и кристаллизации профессии «историк науки». Говоря о факторах, необходимо также иметь в виду, что для обеспечения существования и непрерывного функционирования историческая дисциплина, та или иная область исторического знания на пути профессионализации должны «оснащаться»/сопровождаться созданием ряда институций — государственных и/или общественных учреждений и организаций (НИИ, кафедры, музеи, архивы, общества и т.д.), а также специализированными каналами коммуникаций — конференциями, конгрессами, журналами и проч.

История науки на пути к дисциплинарности

В XIX в., особенно в конце этого столетия, в России, как и на Западе, интерес к истории науки и техники значительно возрос. На рубеже веков в России стали образовываться очаги историко-научных и преднауковедческих работ. Они формировались, наряду с Санкт-Петербургом и Москвой, в Киеве, Харькове, Казани, Одессе, других университетских и академических городах — центрах просветительства, популяризации науки и передовых технологий.

Ещё в самом конце XIX в., когда история науки только начала выделяться в особую научную дисциплину, В.И. Вернадский увидел в ней специальную, самостоятельную область научного знания со своими специфическими проблемами, задачами и методами. Известно, что Вернадский считал историю науки своей второй специальностью и им были созданы значительные историко-научные исследования. Его соратник и коллега академик А.С. Лаппо-Данилевский шёл своим путём к изучению истории науки и стал не только основателем первой в Академии наук исследовательской ячейки, но и автором ряда основополагающих трудов [2, с. 5–62]. В 1906 г. для преподавателей средних учебных заведений, съехавшихся в Санкт-Петербург, А.С. Лаппо-Данилевский (ил. 1) прочитал курс лекций «Размышления об истории наук, её задачах, методах построения и педагогическом значении». Учёный констатировал подъём интереса к общей истории и считал, что через историю науки можно познать процесс умственного развития человечества. Он исчерпывающе и критически изучил соответствующую мировую философскую и историко-научную литературу, что позволило ему сформулировать ряд узловых вопросов теории и методологии историко-научного познания и практически подойти к определению понятия «историк науки», а также необходимые параметры этой профессии. Историк науки, отмечал он, должен иметь критическое

Ил. 1. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919), академик, председатель комиссии «Русская наука» (1916–1919)

чутьё, иначе он может впасть в грубые ошибки.

Обыкновенно значение и задачи истории науки сводят, отмечал Лаппо-Данилевский, либо к прагматике (необходимость для специалистов-учёных знать работы предшественников, что восходит ещё к идеям Ф. Бэкона), либо к общим проблемам познания прошлого, решению задач общекультурных и образовательных. Ещё на заре дисциплинарной истории науки Лаппо-Данилевский подчеркивал её гражданское значение. Он писал и говорил своим слушателям, что только там, где наряду с признанием нравственных начал есть вера, уважение к науке, может быть и прочная государственность. И наоборот, мертвенность всякого бюрократического строя в значительной мере объясняется пренебрежением его защитников к свободной научной мысли и, в частности, к выводам её в области политических наук [3; 4, с. 255–263].

Ещё более артикулировано о профессии «историк науки» размышлял В.И. Вернадский, возводивший, по сути, эту профессию в ранг некоей метанауки, занятия которой требовали бы почти сверхъестественных способностей и эрудиции. А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Вернадский и другие их современники испытывали на себе воздействие идей Поля Таннери, с деятельностью которого в большей степени связано оформление в западной традиции образа историка науки. Несколько позднее объединяющую роль в консолидации мирового историко-научного сообщества и, соответственно, в кристаллизации представлений о необходимых и достаточных профессиональных компетенциях историка науки выполняла деятельность одного из основателей историко-научной дисциплины на Западе Дж. Сартона. По его убеждению, историк науки должен иметь представление об истории науки в целом, а также иметь специализацию в конкретной области (истории химии, математики и т.д.) и глубокие познания в истории культуры изучаемой эпохи (греческая наука, средневековый ислам, Западная Европа и пр.). Демонстрируя своим примером такой подход вплоть до целенаправленного изучения «экзотических» иностранных языков, вместе с тем Дж. Сартон отчётливо понимал, что занятия историей научных знаний требуют кооперации и совместных усилий разных исследователей, взаимодополняющих друг друга.

История истории науки и история профессии «историк науки» полны противоречий и парадоксов, периодов активного роста, полного разрушения, возрождения и т.д. В первой половине XX в. эта научная область пережила не один раз весь цикл турбулентного развития, проходя собственные фазы и подвергаясь воздействию волн самых разных диапазонов и происхождения, в силу чего практически невозможно инструментально различать случайное и закономерное в её эволюции.

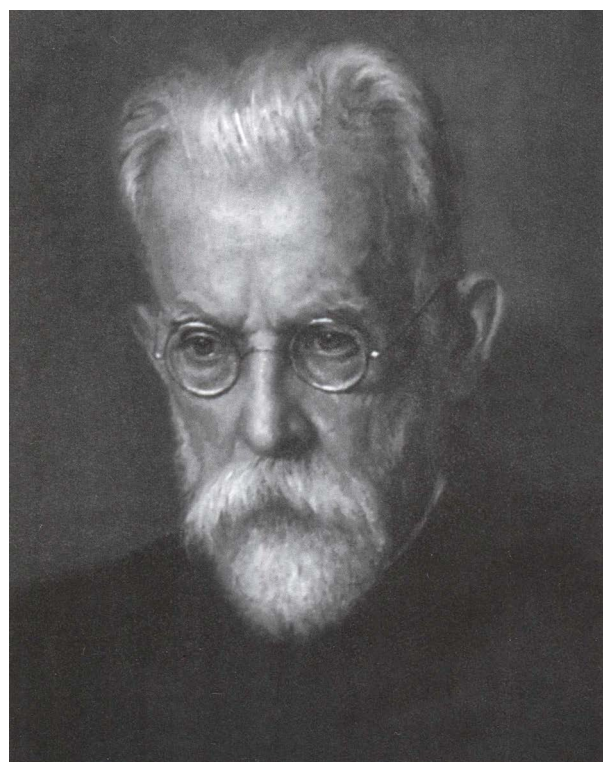
Профессия в современном понимании этого понятия может функционировать

и развиваться в определённых социальных условиях, главнейшими из которых являются признание её общественно-значимой ценности и наличие соответствующих институтов: кафедр, НИИ, обществ и проч. В нашей стране процесс институционализации истории науки проходил ряд этапов в определённой хронологической последовательности. В 1916 г. усилиями ряда энтузиастов (В.Н. Бенешевич, В.И. Вернадский (ил. 2), М.А. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский, М.И. Ростовцев и др.) впервые в Академии наук была создана специализированная структура по подготовке сборника «Русская наука» [5; 6, с. 269–282]. Фактически это была общественная организация, сумевшая близко подойти к решению главной задачи – подготовить серию очерков по истории русской научной мысли. Комиссия существовала до смерти в 1919 г. её организатора и руководителя А.С. Лаппо-Данилевского. В 1920-х гг. (реально – с 1926 г.) усилиями В.И. Вернадского начала активно функционировать Комиссия по истории знаний (КИЗ) АН СССР [7].

В 1932 г. академику Н.И. Бухарину, перехватившему руководство КИЗ, удалось путём переименования этой Комиссии образовать первый в нашей стране специализированный исследовательский Институт истории науки и техники АН СССР (ИИИТ).

Комиссия по истории знаний (КИЗ) – первый исследовательский центр в области изучения истории науки

Разрабатывая научную программу изучения истории науки, В.И. Вернадский опирался на передовой отечественный и мировой научный опыт, предвидел основные направления и линии развития историографии XX столетия [8, с. 174–262]. Изучению истории науки он придавал огромное значение как мощному средству просвещения и гуманизации общества, как важнейшему инструменту развития и прогресса самой фундаментальной науки. При определении задач,

Ил. 2. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), академик, председатель Комиссии по истории знаний АН СССР (КИЗ, 1921, 1926–1932)

стоящих перед КИЗ, было сформулировано, что наряду с разработкой истории развития знания вообще необходимо заниматься историей научной деятельности самой Академии наук и озабочиться скорейшим изданием сборника «Русская наука». Декларируя неизменность плана издания, обдуманного Лаппо-Данилевским, и участие в работах учёных, им приглашённых, Вернадский предложил внести принципиальные изменения. И дело касалось не только формирования состава нового руководства, замены авторов, скончавшихся или покинувших Россию, но и содержания сборника с видоизменённым названием «История науки в России». Учитывая то ли состояние разрушенной экономики страны, то ли сциентистски-технократическую ориентацию большевистского руководства (а возможно, были и иные мотивы), но в программу сборника оказались добавлены очерки по истории научно-прикладных дисциплин, включая медицинские науки,

и ставился вопрос о добавлении научно-прикладных дисциплин гуманитарных наук. Вместо изначально задуманного сборника обзорно-аналитических очерков по истории развития в России фундаментальных наук теперь планировалась своеобразная научно-техническая энциклопедия. Как показывает историографический анализ, подобное смешение жанров, когда по тем или иным мотивам в программы историко-научных исследований добавлялись отраслевые историко-технические (технологические) темы, как правило, не давало ожидаемых результатов и даже оказывало отрицательное воздействие. Именно это стало одной из причин кризиса 1936–1938 гг., приведшего к упразднению ИИНТ, и кризиса 1952–1953 гг., когда к Институту истории естествознания была насильственно присоединена Комиссия по истории техники. Данный вывод, основанный на сквозном изучении материала XX в. с привлечением большого массива архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, стал одним из важных результатов нашего исследовательского проекта.

Следует отметить, что в первые годы существования КИЗ не имела ни штатных сотрудников, ни ассигнований, и даже листаж для изданий «выбивался» личным авторитетом её председателя. Вопрос о настоятельной необходимости формирования служебного аппарата возник весной 1927 г., но только 1 октября 1928 г. КИЗ получила первого штатного сотрудника — М.М. Соловьёва, занявшего должность учёного секретаря. Так появился первый профессиональный историк науки; до этого штатной должности историка науки никогда и никто не занимал.

Несмотря на все малоблагоприятные обстоятельства, последовательная и целенаправленная деятельность КИЗ за два с небольшим года стала настолько заметной, что уже в августе 1929 г. заместитель председателя Комиссии И.Ю. Крачковский ставил перед руководством Академии наук вопрос о её пре-

ращении в Научно-исследовательский институт по истории знаний с рядом отделов по истории отдельных научных дисциплин.

Эта же мысль через год в более развёрнутом виде прозвучала в записке Вернадского в Президиум АН СССР, где речь шла не только о научно-исследовательском институте, но и о музее по истории знаний. Вернадский также рассматривал вопрос о направлении историко-научных исследований. При безусловном приоритете отечественной тематики, поскольку только на данном тематическом пространстве можно опираться на первоисточники, председатель КИЗ подчёркивал необходимость исследования истории хода мировой теоретической работы мысли, исходя из постулата о единстве научного знания, которое не может изучаться в его проявлении в отдельной стране без одновременного изучения его мирового исторического хода.

Уверенность в возможности и необходимости разворачивать КИЗ в полномасштабный научно-исследовательский институт придавал рост числа специалистов, желающих работать в области истории знаний. Причём данный процесс вышел за пределы академического Ленинграда. К этому времени в Москве в Комакадемии уже работали несколько исследователей, оцениваемых ныне как наиболее выдающиеся и профессионально компетентные историки науки: Т.И. Райнов, В.П. Зубов, С.Л. Соболев, А.П. Юшкевич, О.А. Старосельская-Никитина и др.

Проблема подготовки профессиональных кадров историков науки стояла остро все годы существования КИЗ, а затем и созданного на её основе ИИНТ АН СССР. В стране было предельно мало специалистов, способных профессионально работать в этой области. По документам видно, как вопрос о необходимых профессиональных качествах историков науки и их компетенциях постепенно всё более занимал руководителей КИЗ. Так, в совместном обращении в январе

1930 г. В.И. Вернадского и И.Ю. Крачковского к Президенту АН СССР А.П. Карпинскому отмечалось, что работа КИЗ совершенно новая, необычная и требует таких специальных знаний, которые в нашей стране очень редки. Далее в записке пояснялась специфика новой профессии на примерах первых учёных секретарей: М.А. Блоха как одного из немногих русских исследователей по истории химии и техники и М.М. Соловьёва как специалиста по эпохе академика К.М. фон Бэра и «библиотечных дисциплин» XIX в. Поскольку в СССР очень мало лиц, научно работающих в области истории знаний, то КИЗ (и это, видимо, впервые прозвучало в официальном документе) должна сама их готовить. Та же идея о необходимости подготовки специалистов самой КИЗ содержалась и в записке Вернадского, направленной в Президиум АН СССР в марте 1930 г.

На одном из многих заседаний 1930 г. по реорганизации академических структур недавно назначенный на должность постоянного секретаря АН СССР В.П. Волгин высказывал сомнение в возможности сохранения КИЗ ввиду отсутствия специалистов. Он считал, что тот, кто работает в области истории знаний, должен быть по определению историк, т.е. специалист, владеющий методом исторического исследования. Однако он не знает ни одного историка, который бы интересовался историей науки. С другой стороны, отмечал Волгин, он не знает натуралистов, которые бы овладели в совершенстве методами исторического исследования. Так был поставлен «извечный» вопрос о профессиональных параметрах историка науки, вроде бы, по определению, обречённого на дилетантизм. Но и тогда, и позднее в этом тлеющем споре никто не обращал внимания на то, что любая область исторического знания находится в схожем состоянии. Ни один специалист по военной истории никогда не выигрывал крупное сражение, историк театра ни ставил спектаклей и не работал артистом, историк

изобразительного искусства... и т.п. Строго говоря, и в других научных областях ситуация во многом схожая. С.И. Вавилов, который более чем скептически относился к исторической науке и профессиональным историкам, был убеждён, что историей науки может заниматься только естествоиспытатель «на пенсии». Очевидно, в случае с историей науки профессионализм, как и в других науках, определяется компетентностью.

Возвращаясь к демаршу Волгина, стоит обратить внимание на ответ участника того заседания – Вернадского. Он согласился, что в СССР нет достаточных работников по истории знаний, но и в других странах их число очень невелико. Но, продолжал аргументировать Вернадский, так или иначе, их надо создавать, надо вызывать известного рода интерес, готовить тех людей, которые могут дальше вести дело.

Дискуссия о кадрах продолжалась не один день. Несмотря на то, что вопрос сохранения КИЗ решался положительно, Волгин, председательствовавший на заседании Комиссии по реорганизации АН СССР, вновь высказался об отсутствии лиц, способных проводить профессиональные историко-научные исследования. На этот раз по-своему парировал С.Ф. Ольденбург, справедливо утверждавший, что каждый специалист обязан знать историю своей науки и не может не интересоваться целым рядом вопросов, прежде всего, методологического характера в их постепенном развитии. А таких учёных, способных работать и в области истории науки в Академии наук, имеется большое число; одних только членов Академии 80 человек.

ИИИТ и первые профессиональные историки науки

В 1932 г. – первом году существования ИИИТ – в нём работали всего семь штатных научных сотрудников. Затем, до середины 1936 г., т.е. до перевода института из Ленинграда в Москву, общее

число сотрудников, включая работавших по договорам, достигало 29 человек и трёх научно-вспомогательных работников. 11 штатных сотрудников ИИИИТ ранее состояли членами КИЗ. Характерно, что в штате института оказалась преобладающей группа историков техники, что вполне соответствовало духу времени, условиям проводимой индустриализации и первого пятилетнего плана. Их было 9 человек, включая одного специалиста по философии техники.

Формально численно преобладали историки по образованию и специализации — более 10 человек. Но это были, как правило, специалисты широкого профиля, для которых переход, например, от истории античности или Ренессанса к истории науки и отдельных областей естествознания был не то что бы лёгок, но, как оказалось, вполне реализуем и успешен. Весьма сильным был состав историков физико-математических наук; из шести человек двое были приглашёнными специалистами из Москвы. Далее по численности следовали философы и методологи (3 чел.) и историки биологии (2 чел.). В составе сотрудников ИИИИТ было шесть женщин, из них две — на научно-вспомогательных работах.

В условиях отсутствия какой-либо системы и практики подготовки профессиональных кадров историков науки приход каждого специалиста в эту область был уникальным, и какие-нибудь закономерности здесь не просматриваются. Тем более важно подчеркнуть, что в ИИИИТ практически с самого начала деятельности появились свои аспиранты, то есть проходила завершающая фаза перехода от организационно аморфной исследовательской области к дисциплинарной истории науки, со всеми основными необходимыми для этого субструктурами, включая цикл воспроизводства профессиональных кадров.

Причина гибели первого в нашей стране научно-исследовательского Института истории науки и техники АН СССР, достиг-

шего за несколько лет своего существования, с февраля 1932 г. по май 1936 г., значительных успехов [9, с. 3–41], известна — это начавшееся преследование первого директора, Н.И. Бухарина (ил. 3), завершившееся в феврале 1937 г. его арестом, а затем и казнью. Однако более внимательный взгляд на события той поры показывает, что не только трагической участью Бухарина определялась обречённость существования ИИИИТ. Велась целенаправленная деятельность по разрушению всего кадрового состава института путём запугивания, преследования и репрессий.

Весной 1936 г. в Ленинграде в Академии наук прокатилась волна арестов. Только по отделению общественных наук в Москве и Ленинграде было арестовано порядка 60 человек, что интерпретировалось как свидетельство исключительной засорённости научных кадров «враждебными элементами». Репрессии не могли не коснуться ИИИИТ. 30 апреля навсегда лишились свободы, а вскоре и жизни ведущие сотрудники: заведующий сектором истории техники, философ техники Х.И. Гарбер, историк науки широкого диапазона С.Ф. Васильев, историк биологии Я.М. Урановский. На самом деле круг репрессированных научных работников, так или иначе связанных с ИИИИТ, был шире, и в конечном счёте репрессированным оказался и сам институт в целом.

В мае 1936 г. неприменный секретарь АН СССР Н.П. Горбунов объявил о закрытии ИИИИТ, ставшего, по его словам, гнездом и одним из главных опорных пунктов контрреволюционеров и троцкистов в Академии наук [10, с. 69]. Соответственно, с этого момента следует говорить о прекращении существования института несмотря на то, что вскоре, по принятому «в верхах» решению, он был переведён из Ленинграда в Москву. Однако в Москву переехало только название вместе с частью документации. Научно-исследовательское учреждение — это не стены и не вывеска, а сотрудники, специалисты, профессионалы. Чего-либо

стоящие коллективы создаются долгим и упорным трудом каждого из его членов, усилиями лидеров и руководителей, объединённых общим делом.

В.И. Вернадский, оказавшийся в 1938 г. в центре событий в связи с закрытием ИИИТ, в своих дневниках несколько раз писал о «научном ничтожестве теперешнего состава» института, о том, что такой же оценки придерживался вице-президент АН СССР Г.М. Кржижановский [11, с. 175, 192]. Более резкие и категоричные высказывания звучали со стороны С.И. Вавилова, который (единственный среди членов Академии наук!) и в перспективе не видел оснований для существования в Академии наук историко-научного исследовательского центра. Настаивая на окончательном прекращении деятельности ИИИТ, Вавилов считал, что главным основанием для этого является отсутствие специалистов по истории науки в теперешнем составе института. Для подтверждения своего мнения Вавилов сформулировал требования, которым должен отвечать профессиональный историк науки. Для того чтобы ответственно работать в этой области, необходимо, по мнению Вавилова, прежде всего хорошо знать и понимать саму науку, история которой изучается. Далее — нужны специальные исторические знания, философский кругозор, знание многих языков, включая древние и итальянский (!), умение работать с историческими источниками. Как нетрудно понять, «идеальный» образ историка, нарисованный Вавиловым (по сути, это его автопортрет), делал невозможным существование академического института по истории науки в самой отдалённой перспективе.

Когда вопрос о прекращении деятельности института оказался окончательно решён, общую негативную оценку профессиональных качеств его научных работников дали также академики А.М. Деборин (академик секретарь) и Б.Д. Греков (директор Института истории). Причины наступившего кризиса заключа-

Ил. 3. Николай Иванович Бухарин (1888–1938), академик, директор Института истории науки и техники АН СССР (ИИИТ, 1932–1937)

лись в том, что состав ИИИТ в Москве оказался наполнен не специалистами-исследователями, а людьми либо совсем случайными, либо недавно перешедшими из разных сфер деятельности на преподавание в высших учебных заведениях Москвы курсов так называемой марксистской истории техники. В первой половине 1930-х гг. многие из них оказались в Комиссии по марксистской истории техники при Всесоюзном комитете по высшему техническому образованию (ВКВТО) при ЦИК СССР под руководством А.А. Зворыкина (формально председателем был Г.М. Кржижановский), а затем в Комакадемии.

Закрытие Комакадемии совпало с прекращением деятельности ленинградского ИИИТ и его переводом в Москву. Здесь наступил «звёздный час» для московских историков техники. Возможно, со временем, при нормальных благоприятных условиях в ИИИТ в Москве мог бы сформироваться профессиональный коллектив историков

Ил. 4. Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945), академик, президент АН СССР (1936–1945), создатель и первый директор Института истории естествознания АН СССР (1945), инициатор создания серии «Научное наследство»

науки. Именно эта потенциальная возможность служила основанием Вернадскому для того, чтобы бороться и до последнего отстаивать существование ИИИТ. Однако в 1938 г. ИИИТ оказался во власти историков техники, в основном непригодных для профессиональной историко-научной деятельности, тем более в условиях, когда институт подвергался травле, шельмованию в центральной партийной прессе, на пленумах ЦК ВКП(б), на преступных процессах над «врагами народа».

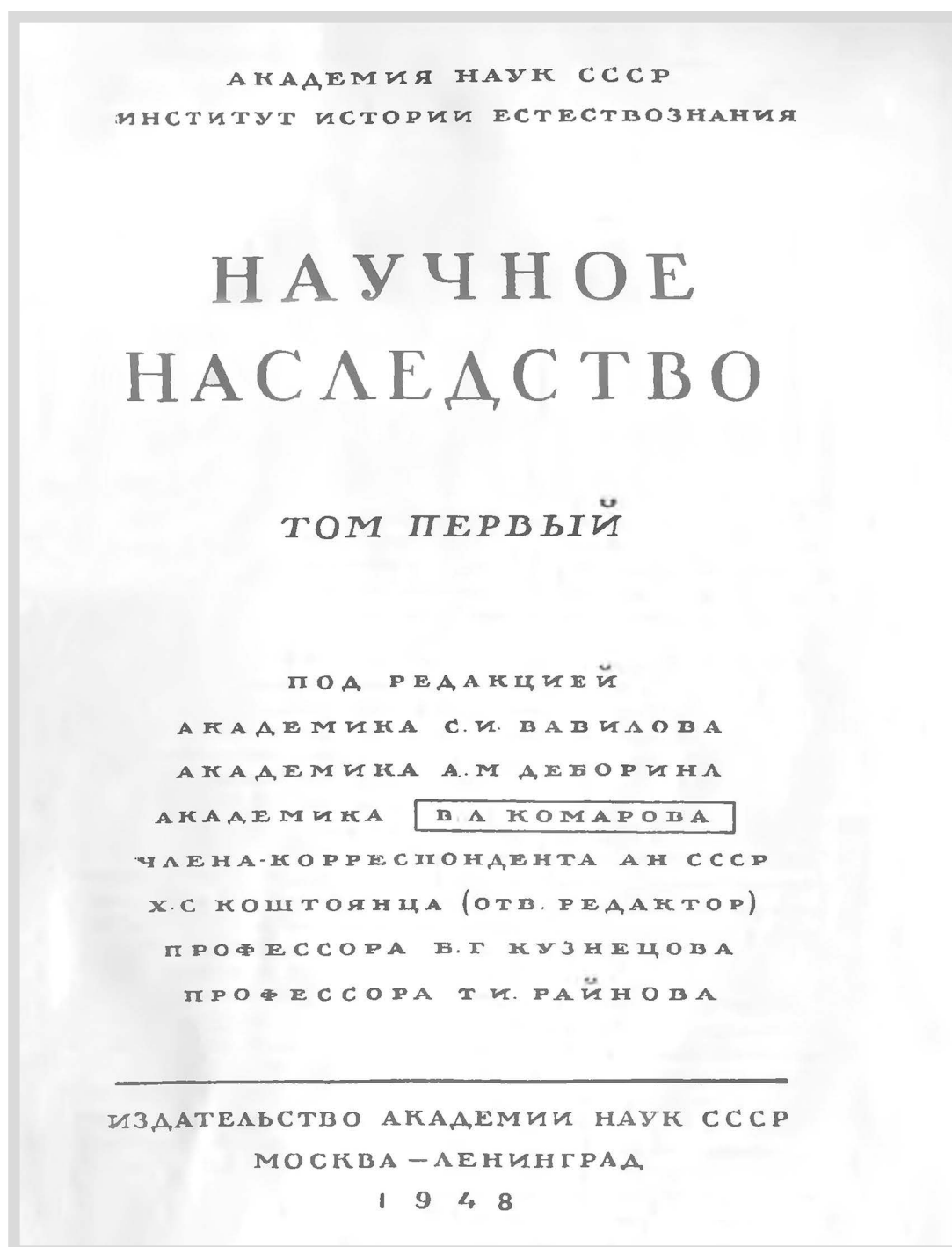
Момент закрытия ИИИТ, как показывают документы, характеризовался консолидированным стремлением ряда членов АН СССР в той или иной форме сохранить центр изучения истории науки. По крайней мере согласованность позиций и действий в данном направлении, что тогда было небезопасно, наблюдается у В.Л. Комарова (ил. 4),

В.И. Вернадского, А.М. Деборина, Г.М. Кржижановского, Б.Д. Грекова, С.Г. Струмилина.

5 мая 1938 г. была поставлена последняя точка в существовании ИИИТ. На руинах ИИИТ вскоре возникли: в Ленинграде — Комиссия по истории АН СССР при Архиве Академии наук (руководитель С.И. Вавилов), а в Москве — Комиссия по истории техники и естествознания АН СССР (руководитель С.Г. Струмилин) и археографическая серия «Научное наследство» (ил. 5) с мощным в научном отношении составом редколлегии во главе с президентом АН СССР В.Л. Комаровым (координатором и исполнителем проекта был Т.И. Райнов). Последней организации Вернадский почти пророчески придавал особое значение. И действительно, серия «Научное наследство», существующая до сих пор, послужила для Комарова одним из оснований направиться в ноябре 1944 г. к Сталину за санкцией на открытие Института истории естествознания.

Что касается остальных организаций, то Комиссия по истории АН просуществовала до 1953 г. и, несмотря на мощный в научном отношении состав, основную задачу не выполнила. Комиссия по истории техники и естествознания с началом войны прекратила своё существование. Некоторым образом от неё ведёт происхождение Комиссия по истории техники ОИИ АН СССР, также в 1953 г. влившаяся в Институт истории естествознания АН СССР.

Начавшаяся война прервала постепенно намечавшиеся процессы реанимации истории науки. Решение о воссоздании в системе АН СССР исследовательского историко-научного института обсуждалось и принималось на наивысшем государственном уровне. Вечером 13 ноября 1944 г. в Кремле в течение часа (18:45–19:45) проходила беседа президента АН СССР В.Л. Комарова и И.В. Сталина. С этого начинается новый этап институционализации истории науки, этап возобновления профессии «историк науки», который в полной мере смог реализоваться уже во второй половине XX столетия [12].

Ил. 5. Научное наследство. Том 1. М.; Л., 1948. Естественно-научная серия.
Титульный лист

ЛИТЕРАТУРА

1. Илизаров С.С. История науки и техники: от зарождения исследовательского направления до формирования профессионального сообщества // Архив истории науки и техники. Вып. IV (XIII). М.: Янус-К, 2010. С. 5–91.
2. Лаппо-Данилевский А.С. Развитие науки и учёности в России // Архив истории науки и техники. Вып. V (XIV). М.: Янус-К, 2015.

3. Илизаров С.С. А.С. Лаппо-Данилевский – историк науки // Там же. С. 63–102.
4. Корзун В.П. Невостребованное наследие (Материалы по истории науки в архиве А.С. Лаппо-Данилевского) // Археографический ежегодник за 1994 год. М.: Наука, 1996.
5. Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы / Ред.-сост. В.М. Орёл, Г.И. Смагина. СПб.: Перо, 2016.
6. Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский и проект издания сборника «Русская наука» // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. № 2. С. 270–282.
7. Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сборник документов / Сост. В.М. Орёл, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2003.
8. Микулинский С.Р. В.И. Вернадский как историк науки // Микулинский С.Р. Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988.
9. Дмитриев А.Н. Институт истории науки и техники в 1932–1936 гг. (ленинградский период) // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 1. С. 3–41.
10. Кривоносов Ю.И. Институт истории науки и техники: тридцатые–громовые, роковые... // Там же. С. 42–75.
11. Вернадский В.И. Дневники 1935–1941: В 2 кн. Кн. 1. 1935–1938. М.: Наука, 2008.
12. Илизаров С.С. Метаморфозы истории науки и техники // Вихревая динамика развития науки и техники. СССР / Россия. Вторая половина XX века / Отв. ред. Ю.М. Батулин. М.: ИИЕТ РАН; Саратов: Амирит, 2019. Т. 3: Самоорганизация, турбулентный переход и диссипация. С. 8–60.

The Profession of Historian of Science in the Russian Sociocultural and Scientific Context in the First Half of the 20th century

Simon Semenovich Ilizarov – Doctor of Historical Sciences; Principal Researcher; Head of Department of Historiography and Source Studies for the History of Science and Technology, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences; Head of the project “The profession of historian of science in the Russian sociocultural and scientific context in the first half of the 20th century” (19-011-00366).

E-mail: sinsja@mail.ru

The formation of the profession of historian of science in Russia in the first half of the 20th century is considered in a wider context of the institutionalization of history of science and technology as a special research field. The views of A.S. Lappo-Danilevsky, V.I. Vernadsky, S.I. Vavilov, V.P. Volgin and other scholars on the specifics and parameters of the profession of historian of science are analyzed. The study demonstrates the impact of disciplinary development and emergence within the Academy of Sciences of the first specialized research centers – “Russian Science” Subcommittee, Commission for the History of Knowledge, and Institute for the History of Science and Technology (IHST) – on the process of professionalization of the history of science. The functioning as well as the very existence of the first academic centers for the studies on the history of scientific knowledge was strongly dependent on the domestic political processes in the 20th century. The IHST elimination in 1938 and tragic deaths of some of its leading staff members were followed by the destruction of the nascent community of historians of science. As a result, the idea that disciplinary histories of sciences were part of these sciences themselves became predominant for many years to come.

Keywords: history of science, profession, historiography, Academy of Sciences

REFERENCES

1. Ilizarov S.S. Istoriya nauki i tekhniki: ot zarozhdeniya issledovatel'skogo napravleniya do formirovaniya professional'nogo soobshchestva // Arkhiv istorii nauki i tekhniki. Vyp. IV (XIII). M.: Yanus-K, 2010. S. 5–91 (in Russian).
2. Lappo-Danilevskii A.S. Razvitie nauki i uchyonosti v Rossii // Arkhiv istorii nauki i tekhniki. Vyp. V (XIV). M.: Yanus-K, 2015 (in Russian).
3. Ilizarov S.S. A.S. Lappo-Danilevskii – istorik nauki // Tam zhe. С. 63–102 (in Russian).
4. Korzun V.P. Nevostrebovannoe nasledie (Materialy po istorii nauki v arkhive A.S. Lappo-Danilevskogo) // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1994 god. M.: Nauka, 1996 (in Russian).
5. Sud'ba proekta «Russkaya nauka». 1916–1920 (K 100-letiyu Komissii po izdaniyu sbornika «Russkaya nauka»): Stat'i i dokumenty / Red.-sost. V.M. Oryol, G.I. Smagina. SPb.: Pero, 2016 (in Russian).
6. Malinov A.V. A.S. Lappo-Danilevskii i proekt izdaniya sbornika «Russkaya nauka» // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2016. № 2. S. 270–282 (in Russian).
7. Komissiya po istorii znanii. 1921–1932 gg. Iz istorii organizatsii istoriko-nauchnykh issledovaniy v Akademii nauk: Sbornik dokumentov / Sost. V.M. Oryol, G.I. Smagina. SPb.: Nauka, 2003 (in Russian).
8. Mikulinskii S.R. VI. Vernadskii kak istorik nauki // Mikulinskii S.R. Ocherki razvitiya istoriko-nauchnoi mysli. M.: Nauka, 1988 (in Russian).
9. Dmitriev A.N. Institut istorii nauki i tekhniki v 1932–1936 gg. (leningradskii period) // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2002. № 1. S. 3–41 (in Russian).
10. Krivonosov Yu.I. Institut istorii nauki i tekhniki: tridsatye – gromovye, rokovye... // Tam zhe. S. 42–75 (in Russian).
11. Vernadskii VI. Dnevnik 1935–1941: V 2 kn. Kn. 1. 1935–1938. M.: Nauka, 2008 (in Russian).
12. Ilizarov S.S. Metamorfozy istorii nauki i tekhniki // Vikhrevaya dinamika razvitiya nauki i tekhniki. SSSR / Rossiya. Vtoraya polovina XX veka / Otv. red. Yu.M. Baturin. M.: IIET RAN; Saratov: Amirit, 2019. T. 3: Samoorganizatsiya, turbulentnyi perekhod i dissipatsiya. S. 8–60 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 811.161.1'373.6

Код ГРНТИ 16.21.25; 16.21.51; 16.41.21; 10.09.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-56-67

Д.В. РУДНЕВ*

Прохибитивные конструкции в деловом языке XVIII века

В статье описан и классифицирован репертуар прохибитивных конструкций в русском деловом языке XVIII в., динамика их употребления на протяжении века. Материалом проведённого исследования послужили сборники правительственных документов XVIII в. Выявленные прохибитивные конструкции проанализированы в аспекте их сочетаемости, семантики, активности употребления. Исследованы причины произошедших изменений, выявлены источники новых средств выражения запрещения. Сделан вывод о том, что употребление средств выражения запрета было тесно связано с активностью моделей выражения обязывания и разрешения, по отношению к которым модели запрета оказывались производными. Появление в деловом языке новых моделей выражения обязывания и разрешения или выход их из употребления влияли на судьбу многих прохибитивных конструкций. Наибольшие изменения в системе прохибитивных средств происходили в годы правления Петра I и Екатерины II, т.е. в периоды наиболее интенсивных реформ по модернизации страны. Модернизация коснулась и языка управления — деловой речи. Новые речевые средства чаще всего встречались в новых деловых жанрах (уставы, регламенты), отражая стремление властей к изменению речевого оформления новых типов текста. Вместе с тем новые речевые средства (в частности, прохибитивные конструкции) отражали изменения в прагматике деловой коммуникации.

Ключевые слова: официально-деловой стиль, документ, история русского языка XVIII века, императивность, запрет

Прохибитивные средства в деловых текстах являются речевым воплощением одного из трёх способов правового регулирования, традиционно выделяемых юристами (см. ра-

боты правоведов С.С. Алексеева, Н.И. Матузова, В.Д. Сорокина, В.И. Червонюка, И.С. Хохловой, В.Ф. Яковлева и др.), — положительного обязывания (предписания), дозволения и запрета. В юриспруденции

* **Руднев Дмитрий Владимирович** — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, руководитель проекта «Система средств выражения императивности в русском деловом языке XVIII века» (20-012-00338).
E-mail: rudnevd@mail.ru

под запретом понимается «способ правового регулирования, выражающийся в возложении на субъект права обязанности воздерживаться от совершения определённых действий. Различие запрета и обязывания проводится по виду поведения субъектов: активного (обязывание) или пассивного (запрет)» [1, с. 109]. В логике запрет определяется следующим образом: «запрещено то, от чего обязательно воздерживаться; запрещено всё, что не является разрешённым» [2, с. 81]. Это определение отражает языковую связь моделей выражения запрета с моделями выражения обязывания и разрешения.

В существующей научной литературе описание и изучение моделей запрета в деловой письменности XVIII в. проводилось на материале отдельных памятников и не имеет систематического характера (см. [3–9]). Данная статья максимально полно описывает репертуар прохибитивных конструкций, их динамику в деловом языке XVIII в. и является обзором части основных результатов, полученных в ходе реализации проекта РФФИ «Система средств выражения императивности в русском деловом языке XVIII века».

Прохибитивные конструкции допетровской деловой письменности

Допетровские документы характеризовались небольшим числом моделей выражения запрета. Чаще всего при выражении запрета использовался инфинитив в сочетании с частицей *не*, значительно реже запрет выражался конструкцией «*не велеть* + инфинитив»:

...а лишніе цѣны на товары таможеннымъ головамъ, сверхъ продажные цѣны, не накладывать; а торговымъ всякихъ чиновъ людемъ товаровъ своихъ и на покупку товаровъ денегъ не таити, и цѣны съ товаровъ не убавливати... (1687 г.) [10, Т. 5, с. 250]; *...вельно тотъ хлѣбъ платитъ въ Великій Новгородъ, безъ доимки, а во Псковъ стрѣлецкого хлѣба возить имъ не вельно* (1679 г.) [10, Т. 5, с. 61].

Кроме того, в деловых памятниках допетровского времени изредка встречаются конструкции с глаголом *заказать* или глагольно-именным оборотом *учинить заказ*:

...и тебѣ бѣ велѣти о томъ попомъ заказатьи накрѣпко, чтобѣ такихъ людей [самоубийц] у церквь Божию отнюдѣ не отпѣвали и не погребали... (1661 г.); *А по вотчинамъ вездѣ бѣ заказъ учинить крѣпкой, чтобѣ бѣглыхъ чюжихъ крестьянъ и Литовскихъ полонениковъ не пріимали...* (1664 г.) [10, Т. 4, с. 298, 340].

Выражение запрета в XVIII веке

В петровскую эпоху не только сохраняется употребление тех способов выражения запрета, которые использовались ранее, но и резко расширяется круг прохибитивных средств за счёт новых конструкций.

Отрицательный инфинитив оставался основным способом выражения запрета как в петровскую эпоху, так и на протяжении всего XVIII в. Он безраздельно господствовал в указах: *Купецким людем из-за моря и из других краев впредь вывезеных чулков в Москву не привозить и в рядах не продавать* (1718 г.) [11, с. 76]. В уставах, регламентах и инструкциях его теснили иные способы выражения запрета.

Для выражения запрета продолжал использоваться глагол *велеть* с частицей *не*: *Буде же кто от упрямства своего сих регул хранить не станет, и таких до употребления тех вод допускать не велели* (1719 г.) [11, с. 125].

Употребление сочетания *не велеть* прослеживается на протяжении всего XVIII в. До 1770–1780-х гг. эта модель имела продуктивный характер, в конце века она употребляется в единичных случаях, а в XIX в. уходит из употребления:

...а по резолюции Правительствующаго Сената того ж [1762] года августа 20 дня впредь из вечно отставных к делам определять не велено (1763 г.); *...а сверх комплекта ни в какой унтер-офицерской чин не только разночинцев, но и дворян*

производить не велено... (1795 г.) [12, Т. 16, с. 402; Т. 23, с. 886].

Глагол *заказать* до 1730-х гг. употреблялся сочетаясь с инфинитивом, отглагольным существительным и придаточным изъяснительным: *Токмо надлежит заказать, дабы юфтеи на сторону никто не продавал, ни покупал прежде, дондеже покупится и продается вышеписанная сумма государевых юфтеи* (1717 г.); *...для того что того шолку по указу шахова величества иных государств иноземцам продавать и отвозить заказано* (1718 г.); *А буде какие штофы в манифактуре россииском и прежде двух лет умножатца, тогда тот их вывоз заказать...* (1720 г.) [11, с. 63, 125, 225].

Многочисленные новые модели выражения запрета, проникшие в деловой язык с начала XVIII в., можно разделить на три группы:

- ◆ специализированные модели, для которых выражение запрета является исходным;
- ◆ производные от моделей выражения обязывания;
- ◆ производные от моделей выражения разрешения. Вторая и третья группы включают в свой состав отрицательную частицу *не*.

Специализированные модели выражения запрета в XVIII веке

Среди моделей первого типа, появившихся в документах петровского времени, можно отметить глагол *запретить-запрещать* и конструкцию *не дерзать*.

Глагол *запретить-запрещать* ранее в деловых документах не встречался. Возможный источник глагола — церковная письменность, где он отмечается на протяжении всего Средневековья. В документах петровского времени глагол *запретить-запрещать* мог присоединять к себе инфинитив, отглагольное существительное или придаточное изъяснительное, например:

Також запрещается приказным людям по утрам ездить по дворам для поклона или дел (1717 г.); *Того ради чрез сие*

указом императорскаго величества запрещается, чтоб никому никакова чина по онои новопроложенной дороге не ездить... (1718 г.); *...и для того вывоз оных парчей из еуропских государств запрещен* (1719 г.) [11, с. 68, 96, 121].

Отметим, что предикат придаточного изъяснительного имел отрицательную форму. Синтаксическое поведение глагола *запретить-запрещать*, как можно видеть, в этом случае не отличалось от глагола *заказать*.

Одновременно с глаголом *запретить-запрещать* в документах петровской поры отмечается глагол *воспретить-воспрещать*. В первой половине XVIII в. употребление глагола *воспретить-воспрещать* характеризовалось рядом особенностей: 1) он был очень редок; 2) употреблялся почти исключительно в отрицательной форме; 3) не сочетался с инфинитивом. С 1730-х гг. отмечаются первые случаи употребления глагола *воспретить-воспрещать* без отрицательной частицы в сочетании с инфинитивом или с придаточной частью:

И просят, чтоб вам по касающимся до них горным и другим заводам делам, без сношения с Соляною конторою, людей их и крестьян так истязовать и в свою власть привлекать воспретить... (1736 г.); *...и таковым воспрещать, чтобы отнюдь ни под каким видом частями своих дворов никому не уступали и из выстройки под строение частями никому не отдавали...* (1736 г.) [12, Т. 9, с. 799, 937].

С 1760-х гг. начинается постепенное распространение глагола *воспретить-воспрещать* в сочетании с инфинитивом, а ближе к концу XVIII в. — в сочетании с отглагольным существительным в форме В. п.:

Сие равенство требует хорошаго установления, которое воспрещало бы богатым удручать меньшее их стяжание имеющих... (1767 г.) [12, Т. 18, с. 196].

Расцвет употребления глагола *воспретить-воспрещать* приходится на XIX в.; в первой трети XIX в. он несколько потес-

нил глагол *запретить-запрещать* в деловой письменности:

...то я и полагал бы нужным постановить, дабы таковыя заимобразныя выдачи в посторонния ведомства были воспрещены (1825 г.); *...тогда правительство может токмо воспретить ему [фабриканту] дальнейшее на сей фабрике производство* (1825 г.) [12, Т. 40, с. 320, 593].

Славянизм *дерзать* 'смечь, осмеливаться, решаться на что-л.' [13, Вып. 6, с. 108] в составе запретительной модели употреблялся в побудительной форме в сочетании с частицей *не*: *не дерзать, да не дерзает, не дерзал бы, чтоб не дерзал*. Эти формы указывают на близость такого способа выражения запрета к моделям обязывания: запрет на осуществление действия выражается как побуждение адресата к отказу от намерения осуществить действие. Например:

А его императорскому величеству самому битчелом не приходит и челобитен подавать не дерзать (1714 г.) [11, с. 11]; *Офицеры да не дерзают у своих сущих под командою салдат полученную правом добычь отнимать, под опасением жестокаго наказания и возвращением взятого* (1716 г.) [12, Т. 5, с. 351].

В последующем оборот *не дерзать* очень редко использовался в качестве средства выражения запрета: *Почему никто да не дерзает, не получа от Адмиралтейств-коллегии билета, рубить казенных дач леса...* (1798 г.) [12, Т. 25, с. 255].

Прохибитивные модели, производные от моделей выражения обязывания

Эти модели обнаруживают большую активность в первой половине XVIII в. В деловых текстах встретились следующие модели: *не должен, не повинен, не иметь* в сочетании с инфинитивом в двусоставном предложении, *не должно, не повинно, не надлежит* в сочетании с инфинитивом в безличном предложении. Выражение за-

прета при помощи модальных операторов со значением обязывания в сочетании с частицей *не* имеет две особенности. Первая особенность связана со сферой применения этих моделей — это главным образом регламентирующие документы (уставы, регламенты, инструкции); в указах они очень редки — там предпочитается инфинитив с отрицанием. Вторая особенность связана с семантикой таких конструкций: в одних случаях они имели запретительную семантику, в других — запретительная семантика выражена неотчётливо либо отсутствует.

Употребление конструкции «*не повинен* + инфинитив» прослеживается до начала 1730-х гг., позже она не встречается в документах. В одних случаях она имела запретительную семантику:

Караульщики пороховых погребов не повинни никого пускать во оныя, кроме офицера, определенного ко оным погребам от цехмейстера... (1722 г.) [12, Т. 6, с. 559]; *Никто не повинен на воинских или иных караул как привозить, так и отвозить товаров безошлинно* (1724 г.) [11, с. 38 (четвёртая пагинация)].

Однако в примере ниже *не повинен* можно понять и как запрет, и как указание на отсутствие необходимости, т.е. как разрешение не осуществлять действие:

А буде кто сверх того, что станет брать лишнее, то не повинны слушать... (1720 г.) [11, с. 172].

Конструкция «*не должен* + инфинитив» распространяется в петровскую эпоху. Она могла выражать запрет:

И не должен караульной ключей отдавать никому, кроме тех, которым надлежит ходить в магазин (1722 г.) [12, Т. 6, с. 575]; *И для того полковник не должен приему и расходу держать один, но с подписанием всех офицеров, которые при полку, кроме вдаль отлучных...* (1724 г.) [11, с. 163 (четвёртая пагинация)].

В других случаях конструкцию можно интерпретировать как отсутствие долга, обязанности выполнять действие:

...того ради (оныя) магистраты губернаторам и воеводам не должны под-

чинены быть в том, что до градскаго суда и экономии касается... (1720 г.) [12, Т. 6, с. 300].

Как средство выражения запрещения конструкция «не должен + инфинитив» получила распространение в екатерининскую эпоху в связи с закреплением в деловом языке модального прилагательного *должен*. В современном деловом языке это один из основных способов выражения запрета.

Конструкция «не долженствовать + инфинитив» очень редко встречается в документах петровского времени:

Его царское величество обязуется вывести все свои войска из Польши во время двух месяцев от подписания сего трактата, и не долженствует остаться в Польше никаких войск его величества... (1720 г.) [12, Т. 6, с. 255].

До эпохи Екатерины II модальный глагол *долженствовать* употреблялся очень редко. В екатерининскую пору глагол получает широкое распространение, что способствовало расширению употребления конструкции «не долженствовать + инфинитив»:

Равномерным образом никто ж из наследников не долженствует ни малаго количества земли к тем недвижимым имениям как покупками, так и другими средствами присовокуплять... (1774 г.); *...в приеме и промене таковых [ветхих банкнот] не долженствует быть чинимо ни от кого ни малейшее затруднение под страхом неизбежнаго взыскания за преступление сего* (1788 г.) [12, Т. 19, с. 907; Т. 22, с. 1071].

В первой четверти XIX в. в деловом языке прекращается употребление конструкции «не долженствовать + инфинитив», а позже и глагола *долженствовать*.

Конструкция «не иметь + инфинитив» очень редко встречается в документах (преимущественная сфера употребления — международные договоры):

Когда род чей вымрет, то последней в роду не имеет никому никаким образом своих добр недвижимых продать или отдать ни при себе, ни по себе

(1712 г.) [12, Т. 4, с. 782]; *Також в таких уступленных землях не имеет никакое принуждение в совести введено быть...* (1721 г.) [11, с. 337].

Как и другие модальные операторы, конструкция «не иметь + инфинитив» в некоторых случаях не выражала запрета. Её прохибитивное значение ослаблено в придаточных предложениях. Так, в примерах ниже она имеет значение опасения, отнесённого в план будущего:

...дабы тем пожиткам от долговременного лежания не имело приключиться траты (1723 г.) [11, с. 151 (третья пагинация)]; *Когда товары принимать станут, тогда оные весить таким образом, чтоб купец или продавец не имели рукою или ногою вагу тронуть* (1724 г.) [11, с. 6 (четвёртая пагинация)].

В других случаях конструкция выражала уверенность в отсутствии действия в будущем:

...и какая та выбыль, росписать порознь, а имянно: умерших, беглых, взятых в рекруты, матрозы, в ландмилицию, в плотники, в работники и прочих тому подобных, с которых уже впредь платежа быть не имеет... (1727 г.) [12, Т. 7, с. 806].

Во второй половине XVIII в. эта модель выражения запрета встречается очень редко, а к концу века прекращает существование.

К числу безличных прохибитивных моделей относились *не должно, не повинно, не надлежит* в сочетании с инфинитивом. Первые две конструкции в документах петровского времени встречаются очень редко и всегда выражают запрет:

Також никакому коменданту не должно квартиры в городах по своей воли располагать, но надлежит сие чинить так, как в 12 главе объявлено (1720 г.); *Мастеровых и работных людей, которые работают на караблях и в избах работных, не повинно выпускать после работы водою, но выходить в ворота обыкновенныя, у которых стоят салдаты на карауле* (1722 г.) [12, Т. 6, с. 300, 572].

Значительно чаще в безличном предложении использовалась конструкция «*не надлежит* + инфинитив», имевшая диффузную семантику. В Словаре Академии Российской *надлежит* толкуется как 'надобно, должно, прилично, касается, подобает' [14, Ч. 3, стб. 1166]. В одних случаях *не надлежит* имеет отчётливую запретительную семантику (= *не должно*):

...Когда о ком какие произойдут к каким вопросам или розыскам, а тут случатца их сродники, или своиственники, которые между теми судьями суть, чему быть весьма не надлежит (1720 г.) [11, с. 161]; *Не надлежит ничего людми носить или возить...* (1722 г.) [12, Т. 6, с. 568].

В других случаях конструкция содержит сему заинтересованности субъекта в неосуществлении запрещаемого действия (= *не надобно*):

В то время, когда те воды кто пьет, не надлежит лежать и сидеть, но надобно сколько мочно ходить, чтоб движением хождения, действу вод вспомогать... (1719 г.) [11, с. 134].

У конструкции *не надлежит* могло отсутствовать модальное значение, если реализовывалось значение 'не относится, не касается' (чаще в составе придаточной части): *...и никому не объявлять, кому о том ведати не надлежит и не будет повелено объявлять* (1720 г.) [12, Т. 6, с. 292].

Из перечисленных безличных моделей запрещения широкое распространение в XVIII в. получила конструкция *не должно*. Она ещё редка в первой половине века:

...всех тех, кои хотя и в попы и диаконы не посвящены и в прочие церковные чины не произведены, по силе указа в солдаты брать не должно... (1737 г.) [12, Т. 10, с. 75].

С 1760-х гг. модель получает широкое распространение в документах, её употребление переходит в деловую письменность XIX в.:

...а в солдаты его, хотя и на время, определять не должно... (1769 г.); *Банкрота не должно разуметь безчестным человеком...* (1800 г.) [12, Т. 18, с. 873; Т. 26, с. 454].

Наоборот, модель *не надлежит* регулярно встречается до 1760-х гг., а далее теряет свою продуктивность, хотя в документах продолжает использоваться и в начале XIX в. Например:

Ежели число будет превосходнее неприятельского и ему помощи ниоткуда ожидать нельзя, то не надлежит выпустать никого... [ПСЗРИ, 24: 150] (1796 г.); *...что оной конторе отнюдь делать не надлежало, а обязана была прислать атлас чрез почту...* (1801 г.) [12, Т. 24, с. 150; Т. 26, с. 565].

На судьбу модели *не надлежит* могло оказать влияние возникновение в русском деловом языке новой императивной модели *не следует*, которая начинает распространяться в документах с 1760-х гг.

В деловом языке второй половины XVIII в. появилось небольшое число прохибитивных конструкций, восходящих к моделям обязывания. К их числу относились модели «*не* + настоящее долженствования», «*не* + будущее долженствования» и «*да не* + настоящее/будущее время», которые использовались в регламентах и уставах:

Нужныя же и полезныя строения малолетняго, где находятся, опекун не допустит до разрушения или упадка... (1775 г.); *Городничей ни в каком опасном случае город не покидает под опасением лишения места и чести* (1775 г.); *Управы благочиния власть далее того города, где определена, и того города предметия и слобод не распространяется* (1782 г.) [12, Т. 20, с. 250, 257; Т. 21, с. 468].

Модель «*да не* + настоящее/будущее время» обладала высокой риторической окраской и использовалась главным образом в уставах, манифестах, международных договорах:

Когда флот приуготовляется в поход, тогда никто да не будет арестован из морских служителей за долг... (1765 г.); *Губернскому прокурору или губернскому стряпчему никто да не перебивает речь* (1775 г.) [12, Т. 17, с. 255; Т. 20, с. 281].

Конструкция выходит из употребления в 1790-е гг., оставшись яркой приметой екатерининского времени.

К числу новых моделей запрета относится сочетание *не следует* (об истории глагола *следовать* см. [15]). До 1760-х гг. употребление прохибитивной модели «*не следовать + инфинитив*» было редким:

...которых вотчин ему [Мусину-Пушкину] и привлечь не следовало и причины никакой не было (1741 г.); ... чего ради оным полицеймейстерским конторам в те дела и вступать не следовало (1750 г.) [12, Т. 11, с. 448; Т. 13, с. 363].

С 1760-х гг. употребление модели расширяется, она начинает вытеснять из употребления старую модель *не надлежит*:

...по мнению оной коллегии, положенных с тех домен и медиплавленых печей денег, которые действительно уничтожены будут, взыскивать не следует, и требует на то указа (1765 г.) [12, Т. 17, с. 101].

Употребление модели *не следовать + инфинитив* переходит в деловой язык XIX в. и далее в современную деловую речь.

Прохибитивные конструкции, производные от моделей выражения разрешения

В первой половине XVIII в. их число очень невелико: к ним относились *не вольно*, *не позволять(ся)*, *не мочь + инфинитив* и некоторые другие.

Модель «*не вольно + инфинитив*» использовалась в петровских документах очень редко и с середины XVIII в. в деловой речи не встречается:

...того для не вольно в брак вступить ранее мужеского пола до дватцати, а женского до семнатцати лет (1714 г.); А кто ни в чем вышеписанном не будет, тому [кадету] никогда не вольно [купить землю или лавку] даже до смерти (1714 г.) [11, с. 7, 10].

Значительно шире запрет выражался конструкциями, включавшими в свой состав глаголы *позволять* и *позволяться*:

...и отнюдь не позволять в карты и прочими зерньми играть... (1716 г.); ...и того ради не позволяется, чтоб которой фамилии одной все были во оной гражданской службе, но по пропорции и воинской (1720 г.) [12, Т. 5, с. 447; Т. 6, с. 154].

Кроме того, отмечены модели с расщеплённым предикатом *не да(ва)ть позволения*:

...и никому другому той коммерции никакого позволения [Швеция] не дала (1719 г.) [11, с. 136–137]; Позволения в делах унгарской водки не давать, для того что она водка делается не из российских материялов (1724 г.) [12, Т. 7, с. 331].

В 1770–1780-х гг. употребление моделей запрета на основе глаголов *позволять* и *позволяться* не фиксируется, так как с середины века их сильно потеснили глаголы *дозволять*, *дозволяться* в качестве средства выражения разрешения. С 1790-х гг. использование прохибитивных конструкций с глаголами *позволять* и *позволяться* возобновляется:

В 3-х, из санктпетербургскаго порта лесу выпуска за море не позволять... (1799 г.); ...и никому в оных [рощах] не позволять рубить, как и дуб в вышепомянутых двух лесничествах, без ассигнации леснаго департамента (1804 г.) [12, Т. 25, с. 920; Т. 28, с. 672].

Модель «*не мочь + инфинитив*» в петровскую эпоху была нечастой, так как глагол *мочь* был редок в качестве предиката со значением разрешения:

...которые [провинциал-фискалы] во всем имеют такую ж силу и свободу, как и обер-фискал, кроме одного, что вышняго судью или генеральнаго штаба на суд без обер-фискала позвать не могут (1711 г.) [12, Т. 4, с. 726].

Расширение употребления конструкции «*не мочь + инфинитив*» происходит во второй половине века.

Значительное увеличение числа прохибитивных конструкций, восходящих к моделям выражения разрешения, происходит во второй половине XVIII в., особенно в екатерининскую эпоху. К их чис-

лу относятся *не можно, не дозволять(ся), не властен, не иметь власти, не иметь права* и некоторые другие.

Модель *не можно* изредка встречается уже в петровских документах:

А чтоб оным [ландратам] судить и определение в делах чинить, того им позволить не можно (1712 г.) [12, Т. 4, с. 813].

Однако широкое распространение модель получает с 1760-х гг. (примечательно, что одновременно с ней расширяется употребление другой безличной модели — *не должно*):

...и онаго Главному магистрату учинить не можно и не следует (1763 г.); *Сундук, в котором лежат ассигнации, не можно инако отпирать, как в присутствии всех членов банка, бухгалтера и кассира* (1768 г.) [12, Т. 16, с. 165; Т. 18, с. 792].

Не исключено, что распространение моделей *не можно, не должно* связано с калькированием немецких модальных конструкций с местоимением *man*: *man kann nicht, man darf nicht, man soll nicht, man muss nicht*.

Проникновение в документы новых прохибитивных моделей на основе глагола *дозволять* начинается с 1740-х гг., когда учащается использование глагола *дозволять(ся)* как средства выражения разрешения:

...и никаких с кораблей товаров в Кронштадте продавать не дозволено, а велено всем кораблям с товарами и с шкиперскою провизиею приходить до здешней санктпетербургской таможни... (1746 г.) [12, Т. 12, с. 605].

Расцвет употребления модели «*не дозволять(ся)* + инфинитив» приходится на 1760–1780-е гг. Тогда же резко сокращается использование конструкции «*не позволять(ся)* + инфинитив». Например:

...а внутрь России для продажи оных ездить им [азиатским купцам] не дозволять... (1763 г.); *...а на такой мызе, где в лесе имеется недостаток, арендатору не дозволяется более вина курить, как токмо на потребности мызы и на расход*

в находящаяся и положенная при мызе корчмы, продажа ж оным вина в другия места во все не дозволяется, под опасением лишения аренды (1765 г.) [12, Т. 16, с. 234; Т. 17, с. 45–46].

Со второй половины 1780-х гг. частотность употребления *не дозволять(ся)* заметно снижается. Несмотря на это, употребление модели продолжалось и в XIX в.:

По назначению сего срока не дозволяется уже перевозить из сих таможен на складку в другия таможни товаров, очищаемых в оных пошлиною (1825 г.) [12, Т. 40, с. 280].

Приметой екатерининского времени стало калькирование европейских моделей выражения разрешения: *иметь право* (нем. *Recht haben*; фр. *avoir le droit*), *иметь власть* (нем. *Gewalt/Macht haben*; фр. *avoir le pouvoir*). Примеры параллельного употребления можно видеть в [16, Т. 1, с. 205; Т. 3, с. 276, 370; Т. 6, с. 98 и др.]

Отрицательные модификации этих моделей (*не иметь власти, не иметь права*) использовались для выражения запрета:

... без особливаго нашего повеления никакое правительство [расквартированные полки] в другое место или город на непременноя квартиры перевести власти не имеет (1764 г.); *...все те, которые купили и впредь купят казенная засеки и порозжия государственная земли, отнюдь не имеют права... никаких искков отыскивать, ибо им продаются одни только земли без всяких искков...* (1768 г.); *...но со стороны верхотурскаго купца Ентальцова происходит о сих землях спор, будто бы оне казенная и вагуличи не имели права их продавать...* (1791 г.) [12, Т. 16, с. 975; Т. 18, с. 537; Т. 23, с. 226].

Кроме моделей с глаголом *иметь*, запрет мог выражаться при помощи других глагольно-именных сочетаний с существительными *власть* и *право*: *не дано власти, потерять право, лишаться права, лишать права*, видимо, также калькированных (ср.: *donner / delegue / garder / obtenir / perdre / reserver le droit, das Recht gewähren / behalten / verlieren*):

...и истец и ответчик *теряют право возобновлять впредь о том просьбу во всяком судебном месте...* (1775 г.); ...*ежели кто на срок не явится, то лишается права к получению тех денег...* (1783 г.); ...и на оныя деньги ни расходов, ни ассигнаций чинить без высочайшаго ея императорскаго величества повеления никому *власти не дано...* (1784 г.) [12, Т. 20, с. 279; Т. 21, с. 983; Т. 22, с. 263].

Прилагательное *властен* начинает использоваться для выражения разрешения в документах екатерининского времени. Вероятнее всего, *властен* — калька с нем. *befugt, berechtigt*; ср.: «*er ist befugt, dies zu thun* 'он властен сие сделать'; *sie sind dazu nicht befugt* 'они к тому не властны'; *er ist nicht befugt, darinn nach seinem Willen zu schalten* 'он не властен управлять сим по своему соизволению'» [17, с. 76, 458]; «Властен, *berechtigt*; он к тому властен, *er ist dazu berechtigt*» [18, с. 21]; «дать кому власть, уполномочить, *er ist dazu berechtigt* он к тому властен, он к тому право имеет» [19, с. 158]. Модель «не властен + инфинитив» встречается в документах с 1770-х гг.:

В телесных же наказаниях людей и крестьян опекун сам собою поступать не властен... (1775 г.); ...*которое [губернское правление] то обстоятельство разсмотря, буде губернатор сам не властен, в силу его наказа представит, где надлежит* (1785 г.) [12, Т. 20, с. 264; Т. 22, с. 359].

В целом этот способ выражения запрета встречался в документах редко, однако употребление модели отмечается и в XIX в.:

Однако ж лифлянский крестьянин не властен заключать договоров, уничтожающих дарованную ему личную свободу и подвергающих его прежней крепостной зависимости (1819 г.) [12, Т. 36, с. 657].

В качестве редкой и короткое время существовавшей модели выражения запрета можно отметить сочетание «*да воздержится + инфинитив*». Семантика запрета создаётся благодаря лексическому значению глагола *воздержаться* 'удержать

себя от чего-л. (вредного, пагубного, неуместного); умерить, сдержать свои желания, страсти' [13, Вып. 3, с. 295]. Модель встретила в нескольких уставах екатерининского времени и не вышла за пределы XVIII в.:

...*городничей в подсудное ведомство другого места да воздержится вступаться...* (1775 г.); *Управа благочиния в подсудное ведомство другого места да воздержится вступить* (1782 г.) [12, Т. 20, с. 292; Т. 21, с. 469].

Выводы

Динамика прохибитивных моделей в деловом языке XVIII в. имела сложный и противоречивый характер. Для первой (и отчасти второй) половины века характерно использование как старых моделей, унаследованных из допетровской эпохи, так и одновременно новых моделей. Употребление старых и новых средств было до известной степени обусловлено жанровой природой документа. Например, инфинитив с отрицанием обнаружил устойчивость в употреблении на протяжении всего XVIII в. в указах, в меньшей степени — в инструкциях. Однако в языке уставов и регламентов независимый инфинитив часто заменялся многочисленными новыми моделями. Этому можно дать несколько объяснений (не противоречащих друг другу).

Во-первых, язык регламентов и уставов тяготел к риторической и модернизированной манере выражения, что обуславливало использование в них, с одной стороны, славянизмов (*да не дерзает, долженствует* и пр.), с другой — различных европейских калек. Инфинитив, имевший устно-речевую природу, оказывался в этом случае стилистически не вполне уместным.

Во-вторых, отрицательный инфинитив, по сравнению с другими прохибитивными средствами, предпочитался в ситуациях, подразумевавших конкретного адресата. В уставах и регламентах субъект предписываемого действия выражается предель-

но обобщённо, вследствие чего инфинитиву предпочитались иные прохибитивные средства.

В-третьих, одной из причин появления в деловом языке новых средств выражения запрещения стала ограниченная сочетаемость отрицательного инфинитива. Для отрицательного инфинитива сфера употребления ограничивалась простым предложением и главной частью сложно-подчинённого предложения; кроме того, он употреблялся в придаточном определительном, где императивное значение выражалось ослабленно. Другие средства

выражения запрета не имели таких синтаксических ограничений.

В-четвёртых, при возможности употребления различных моделей решающим для выбора одной из них мог быть и прагматический фактор. Так, военные и морские уставы, адресатом которых были солдаты и матросы, предполагали чтение вслух перед строем или во время приёма пищи и потому тяготели к использованию инфинитива даже в конце XVIII в. Инфинитив предпочитался и в инструктивных частях уставов и регламентов, где описывался набор предписываемых действий и их порядок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березина Е.А. К вопросу о способах правового регулирования // *Личность, право, государство*. 2018. № 2. С. 101–114.
2. Ивин А.А., Никифоров А.Л. *Словарь по логике*. М.: Владос, 1997.
3. Пушкарёва Н.В. Особенности проявления императивности в тексте «Устава морского» 1720 г. // *Учёные записки Петрозаводского гос. ун-та*. 2021. Т. 43, № 6. С. 57–64.
4. Руднев Д.В., Пушкарёва Н.В. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2021. Т. 20. № 4. С. 36–49.
5. Пушкарёва Н.В. Некоторые особенности выражения императивности в тексте «Устава военного флота» 1797 г. // *Сборник докладов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию профессора Л.В. Савельевой, прапраправнучки А.С. Пушкина*. Махачкала, 2022. С. 118–128.
6. Руднев Д.В. Выражение запрета в уставах екатерининского времени // *Там же*. С. 102–110.
7. Руднев Д.В. Язык Генерального регламента 1720 года (к 300-летию первого издания) // *Сибирский филологический журнал*. 2022. № 1. С. 178–191.
8. Садова Т.С. Способы выражения запрещения (императивы-прохибитивы) в тексте Военного устава Павла I // *Сборник докладов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию профессора Л.В. Савельевой, прапраправнучки А.С. Пушкина*. Махачкала, 2022. С. 111–117.
9. Шарихина М.Г. Грамматические средства выражения императивности в «Духовном регламенте» (1721): глагольные формы // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022. № 77. С. 85–101.
10. *Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 5 т.* СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842.
11. *Указы блаженные и вечнодостоинья памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийскаго состоявшиеся с 1714, по кончину его императорскаго величества, генваря по 28 число 1725 году. Напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийской.* СПб.: При Имп. Акад. наук, 1739.
12. *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года.* Т. 1–45. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1830.

13. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. 1–6. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991; Вып. 7–22. СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992–2019.
14. Словарь Академии Российской: В 6 ч. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794.
15. Руднев Д.В. История модализации глагола *следовать* // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2021. Вып. 4. С. 107–114.
16. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: В 15 т. СПб.: Тип. М-ва путей сообщ. (А. Бенке), 1874–1909.
17. Rodde Ja. Deutsch-Russisches Wörterbuch ausgegeben von Jacob Rodde Secretair und Traducteur Eines Hochedlen Raths der Russischen Kaiserlichen Stadt Riga. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch, 1784.
18. Родде Я.М. Российской лексикон по алфавиту изданный Яковом Родде секретарем и переводчиком при Магистрате российско императорского города Риги. Рига: в Иогана Фридриха Гарткноха [!], 1784.
19. Гейм И.А. Словарь немецко-русский и российско-немецкий старанием Иоганна Гейма, коллежского ассессора и Императорского Московского университета профессора и подъяблотекаря. Часть первая, содержащая немецкой с российском [!] переводом. В Риге: Продаётся у Иоганна Фридриха Гарткноха, 1795.

Prohibitive Constructions in the Business Language of the 18th Century

Dmitry Vladimirovich Rudnev – Doctor of Philology; Professor of the Russian Language Department, Herzen University; Head of the project “The system of imperative means in the Russian official language of the 18th century” (20-012-00338).

E-mail: rudnevd@mail.ru

The article describes and classifies the repertoire of prohibitive constructions in the Russian language of legislative documents of the 18th century, their use throughout the century. The study focuses on the collections of government documents of the 18th century. The described prohibitive constructions are analyzed in terms of their compatibility, semantics, and activity of use. The reasons for the changes that have taken place are investigated, the sources of new means of expressing prohibition are identified. It is concluded that the use of the means of expressing prohibition was closely related to the activity of obligation and permission expression models, in relation to which the models of prohibition turned out to be derivatives. The appearance of new obligation and permission expression models in the legal language or their disappearance from use influenced the fate of many prohibitive constructions. The greatest changes in the system of prohibitive means occurred during the reigns of Peter I and Catherine II, i.e. during the most intensive national reforms. The modernization also affected the language of governance – business speech. New speech means were most widespread in new business genres (charters, regulations), reflecting the desire of the authorities to change the speech design of new text varieties. Yet, new speech means (in particular, prohibitive constructions) reflected changes in the pragmatics of business communication.

Keywords: official and business style, document, history of the Russian language of the 18th century, imperativeness, prohibition

REFERENCES

1. Berezina E.A. K voprosu o sposobakh pravovogo regulirovaniya // Lichnost', pravo, gosudarstvo. 2018. № 2. S. 101–114 (in Russian).
2. Ivin A.A., Nikiforov A.L. Slovar' po logike. M.: Vldos, 1997 (in Russian).
3. Pushkaryova N.V. Osobennosti proyavleniya imperativnosti v tekste «Ustava morskogo» 1720 g. // Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gos. un-ta. 2021. T. 43, № 6. S. 57–64 (in Russian).
4. Rudnev D.V., Pushkaryova N.V. Reglamenti petrovskogo vremeni v aspekte imperativnosti // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2021. T. 20. № 4. S. 36–49 (in Russian).
5. Pushkaryova N.V. Nekotorye osobennosti vyrazheniya imperativnosti v tekste «Ustava voennogo flota» 1797 g. // Sbornik dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu professora L.V. Savel'evoi, praprapravnuchki A.S. Pushkina. Makhachkala, 2022. S. 118–128 (in Russian).
6. Rudnev D.V. Vyrazhenie zapreta v ustavakh ekaterininskogo vremeni // Tam zhe. S. 102–110 (in Russian).
7. Rudnev D.V. Yazyk General'nogo reglamenta 1720 goda (k 300-letiyu pervogo izdaniya) // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2022. № 1. S. 178–191 (in Russian).
8. Sadova T.S. Sposoby vyrazheniya zapreshcheniya (imperativy-prokhibitivy) v tekste Voennogo ustava Pavla I // Sbornik dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu professora L.V. Savel'evoi, praprapravnuchki A.S. Pushkina. Makhachkala, 2022. S. 111–117 (in Russian).
9. Sharikhina M.G. Grammaticheskie sredstva vyrazheniya imperativnosti v «Dukhovnom reglamente» (1721): glagol'nye formy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2022. № 77. S. 85–101 (in Russian).
10. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu: V 5 t. SPb.: Tip. Ekspeditsii zagotovleniya gos. bumag, 1841–1842 (in Russian).
11. Ukazy blazhennyya i vechnodostoinyya pamyati gosudarya imperatora Petra Velikago samodержitsa vserossiiskago sostoyavshiyasya s 1714, po konchinu ego imperatorskago velichestva, genvaryya po 28 chislo 1725 godu. Napechatany po ukazu vsepresvetleishei derzhavneishei velikoi gosudaryni imperatritsy Anny Ioannovny samodержitsy vserossiiskoi. SPb.: Pri Imp. Akad. nauk, 1739 (in Russian).
12. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. T. 1–45. SPb.: Tip. 2-go otd-niya sobstv. e. i. v. kantselyarii, 1830 (in Russian).
13. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka / AN SSSR. In-t rus. yaz.; Gl. red. Yu.S. Sorokin. Vyp. 1–6. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1984–1991; Vyp. 7–22. SPb.: Nauka. S.-Peterb. otd-nie, 1992–2019 (in Russian).
14. Slovar' Akademii Rossiiskoi: V 6 ch. SPb.: Pri Imp. Akad. nauk, 1789–1794 (in Russian).
15. Rudnev D.V. Istoriya modalizatsii glagola sledovat' // Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya. 2021. Vyp. 4. S. 107–114 (in Russian).
16. Sobranie traktatov i konventsii, zaklyuchennykh Rossieyu s inostrannymi derzhavami: V 15 t. SPb.: Tip. M-va putei soobshch. (A. Benke), 1874–1909 (in Russian).
17. Rodde Ja. Deutsch-Russisches Wörterbuch ausgegeben von Jacob Rodde Secretair und Translator Eines Hochedlen Rathes der Russischen Kaiserlichen Stadt Riga. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch, 1784.
18. Rodde Ya.M. Rossiiskoi leksikon po alfavitu izdannyi Yakovom Rodde sekretarem i perevodchikom pri Magistrate rossiisko imperatorskago goroda Rigi. Riga: v Iogana Fridrikha Gartknokha [!], 1784 (in Russian).
19. Geim I.A. Slovar' nemetsko-rossiiskii i rossiisko-nemetskii staraniem Ioganna Geima, kollezhskogo assessora i Imperatorskago Moskovskago universiteta professora i pod"bibliotekarya. Chast' pervaya, sodержashchaya nemetskoi s rossiiskom [!] perevodom. V Rige: Prodayotsya u Ioganna Fridrikha Gartknokha, 1795 (in Russian).

О.В. КАЛУГИНА*

Императорская Академия художеств и московский Натурный класс в эпоху Николая I

На базе вновь опубликованных источников статья анализирует начальный этап становления московской художественной школы, а именно Натурного, а затем Художественного класса и Московского училища живописи и ваяния. Данный процесс разворачивался в эпоху правления императора Николая I и при несомненной августейшей поддержке. В свете новой информации взаимоотношения Императорской Академии художеств (ИАХ) и московского учебного заведения предстают совершенно иначе, чем это традиционно представлялось на основе опоры на критические выступления В.В. Стасова. Очевиден тот факт, что без всесторонней и безвозмездной поддержки ИАХ московская школа не смогла бы вырасти до уровня полноценного художественного учебного заведения, каковым Художественный класс и стал в последней четверти XIX–XX в.

Ключевые слова: Императорская академия художеств, классицизм, московский Художественный класс, художественное образование

Художественное образование в России в эпоху Николая I

Вторая четверть XIX в. в истории культуры России оставила след богатый, но противоречивый. Император Николай I, являясь великим князем и имея двух старших братьев, не был ориентирован на царствование и в силу этого позволял себе не слишком утруждаться глубоким и всесторонним образованием. Так что, вступив на престол, в решении насущных проблем неожиданно доставшегося ему в управление государства он вынуж-

ден был, как правило, опираться более на свой природный ум и волю, нежели на преподаваемые навыки государственного управления. В силу этого целый ряд проблем решался императором не столько через осознание всей их сложности и анализ последствий тех или иных шагов при их урегулировании, сколько через поиск самого простого (как правило, чисто административного) решения.

Одной из таких проблем являлась организация системы образования в Российской империи. Совершенно очевидно,

* **Калугина Ольга Вениаминовна** — доктор искусствоведения, главный научный сотрудник кафедры кино и современного искусства факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета, руководитель проекта «Феномен “реализма” в изобразительном искусстве XIX–XXI века: трактовки, смыслы, образы» (20-012-00113).
E-mail: evaksenia@gmail.com

Ил. 1. Ботман Е.И. Портрет императора Николая I. 1850 г.

что в целом она продолжала быть ориентированной на сословно ограниченный характер, оставаясь в полной мере доступной только для представителей дворянства. Но страна развивалась, усложнялись её социальная и управленческая структуры. Современные авторитетные историки обоснованно утверждают, что «потребность страны в чиновниках, технических и административных кадрах требовала совершенствования и расширения системы образования. Всё это заставило правительство увеличить количество учебных заведений различных

уровней, издать ряд законодательных актов, регламентирующих их деятельность, и создать органы управления просвещением и образованием. В начале XIX в. наметилась либеральная линия в политике правительства в области образования» [1, с. 284].

В интересующей нас сфере, а именно в художественном образовании, вопрос, однако, решался не столь однозначно. С одной стороны, именно в Николаевскую эпоху варварские реставрации практически уничтожали древние росписи киевских и владимирских храмов, ужесточался кон-

троль над пенсионерами и суровее становились требования к выбору тем выпускных программ [2]. А с другой — монарх постоянно оказывал внимание сфере изобразительных искусств, в том числе и вопросам подготовки художественных кадров: Николай I щедро одарял мастеров за их успехи и проявлял недюжинное уважение к выдающимся талантам [3].

Во второй половине XIX в. не без участия В.В. Стасова было сформировано представление о противостоянии московской, ориентированной на бытовой жанр, и академической петербургской художественных школ. Но, согласно новейшим исследованиям, знаменитый публицист зачастую выдавал свои личные представления о ситуации за реальность, которая на самом деле сильно отличалась от его фантазий.

Настоящее напряжение возникло между экспонентами Товарищества передвижных художественных выставок (далее — ТПХВ), в рамках которого по преимуществу и презентовали себя воспитанники Московского училища живописи и ваяния (далее — МУЖВ) и Императорской академии художеств только в 1875 г., когда Академия отказала ТПХВ в предоставлении своих залов для проведения очередной экспозиции [4]. При этом надо учитывать, что пусковым механизмом этой ситуации стало несогласие самого руководства ТПХВ объединить свои выставки с академическими. Но это была уже совершенно другая эпоха.

Московская школа как альтернатива Императорской академии художеств

В то же время именно в годы правления Николая I (ил. 1) в России начинается формирование первой полноценной альтернативной художественной школы. До этого времени более-менее достойный уровень художественной подготовки давала Арзамасская школа А.В. Ступина, созданная ещё в 1802 г. Однако она была ориентирована скорее на ремесленную подготовку, во всяком случае, не на серьёзную академическую выучку [5, с. 177–182]. Иные несто-

личные учебные заведения вряд ли вообще можно сопоставлять с Императорской академией художеств. Закономерно, что особенно остро недостаток художественных кадров ощущался в первопрестольной. Москва не переставала быть и ощущать себя столицей, и отсутствие соответствующего учебного заведения переживалось многими деятелями русской культуры как драматическое упущение, нуждающееся в исправлении. Авторитетный исследователь данного вопроса С.С. Степанова так определяет начальный этап этого процесса: «История московской художественной школы восходит к началу 1830-х годов, когда несколько художников и любителей, желая совершенствоваться в рисунке, задумали организовать Натурный класс» [6, с. 24].

За поддержкой своего начинания инициаторы данного дела — братья Алексей Степанович (1791–1844) и Василий Степанович Добровольские (1787–1856) (ил. 2) и Иван Трофимович Дурнов (1801–1847) — обращаются вскоре к генерал-губернатору Москвы князю Дмитрию Владимировичу Голицыну (1771–1844) (ил. 3), что было необходимо и неизбежно: неизбежно — в силу правил строгого контроля над любой частной инициативой, утвердившихся в России ещё со времени правления Александра I; необходимо — поскольку без содействия властных и знатных особ данное дело было обречено на гибель из-за отсутствия серьёзной финансовой поддержки. В итоге для реализации проекта в 1833 г. будет создано Московское художественное общество (далее — МХО), объединившее представителей московского дворянства. Характерной особенностью МХО, по сравнению, например, с петербургским Обществом поощрения художеств, стала прямая нацеленность на организацию образовательной деятельности, т.е. вопрос о создании своей московской художественной школы перешёл в практическую сферу. Именно из этого начинания вырастет в дальнейшем МУЖВ, воспитанники которого откроют новую страницу в истории отечественного изобразительного искусства.

Ил. 2. Н.Х. Портрет В.С. Добровольского. Сер. XIX в.

Постепенно простое собрание для рисования с натуры стало менять свой облик: художники начали приводить с собой учеников, и в конце концов был составлен устав нового учебного заведения. Именно в нём прямо констатировалось отсутствие в Москве условий для «образования в изящных искусствах» [7, с. 11]. Для обеспечения существования нового учебного заведения члены МХО должны были вносить ежегодный взнос, превышавший таковой взнос членов Общества поощрения художеств, состо-

явшего из видных сановников. Но последнее не являлось образовательным учреждением, и мы можем констатировать, что в Москве на базе рисовального класса формировалась новая частная художественная школа.

Важным отличием от устава Академии художеств являлось положение параграфа 11 «Особых правил к постоянному изучению живописи и скульптуры» Натурного класса, которые были одобрены военным генерал-губернатором Москвы Дмитрием Владимировичем Голицыным летом 1833 г. Оно

Ил. 3. Рисс Ф. Портрет Д.В. Голицына. 1835 г.

не только допускало принятие на бесплатное обучение двух учащихся от любого члена-подписчика МХО, но и никак не оговаривало его сословное положение. А значит, здесь могли обучаться крепостные. В то время как «в 1830-х годах двери петербургской Академии художеств были наглухо закрыты перед крепостными» [7, с. 92].

Дальнейшая легитимизация нового учебного заведения перемещалась в Санкт-Петербург, так как требовалось одобрение более высоких официальных структур.

Действуя через министра Императорского двора и уделов князя Петра Михайловича Волконского, Голицын передал «Правила» на высочайшее рассмотрение. Первым этапом своеобразной «экспертизы» проекта будущего устава явилось представление документа в Совет Академии художеств, непосредственно данному министерству подчинявшейся с 1828 г. Начинание было признано полезным, но в силу новизны ещё не готовым к высочайшему утверждению. Проверочный период был определён

в четыре года, а Натурный класс получил наименование Художественного.

Императорская академия художеств как организационный и методический куратор Московского училища живописи

Как можно видеть из уже приведённых материалов, никаких конфликтов с государственными чиновниками и тем более с Императорской академией художеств в период становления новой художественной школы не наблюдалось. Напротив, инициаторы этого нового дела находили доброжелательную поддержку практически на всех уровнях административного сопровождения их проекта. Либеральный подход к набору учащихся ни у кого возражений не вызывал, тем более что Художественный класс полностью воспринял принцип обучения художников, давно отработанный в стенах ИАХ. При этом занятия вели такие мастера, как В.С. Добровольский, И.Т. Дурнов, И.П. Витали (1794–1855) (ил. 4) и др., являвшиеся активно работающими художниками, т.е. непосредственно подающие творческий пример своим подопечным. Интересно отметить, что более чем тридцать лет спустя при создании ТПХВ в устав последнего был внесён специальный пункт о возможности участия в выставках только с новыми произведениями активно работающих мастеров. Возможно, это было развитием принципа, утвердившегося ещё на заре становления московской художественной школы?

Финансовое положение Художественного класса, несмотря на постоянный приток учащихся, оставалось очень непрочным. Необходимо учитывать, что значительная часть молодых людей обучалась бесплатно. Обстановка в заведении царила подлинно демократическая: в его классах благополучно уживались дети московских аристократов и крепостные. Но вот проблему необходимых для полноценного учебного процесса пособий одними человеческими отношениями и самоотдачей педагогов

решить было невозможно. Требовались оригинальные работы и гипсы, поскольку, по тонкому замечанию Н.А. Рамазанова (1817–1867) (ил. 5), «наглядка в даровитом художнике есть то же, что начитанность в писателе» [8, с. 212]. При этом следует учитывать, что стилистически новая школа чётко следовала за Академией, ориентируясь на классицистическое наследие и твердо базируясь на позиции, что «натура, как бы она ни была хороша сама собою и искусно поставлена, недостаточна для развития понятия об идеальном совершенстве» [7, с. 144]. Иначе говоря, даже имея своим истоком Натурный класс, московское учебное заведение чётко ориентировалось на академические классицистические предпочтения.

Помощь пришла неожиданная и поистине масштабная. В качестве дарителя выступило Общество поощрения художеств, находившееся под особым монаршим патронажем. Здесь необходимо отметить, что государь действительно хорошо разбирался в изобразительных искусствах, так как серьёзно увлекался рисованием в молодости, о чём ярко свидетельствуют ныне изданные записки великого князя Николая Павловича [9, с. 375, 409]. Наставниками его в этой сфере были выдающиеся русские живописцы – Иван Акимович Акимов и Василий Козьмич Шебуев. Император обладал также достойным художественным собранием, и не только живописным: «Богатая скульптурная коллекция, сформированная супругой будущего императора Николая I Александрой Фёдоровной, украшала интерьеры Аничкова дворца ещё в середине девятнадцатого столетия. О сохранении интереса к собиранию скульптур говорит и “Опись скульптурным предметам, находящимся на половине покойного Императора Николая I и Императрицы Александры Фёдоровны в Николаевском дворце” [10, с. 272], составленная во второй половине 1850-х гг.» [11, с. 62]. И, конечно, осуществлять поддержку нового учебного заведения титулованные меценаты Общества поощрения художеств, устав

Ил. 4. Тропинин В.А. Портрет И.П. Витали. 1839 г.

которого был утверждён в своё время непосредственно Николаем I, могли только осознавая, что представители высшей власти отнеслись бы к такому поступку благосклонно.

Так в распоряжение Художественного класса поступил ряд очень важных для методического обеспечения учебного процесса переводных изданий, как то «Рисовальная школа» Ж. Ревердена и «Пейза-

жи рисовальной школы» К.И. Бильмарка. Насколько щедро представители академических кругов готовы были делиться своим опытом с москвичами, можно судить по тому, что целый ряд пособий, присланных из Петербурга, был результатом создания соответствующей базы педагогами Императорской академии художеств: «В посылку из Петербурга были включены «Анатомия для живописцев» Ж. Дель

Медико, переведённая с итальянского Я.И. Басиным, снабжённая предисловием В.И. Григоровича и рисунками А.П. Сапожникова...» [7, с. 146]. Представители столичных художественных и благотворительских кругов считали необходимым помогать молодой школе развиваться на самом современном и выверенном методическом уровне. Заверения в готовности оказывать всяческое содействие и впредь содержались в каждом письме каждому новому директору московского Художественного класса.

Ещё одним уровнем взаимодействия московской и петербургской школ стала программа обмена художественными кадрами. В этом обмене участвовали и уже сложившиеся художники, искавшие возможности совершенствования мастерства в стенах Академии, и учащиеся, «коих отличные таланты потребуют образования академического» [7, с. 147]. Более того, члены ОПХ предусматривали возможность даже «воспользоваться гостеприимством Московского класса в случае нужды», т.е. направлять к ним и учащихся Академии [7, с. 147].

Со стороны руководства Художественного класса постоянно выражалась глубочайшая благодарность за поддержку, а восприятие Императорской академии художеств как безусловного авторитета проявилось и в том, что уже в конце первого года обучения на суд Академии были направлены лучшие работы учащихся Художественного класса: рисунки с натуры и с гипсов. Все заверения в поддержке со стороны ИАХ и ОПХ отнюдь не были пустыми обещаниями. Особенно ясно это стало после пожара во временном пристанище Художественного класса, а именно в доме Шипова на Лубянке, когда все, даже мизерные методические запасы Художественного класса погибли в огне [12, с. 164]. «Президент Академии

Ил. 5. Н.А. Рамазанов. Фото. 1859 г.

художеств А.Н. Оленин и президент ОПХ граф В.В. Мусин-Пушкин-Брюс буквально «осыпали» Художественный класс дарами» [7, с. 163]. Они включали копии, выполненные профессорами Академии с выдающихся западноевропейских и отечественных полотен, а также отлитые в гипсе копии античных статуй и полный набор изданий ОПХ. Был предоставлен в распоряжение нового учёного заведения и учебник Сапожникова «Полный курс рисования. Пособие для начинающих», признававшийся поистине новаторским и передовым пособием в педагогической практике того времени. В целом было отпущено учебных изданий общей стоимостью более 10 000 рублей.

В этих условиях неудивительно, что руководство Художественного класса постоянно выражало надежду на сохранение «благоволения» ИАХ, а вскоре его первые выпускники отправились совершенствовать своё мастерство в стенах Академии. При этом надо помнить, что ИАХ находилась под непосредственным протекторатом августейшего семейства,

так что одобрение Совета Академии, собственно, соответствовало одобрению высочайших особ. А МХО ежегодно отправляло работы своих воспитанников для экспонирования совместно с учащимися ИАХ на отчётной выставке, и они всегда получали одобрение академического сообщества. Спустя всего лишь несколько лет, а именно в 1844 г., Художественный класс будет преобразован в Московское училище живописи и ваяния. Оставаясь частным художественным учебным заведением, оно, тем не менее, во многом станет более энергично и плодотворно развивающейся школой, нежели выпестовавшая его Академия художеств.

В то же время ввиду открывшихся новых фактов и опубликованных исследований необходимо внести корректировку в те определения взаимоотношений ИАХ и нового учебного заведения, которые прочно утвердились в нашей истории искусств. В своей монографии Н.А. Дмитриева, авторитетнейший исследователь русской художественной школы, несколько раз подчёркивает серьёзные противоречия в позициях устроителей Художественного класса и представителей петербургских академических кругов. Так, исследователь усматривает серьёзные различия в задачах художественных объединений в Москве и Петербурге, отмечая, что «в Москве прогрессивные деятели, принявшие участие в создании Общества [МХО — О.К.], стремились придать ему широко демократический характер». Одновременно представителей петербургской школы Дмитриева характеризует как сторонников «развития “изящного вкуса” среди “образовывающегося дворянства и съезжающегося в Москву купечества”» [13,

17]. Из этого противопоставления автор делает вывод о наличии «антагонизма, который существовал между московским Училищем и Петербургской Академией и давал себя знать на всём протяжении их истории» [13, 17].

Как видим, открытие новых источников ставит под сомнение такой взгляд на взаимоотношения двух художественных школ. Сама Дмитриева отмечала, что «Натурный класс в Москве, вероятно, остался бы чисто любительским, без определённого направления. “Старый академик” В.С. Добровольский принёс в московское Училище хорошие традиции ещё прежней Академии, начала XIX в., и это стало исходной точкой её развития» [13, с. 46]. Теперь можно смело утверждать, что Академия эпохи президентства Алексея Николаевича Оленина и Максимилиана Лейхтербергского отнюдь не утратила ни своего авторитета, ни благотворного влияния на художественную жизнь Российской империи в целом. Постоянная и всесторонняя поддержка Императорской академии художеств и Общества поощрения художеств обеспечили быстрое становление московской художественной школы, предоставляя ей кадры, методические пособия, а также поддерживая её учеников в продолжении своего художественного образования на более высоком уровне.

Несомненно, анализ данной проблемы нуждается в дальнейшей разработке, в том числе с опорой на новые источники, что позволит раскрыть подлинную сложность и плодотворность взаимодействия двух крупнейших художественных школ нашей страны, в том числе в вопросах становления будущей реалистической школы отечественной живописи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России: Учебник. М.: Проспект, 2006.
2. Молева Н.М., Белютин Э.М. Русская художественная школа первой половины XIX века. М.: Искусство, 1963.

3. Выскочков Л.В., Шелаева А.А. «Изящные искусства достойны монаршего покровительства...»: император Николай I и русские художники // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: Редакционно-издательский отдел Ярославского государственного педагогического университета, 2016. № 3. С. 285.
4. Товарищество Передвижных Художественных Выставок. Письма и документы: 1869–1899. Кн. 1 / Под ред. С.Н. Гольдштейн. М.: Искусство, 1987.
5. Акимов С.С. Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). СПб.: ООО Центр информационных технологий Астерион, 2012. № 1. С. 177.
6. Степанова С.С. Московское училище живописи и ваяния. Годы становления. СПб.: Искусство-СПБ, 2005.
7. Фролова М.М. Из истории московского дворянства: «Задумывая Московскую Академию художеств...» (1833–1843). М.: ВайзМедиа, 2016.
8. Рамазанов Н.А. Материалы для истории художеств в России. Статьи и воспоминания. СПб.: Библиотека Академии наук, 2014.
9. Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 [Текст] / Под ред. М.В. Сидоровой, М.Н. Силаевой. М.: Политическая энциклопедия, 2013.
10. Карпова Е.В. Русская и западноевропейская скульптура XVIII – начала XX века. Новые Материалы. Находки. Атрибуции. СПб.: Искусство-СПБ, 2009.
11. Калугина О.В. Августейшие заказчики станковой пластики в России второй половины XIX – начала XX века // Артикульт, 2018, № 1. (<http://articult.rsuh.ru/articult-29-1-2018/articult-29-1-2018-kalugina.php>).
12. Орлов М.Ф. Московский наблюдатель. М.: Типография Николая Степанова, 1835. Ч. 2. Отд. 3. С. 164.
13. Дмитриева Н.А. Московское училище живописи, ваяния и зодчества. М.: Искусство, 1951.

The Imperial Academy of Arts and Moscow's Life Class in the Era of Nicholas I

Olga Veniaminovna Kalugina – Doctor of Art History; Chief Researcher of the Department of Cinema and Contemporary Art of the Faculty of Art History of the Russian State University for the Humanities; Head of the project "The phenomenon of "realism" in the Fine Arts of the 19th–21st Century: Interpretations, Meanings, Images" (20-012-00113).

E-mail: evaksenia@gmail.com

The paper, based on newly published sources, analyzes the initial stage of the formation of Moscow art school, namely, the Life, and then the Art class and Moscow School of Painting and Sculpture. This process unfolded during the reign of Emperor Nicholas I and with his undoubted support. In the light of new information, the relationship between the Imperial Academy of Arts and the Moscow educational institution appears completely different than it was traditionally presented based on the critical speeches of V.V. Stasov. It is obvious that without the comprehensive and gratuitous support of the Imperial Academy of Arts, Moscow school could not have grown to the level of a full-fledged art educational institution, which the Art Class became in the last quarter of the 19th–20th centuries.

Keywords: Imperial Academy of Arts, classicism, Moscow Art class, art education

REFERENCES

1. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A. Istoriya Rossii: Uchebnik. M.: Prospekt, 2006 (in Russian).
2. Moleva N.M., Belyutin E.M. Russkaya khudozhestvennaya shkola pervoi poloviny XIX veka. M.: Iskusstvo, 1963 (in Russian).
3. Vyskochkov L.V., Shelaeva A.A. «Izyashchnye khudozhestva dostoiny monarshego pokrovitel'stva...»: imperator Nikolai I i russkie khudozhniki // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. Yaroslavl': Redaktsionno-izdatel'skii otdel Yaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2016. № 3. S. 285 (in Russian).
4. Tovarishchestvo Peredvizhnykh Khudozhestvennykh Vystavok. Pis'ma i dokumenty: 1869–1899. Kn. 1 / Pod red. S.N. Gol'dshtein. M.: Iskusstvo, 1987 (in Russian).
5. Akimov S.S. Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). SPb.: OOO Tsentri informatsionnykh tekhnologii Asterion, 2012. № 1. S. 177 (in Russian).
6. Stepanova S.S. Moskovskoe uchilishche zhivopisi i vayaniya. Gody stanovleniya. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2005 (in Russian).
7. Frolova M.M. Iz istorii moskovskogo dvoryanstva: «Zadumyvaya Moskovskuyu Akademiyu khudozhestv...» (1833–1843). M.: VaizMedia, 2016 (in Russian).
8. Ramazanov N.A. Materialy dlya istorii khudozhestv v Rossii. Stat'i i vospominaniya. SPb.: Biblioteka Akademii nauk, 2014 (in Russian).
9. Zapisnye knizhki velikogo knyazya Nikolaya Pavlovicha. 1822–1825 [Tekst] / Pod red. M.V. Sidorovi, M.N. Silaevoi. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2013 (in Russian).
10. Karpova E.V. Russkaya i zapadnoevropeiskaya skul'ptura XVIII – nachala XX veka. Novye Materialy. Nakhodki. Atributsii. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2009 (in Russian).
11. Kalugina O.V. Avgusteishie zakazchiki stankovoi plastiki v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka // Artikul't, 2018, № 1. (<http://articultr.suh.ru/articultr-29-1-2018/articultr-29-1-2018-kalugina.php>) (in Russian).
12. Orlov M.F. Moskovskii nablyudatel'. M.: Tipografiya Nikolaya Stepanova, 1835. Ch. 2. Otd. 3. S. 164 (in Russian).
13. Dmitrieva N.A. Moskovskoe uchilishche zhivopisi, vayaniya i zodchestva. M.: Iskusstvo, 1951 (in Russian).

Индекс УДК 72.036

Код ГРНТИ 67.01.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-79-91

**М.В. ЕВСТРАТОВА,
С.В. КОЛУЗАКОВ***

Станция метро «Комсомольская-кольцевая»: рождение замысла

В рамках исследования «Станция метро «Комсомольская-кольцевая». Проект архитектора А.В. Щусева» изучено рождение замысла одной из лучших станций Московского метрополитена. «Комсомольская-кольцевая» рассмотрена как часть градостроительного ансамбля Комсомольской площади и как своеобразное продолжение архитектурного ансамбля Казанского вокзала. Станция посвящалась победе русского воинства в Великой Отечественной войне и создавалась в русском стиле, отражая подъём национального самосознания народа-победителя. Это посвящение наложило отпечаток на её архитектуру и художественное оформление. Проекты в русском стиле принесли А.В. Щусеву известность ещё до Октябрьской революции. После революции зодчий снова обратился к этому направлению в ряде своих произведений, последним из которых и стала «Комсомольская-кольцевая». Также рассмотрено участие Щусева в создании Московского метрополитена начиная с 1920-х гг., выявлен ряд объектов метро, в проектировании которых участвовал Щусев. Новые данные представляют совершенно иную картину начала проектирования станции метро.

Ключевые слова: Комсомольская-кольцевая, Щусев, архитектура, метрополитен, русский стиль

«**К**омсомольская-кольцевая» — одна из самых красивых станций Московского метрополитена, уникальная по своему художественному оформлению и инженерному решению. Это последнее произведение академика архитектуры Алексея Викто-

ровича Щусева (1873–1949) (ил. 1). В монографиях, посвящённых зодчему, архитектуре станции традиционно даётся высокая оценка [1–4], однако история её проектирования и строительства мало изучена, содержит множество неточностей и ошибок. Весьма ограниченные

* **Евстратова Марианна Васильевна** — историк архитектуры, директор музейно-библиотечного комплекса Московского архитектурного института (МАРХИ), руководитель проекта «Станция метро “Комсомольская-кольцевая”. Проект архитектора А.В. Щусева» (20-012-00442).

E-mail: mevstratova@gmail.com

Колузаков Сергей Владимирович — историк архитектуры, старший преподаватель факультета архитектуры и градостроительства Московского государственного университета геодезии и картографии (МИИГАиК), исполнитель того же проекта.

E-mail: s-kolyzakov@yandex.ru

Ил. 1. А.В. Шусев в своей мастерской в Академпроекте. 1947 г.

сведения о ней присутствуют в изданиях по архитектуре Московского метрополитена [5–9]. Среди важных проблем изучения станции огромный интерес представляют рождение авторского замысла, выявление источников вдохновения и прообразов, от которых отталкивался Шусев. Кроме того, важное значение имеет выяснение роли зодчего в проектировании всего Московского метрополитена, частью которого является станция, что к настоящему моменту также почти не изучено.

Станция, включающая наземные вестибюли, подземный перронный зал и переходы, является важной частью градостроительного ансамбля Комсомольской площади Москвы, стилистически связана с её застройкой. Чтобы понять сложение архитектурного образа станции, необходимо обратиться к истории формирования вокзальной площади. Первое упоминание об этом участке относится к XVI в. Здесь, на окраине Москвы, находилось поле, названное Краснопрудным, или Красным лугом, за южной и западной границами

которого закрепился топоним «Каланча», предположительно имеющий отношение к расположенной в этой местности башне [10]. В XIX в. непригодная в силу различных обстоятельств для городского жилья территория оказалась удобным местом для размещения крупного железнодорожного узла – первой сюда подвели Санкт-Петербурго-Московскую железную дорогу. Здание вокзала построили в 1844–1851 гг. по проекту архитектора К.А. Тона в северной части Каланчёвского поля (ил. 2).

Его фасады в стиле историзм имеют черты итальянских ренессансных палаццо, а также отсылают к архитектуре самого Петербурга – зданию Городской думы на Невском проспекте. После смерти императора Николая I железную дорогу и вокзал переименовали в «Николаевские». По первоначальному проекту Николаевский вокзал должны были фланкировать симметричные боковые корпуса. Из них в 1856 г. реализовали лишь один, левый – здание таможни. Перед транспортным сооружением обустроили площадь, названную Каланчёвской. К 1862 г. рядом с Николаевским возвели Ярославский вокзал для проложенной сюда Северной железной дороги. В результате этого площадь расширилась к востоку. Фасады здания таможни, Николаевского и Ярославского вокзалов, поставленные по одной линии, очертили её северную границу. Южную границу образовало протяжённое здание вокзала Рязанской железной дороги (ил. 3).

Ярославский и Рязанский вокзалы, как и Николаевский, возводились в стиле историзм с элементами ренессансной архитектуры, но уже по проектам Р.И. Кузьмина. Это был короткий период определённого стилистического единства всей площади, которая приобрела геометрию неправильного пятиугольника: широкая, почти квадратная, между таможней, Николаевским и Рязанским вокзалами, она сужалась трапецией к Ярославскому вокзалу и Краснопрудной улице. Но уже в 1902–1904 гг. Ярославский вокзал был реконструирован

Ил. 2. Вид Николаевского вокзала со стороны Каланчёвской площади. 1880-е гг.
Фототипия «Шерер, Набгольц и К°»

в пределах старых корпусов архитектором Ф.О. Шехтелем. Строгая симметрия первоначального здания сменилась асимметричной композицией модерна с выраженными чертами неорусского стиля и яркими полихромными деталями. Главный вход акцентировала огромная арка, завершённая высокой кровлей. Западную границу площади со стороны центра города очертил отрезок Алексеевской соединительной ветви Николаевской и Курско-Нижегородской железных дорог. В 1909 г. Управление железных дорог Министерства путей сообщения приняло решение о поднятии всего участка соединительной железнодорожной ветви у Каланчёвской площади на путепровод, а движение пешеходов и экипажей предписало полностью пропустить под ним [11]. Строительство Каланчёвского пу-

тепровода завершило этап формирования границ вокзальной площади, в которых она существует до настоящего времени, однако её архитектурный облик продолжал трансформироваться.

В 1911 г. акционеры Общества Московско-Казанской железной дороги (ранее Московско-Рязанской) приняли решение о постройке на месте старого Рязанского нового Казанского вокзала в русском стиле. Был объявлен конкурс под девизом «Ворота на Восток», так как вокзал должен был символизировать связь европейской части России с Азией. В конкурсе победил проект А.В. Щусева, в котором вокзал представлял собой живописную асимметричную композицию из палат, башен и переходов, что позволяло избежать однообразия чрезвычайно длинных фасадов (ил. 4).

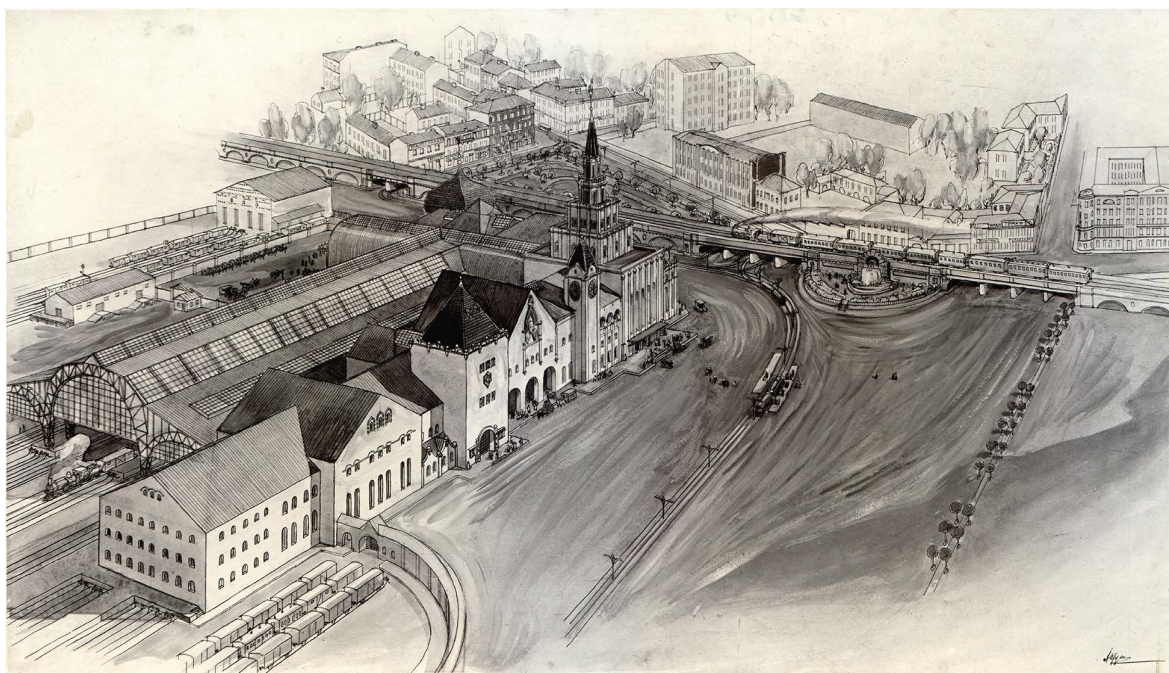
Ил. 3. Вид Рязанского вокзала со стороны Каланчёвской площади. 1880-е гг.
Фототипия «Шерер, Набогльц и К°»

Впоследствии зодчий долго перерабатывал его архитектурное решение, менял стилистические особенности (в рамках неорусского стиля). Так постепенно преобладающими стали переосмысленные мотивы нарышкинского барокко. Фасады проектировались полихромными: краснокирпичной облицовкой выделялись Главная башня, ресторан, Башня прибытия, часть крыш – зелёной черепицей (ил. 5). Вступление России в Первую Мировую войну повлияло на облик создаваемого вокзала: проект несколько раз подвергался упрощению, как говорил сам зодчий – «урисовке», преобразованию декора с ориентацией на происходящие в стране события.

Важной частью здания вокзала и единственной, где Щусеву удалось осуществить внутреннюю отделку, являлся зал ресторана. Он проектировался для пассажиров первого и второго привилегированных классов. В поисках интерьерного решения Щусев выполнил несколько вариантов проекта. Сначала помещение ресторана планировали перекрыть плоским деревянным плафоном, украшенным живописными композициями. Но когда произошёл

стилистический поворот в решении всего вокзала к мотивам нарышкинского барокко, Щусев изменил геометрию перекрытия ресторана на коробовый (полуцилиндрический) свод, кардинально поменял его украшение. В его центре задана крупная живописная композиция в обрамлении лепного барочного орнамента, по сторонам от неё несколько второстепенных. Несмотря на то, что в процессе дальнейших преобразований проекта ресторана к 1915 г. его свод постепенно приобрёл геометрию лоткового с распалубками над окнами, характер декора остался прежним.

Прообразами для оформления зала послужили бесстолпные интерьеры храмов конца XVII в. – Одигитрии в кремле Ростова Великого и Преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре. Щусев изучал эти памятники во время своих исследовательских поездок по старинным русским городам в 1900–1910-е гг., фотографировал и зарисовывал. Горельефные барочные орнаменты, украшающие их своды, считаются одними из первых, появившихся в русской архитектуре, и лучшими в своём роде. Для выполнения самих жи-

Ил. 4. А.В. Щусев. Проект Казанского вокзала и Каланчёвского путепровода в ансамбле площади. Перспектива с высоты птичьего полёта. 1912–1913 гг. Архив наследников А.В. Щусева

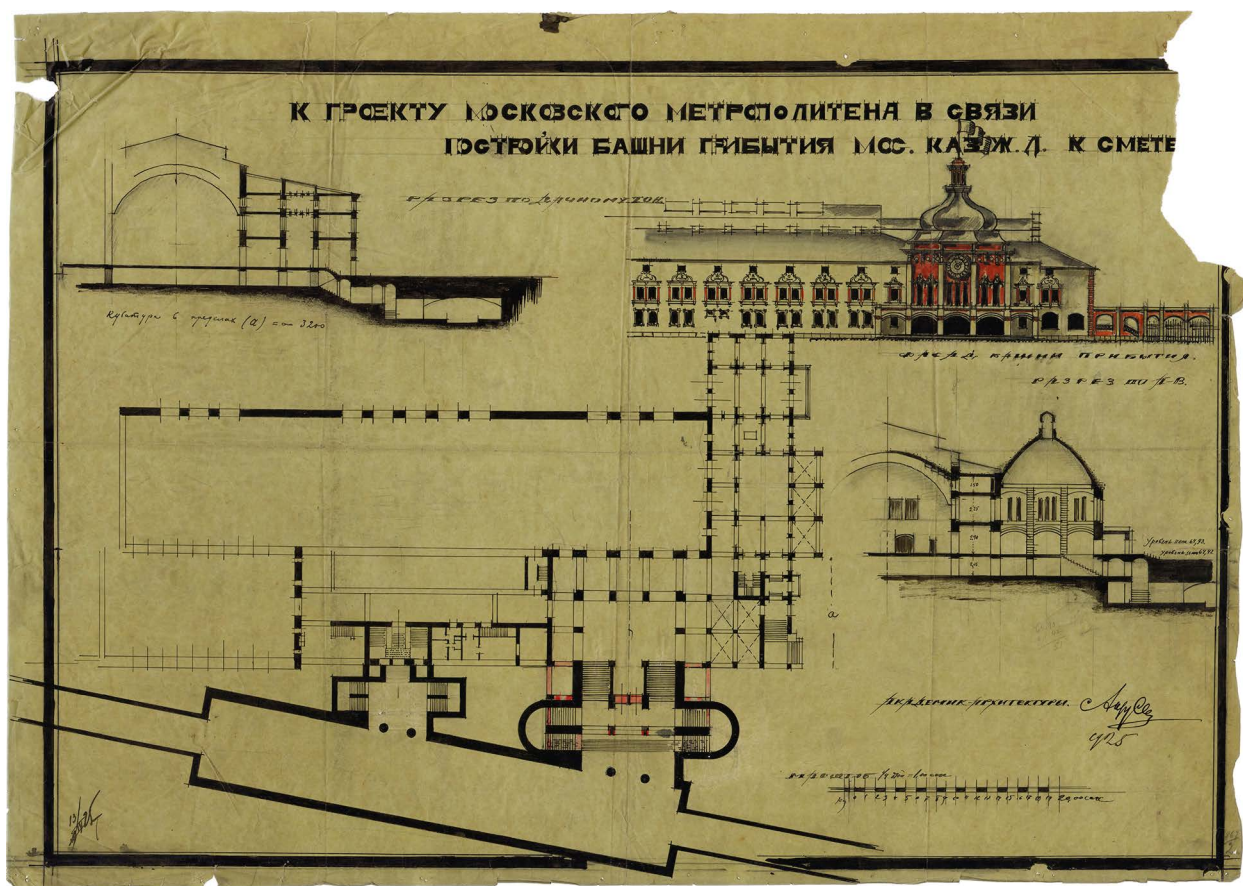
вописных композиций были приглашены художники «Мира Искусства» А.Н. Бенуа, Е.Е. Лансере, З.Е. Серебрякова, М.В. Добужинский. Они разработали эскизы и сюжеты аллегорических панно на тему «Россия соединяет Европу и Азию», используя приёмы перспективной живописи, зрительно увеличивающей интерьерное пространство и создающих иллюзию небосвода над посетителями ресторана [12].

После Октябрьской революции в 1918 г. новое большевистское правительство перенесло столицу из Санкт-Петербурга (тог-

да Петрограда) в Москву. В связи с этим изменился и статус Каланчёвской площади как важнейших «ворот» в город. Щусев продолжал строительство Казанского вокзала, который ещё не завершённым открылся в 1919 г., а в 1926-м был полностью введён в эксплуатацию. При этом ему пришлось ещё несколько раз упрощать проект, отказаться от реализации Башни прибытия, Царского павильона (после революции – Государственных покоев), дебаркадера, большей части живописного убранства интерьеров. Тематика компози-

Ил. 5. А.В. Щусев. Проект Казанского вокзала. Перспектива. 1914 г. Архив наследников А.В. Щусева

Ил. 6. А.В. Щусев. Проект Башни прибытия Казанского вокзала как наземного вестибюля московского метрополитена. 1925 г. Архив наследников А.В. Щусева

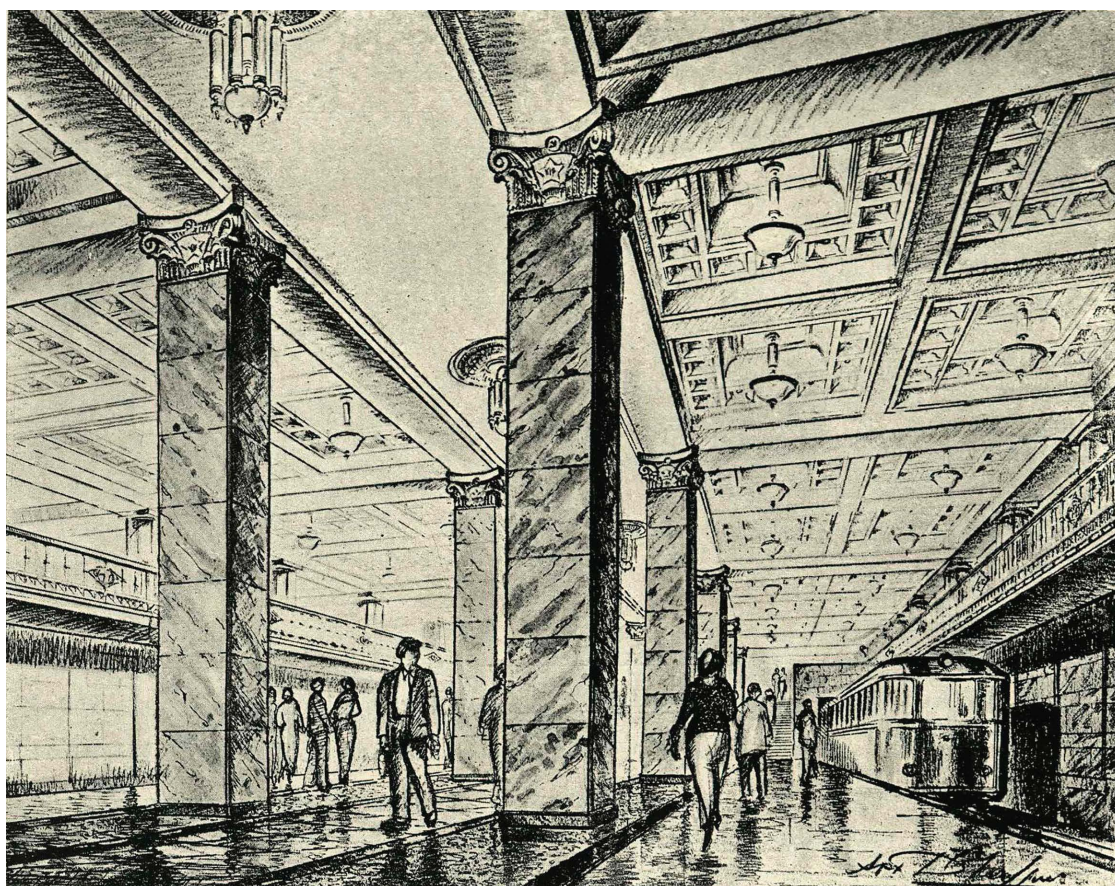
ций зала ресторана утратила актуальность. Росписи там были осуществлены лишь в 1930-е гг. Е.Е. Лансере на тему «Праздник трудящихся», но с применением всё той же перспективной живописи, окружённой барочным лепным орнаментом.

В 1918–1924 гг. Щусев вместе с И.В. Жолтовским занимался проектом реконструкции столицы «Новая Москва», который предполагал кольцевую структуру с понижением высотности застройки к периферии, музеефикацию Кремля и перенос административного центра на Ходынское поле, расчистку города от малоценной застройки и выявление памятников архитектуры, на которые должны были ориентироваться новые улицы, бульвары и площади,

строительство мостов, портов и парков. Кроме того, в рамках «Новой Москвы» уже затрагивались вопросы создания метрополитена, разработку которого поручили Л.Н. Бернадскому. Щусев к этому времени был одним из крупнейших архитекторов, занимавшихся транспортными сооружениями, и принимал активное участие в обсуждении этих вопросов¹.

Бернадский в 1922 г. представил концепцию Московского метрополитена как самостоятельной городской железной дороги, что легло в основу последующих проектов метро. По его замыслу, оно должно было состоять из шести диаметральных, двух кольцевых и двух полукольцевых линий. В 1923 г. разработку проекта метро

¹ В 1920 г. Щусев участвовал в заседании Особого совещания по вопросам строительной политики, где обсуждалось составление проекта метрополитена в Москве и было решено поручить его Л.Н. Бернадскому. Протокол № 38 заседания Особого совещания по вопросам строительной политики М[осковской] коммуны от 28 октября 1920 г. Частный архив наследников А.В. Щусева.

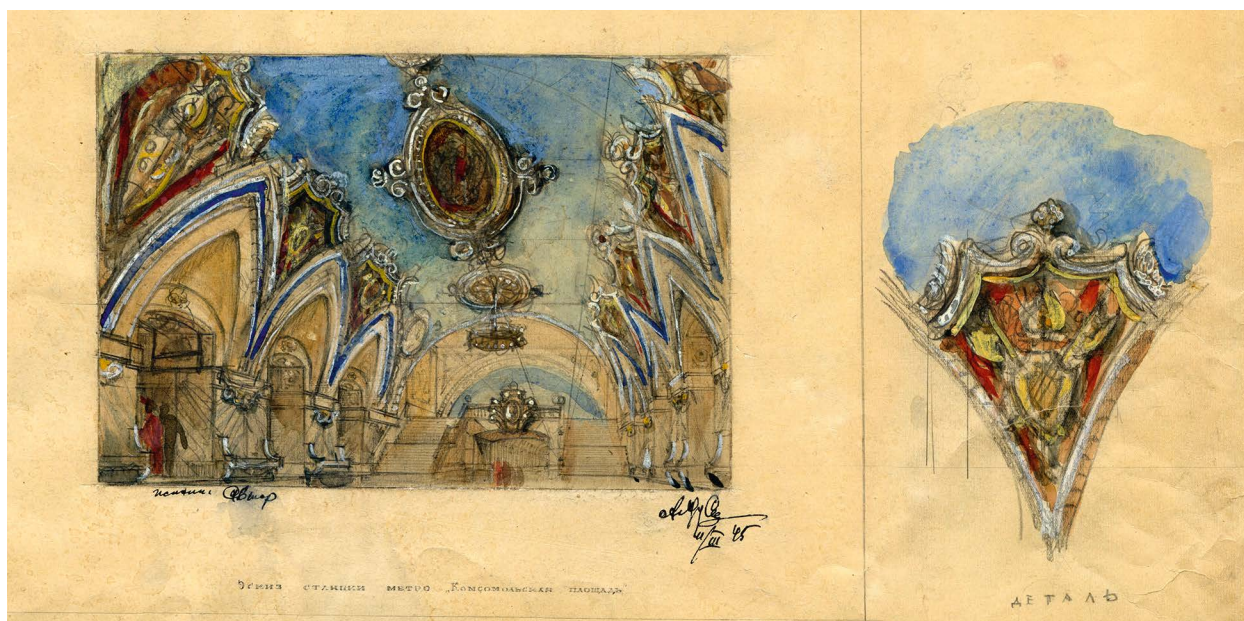
Ил. 7. Д.Н. Чечулин. Проект станции «Комсомольская площадь». Перспектива перронного зала. 1935 г.

передали специально созданному подотделу «Метрополитен» при Техническом отделе Московских городских железных дорог (МГЖД). Был разработан другой проект, включавший три радиальные линии, также не принятый к осуществлению, да и сама реконструкция столицы по планам Жолтовского и Щусева не была одобрена и критиковалась как идеологически неправильная. Началась работа над другими концепциями реконструкции.

С 1925 г. проектированием метро стал заниматься С.Н. Розанов, заместитель начальника подотдела МГЖД. Он разработал проект Мясницкого радиуса от центра до Каланчевской площади, где выход из метрополитена для удобства пересадки пассажиров предполагалось включить

в здание Казанского вокзала. Специально для этого Щусев вернулся к проектированию неосуществлённой Башни прибытия, трактуя её как наземный павильон метро, связанный с вокзалом¹ (ил. 6). Технический (инженерный) проект Мясницкого радиуса предложили составить немецкой фирме «Siemens-Waunion». Однако тогда проект не был осуществлён, и его передали в архив [13]. В конце 1928 – начале 1929 г. Щусев отправился в двухмесячную командировку в Европу. Он побывал во Франции, Германии и Нидерландах, изучая современную архитектуру и новейшие строительные достижения. Он осматривал Парижское и Берлинское метро, отдавая предпочтение решению первого из них. Для настоящего исследования важно, что

¹ В ходе настоящего исследования удалось обнаружить неизвестный ранее проект Башни прибытия, связанный с Московским метрополитеном, подписанный А.В. Щусевым и датированный 13 апреля 1925 г. Частный архив наследников А.В. Щусева.

Ил. 8. А.В. Щусев. Эскизы перронного зала станции метро «Комсомольская-кольцевая». Первоначальные варианты. 1945 г. Архив наследников А.В. Щусева

Щусев участвовал в проектировании советского метро с самых первых его вариантов.

К идее реализации метрополитена в Москве вернулись спустя несколько лет, в 1931 г., по инициативе И.В. Сталина. В качестве первой очереди строительства Л.М. Каганович назвал прокладку линий от Каланчёвской площади к центру и далее к будущему Дворцу Советов (на месте храма Христа Спасителя), что в целом соответствовало проекту МГЖД. В 1932 г. специальная Правительственная комиссия назначила Щусева экспертом по проверке проектов метрополитена¹, с тех пор он регулярно участвовал в соответствующих совещаниях. А в следующем году «Метропроект» уже пригласил его работать постоянным консультантом².

В 1933 г. Каланчёвская площадь была переименована в Комсомольскую в честь 15-летия создания организации. А в 1935 г. на ней открыта станция метро «Комсомольская-радиальная» по проекту ученика

Щусева Д.Н. Чечулина (ил. 7). Один из её наземных вестибюлей встроен в бывший Багажный зал Казанского вокзала; другой, по проекту А.М. Рухлядева и В.Ф. Кринского, постконструктивистский в своей основе, разместился между Ленинградским и Ярославским вокзалами. Проекты выполнялись в Мастерской № 2 Моссовета, руководимой академиком А.В. Щусевым, а значит, под его непосредственным контролем. Архитектура перронного зала «Комсомольской-радиальной» решалась в формах классики с применением упрощённого ордера, что сближает её с некоторыми постройками площади (Каланчёвский путепровод, Ленинградский вокзал, здание таможи).

С 1937 г. Щусеву поручена реконструкция и достройка Казанского вокзала, прерванная в 1941 г. нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. Также удалось выяснить, что перед началом Великой Отечественной войны Щусев выполнил ряд эскизов к проекту неизвестной

¹ Об этом упомянуто в письме председателя Моссовета Н.А. Булганина и Управления «Метрострой» А.В. Щусеву, июнь 1932 г. Частный архив наследников А.В. Щусева.

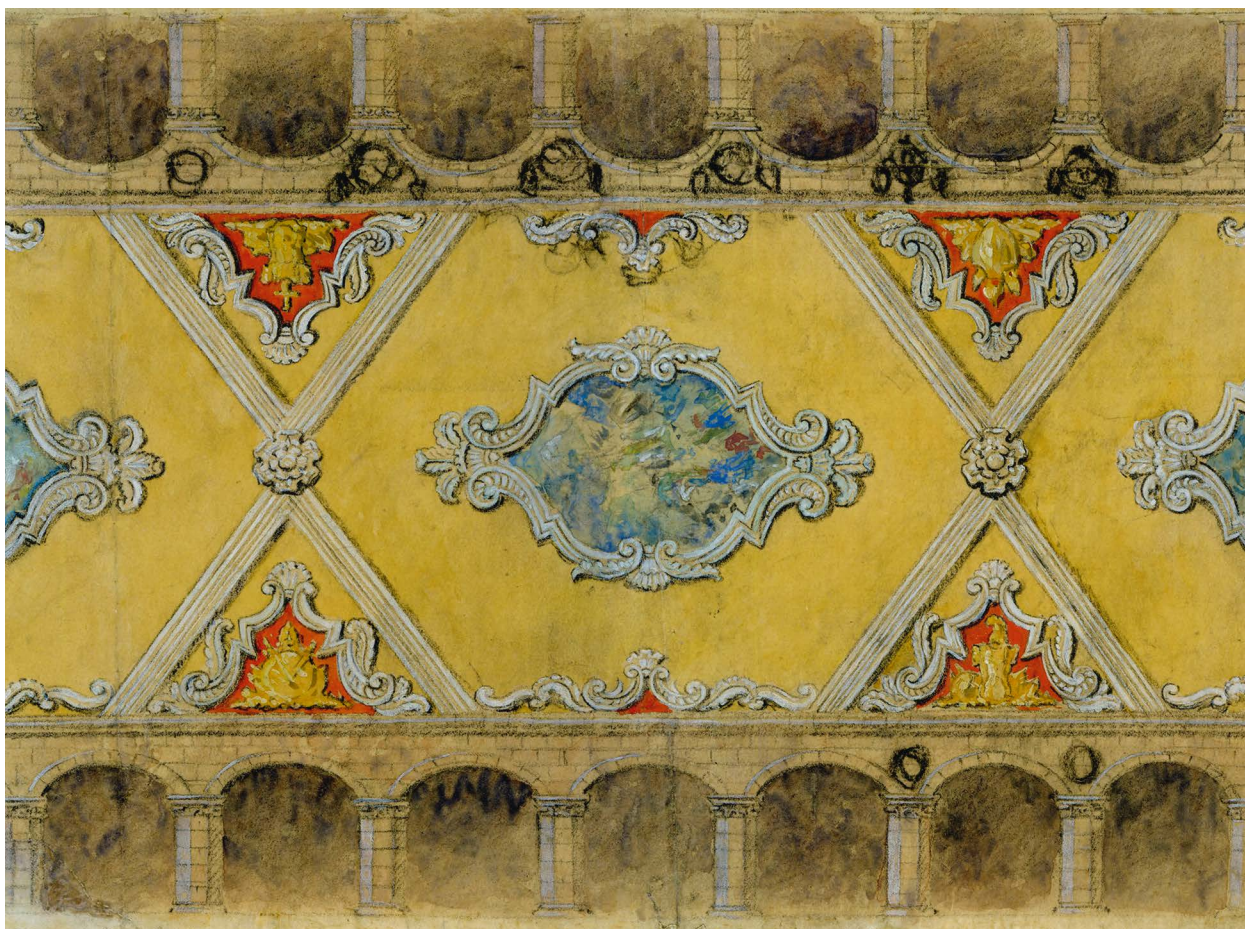
² Это указано в письме председателя Управления «Метрострой» А.В. Щусеву от 20 ноября 1933 г. Частный архив наследников А.В. Щусева.

станции Московского метрополитена¹. Судя по эскизам, это станция неглубокого заложения, возможно, для Кольцевой линии, которая разрабатывалась в то время и к проектированию которой уже тогда мог быть привлечён зодчий. Тяжёлая ситуация в стране, очевидно, прервала работу над ней.

В начале 1945 г., когда исход войны был уже предрешён, Щусев получил заказ на строительство станции метро «Комсомольская-кольцевая» и возобновил работу над Казанским вокзалом. К этому времени немного изменилась концепция кольца метрополитена (четвёртая очередь строительства). Ранее его планировали проложить методом неглубокого заложения под Садовым кольцом, но в 1941 г.

часть маршрута решили подвести к вокзальной площади как важному транспортному узлу города.

Архитектура всех станций кольцевой линии задумывалась в подчёркнуто парадном духе, как посвящение Великой Победе. В этом направлении и должен был решаться образ Комсомольской-кольцевой. Сам Щусев охарактеризовал свой замысел как «зал побед», в связи с чем в декор перронного зала планировалось включить ряд тематических панно о боевых победах русского воинства как настоящих, так и прошлых веков. В своих поисках зодчий опирался на выступление Сталина 7 ноября 1941 г. на Красной площади на параде пе-

Ил. 9. А.В. Щусев, А.Ю. Заболотная. Проект перронного зала станции метро «Комсомольская-кольцевая». Окончательный вариант 1949 г. Собрание М.В. Евстратовой

¹ Ряд эскизов двух вариантов неизвестной станции выявлены в альбоме А.В. Щусева, датированном автором 1940–1941. Эскизы подписаны автором.

Ил. 10. А.В. Щусев, А.Ю. Заболотная. Проект перронного зала станции метро «Комсомольская-кольцевая». Окончательный вариант 1949 г. Собрание М.В. Евстратовой

ред войсками, отправляющимися на фронт: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!». Апеллирование к этому высказыванию позволяло использовать в декоре исторические образы и сюжеты, которые ещё совсем недавно находились под запретом для трансляции на стенах общественных зданий. Кроме того, на волне подъёма национального самосознания Щусев снова обратился в проектировании к русскому стилю, который нашёл здесь наиболее уместным [14]. Причём в рамках русского стиля он выбрал направление нарышкинского барокко, позволяющее создать композиционную и стилистическую взаимосвязь со зданием Казанского вокза-

ла, расположенного непосредственно над станцией.

Плафон перронного зала «Комсомольской-кольцевой» на первоначальных эскизах близко повторяет композицию плафона ресторана вокзала, особенно его второго варианта с коробовым сводом. Живописные композиции обрамлены пышной барочной лепниной, светлой на насыщенном синем или зелёном фоне.

Одной из задач этих панно, кроме иллюстративной, было осуществление иллюзорного прорыва в небо, которое, будучи исполнено художником, создавало бы зрительное увеличение пространства и его взаимосвязь с земной поверхностью. Однако в отличие от ресторана вокзала плафон этот опирался на мощные пилоны. Над пилонами, по сторонам от главных композиций были задуманы картуши с военной арматурой разных столетий.

Ряд других деталей также близок к аналогам на Казанском вокзале. Здесь Щусев проявил себя как выдающийся стилизатор и мастер градостроительного ансамбля, сумевший связать воедино наземные и подземную части Комсомольской площади. Наземный павильон, расположенный между Ленинградским и Ярославским вокзалами, на месте прежнего постконструктивистского выхода из метро, был сначала задуман им в барочном оформлении, также ассоциирующимся с Казанским вокзалом.

Сохранился ряд первоначальных эскизов перронного зала (ил. 8, 9), позволяющих проследить эволюцию авторского замысла¹. Многие из них ранее были неизвестны исследователям. Работая над эскизами, Щусев пытался наиболее ёмко передать графическими средствами основные принципы решения станции, найти пропорциональное соотношение картушей и лепнины на своде, цвет и характер отдельных деталей. При дальнейшем проектировании зодчий продолжил разработку этой темы, внёс в проект ряд изменений, в том числе и продиктованных инженерным решением (ил. 10). Так, пилоны были заменены рядами колонн, упорядочена геометрия свода за счёт введения в его композицию ложных нервюр, цвет плафона изменён на светлый жёлтый, продумано расположение перехода на радиальную станцию и выхода в город. Изменилось

стилистическое решение наземного вестибюля. Пытаясь органичнее связать его с ансамблем площади, он остановился на классическом решении с отдельными элементами русского стиля.

Щусеву не удалось полностью окончить проект, в мае 1949 г. он скоропостижно скончался. Завершением проекта занимались его соавтор А.Ю. Заболотная [15] и помощник по проектированию Казанского вокзала В.Д. Кокорин. Вместе они смогли воплотить в жизнь творческий замысел Щусева.

История сложения Комсомольской площади, предшествующая включению в её композицию кольцевой станции метрополитена, свидетельствует о том, что Щусев, проектируя на ней отдельные сооружения в 1911–1949 гг., рассматривал их как часть единого градостроительного ансамбля. И именно ансамблевый подход определил направление его поиска в решении «Комсомольской-кольцевой». Удалось установить, что Щусев участвовал в проектировании Московского метрополитена с 1920-х гг. в качестве консультанта, а также автора отдельных, связанных с ним объектов. Таким образом, станция «Комсомольская-кольцевая» является не первой попыткой зодчего в области метростроения, как считалось ранее, а своеобразным итогом его творческой деятельности в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов Н.Б. А.В. Щусев. М.: Государственное изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1952. С. 68–71, 208–224.
2. Бачинский Н.М., Грабарь И.Э., Афанасьев К.Н. Произведения академика А.В. Щусева, удостоенные сталинской премии. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1954. С. 81–95.
3. Дружинина-Георгиевская Е.В., Корнфельд Я.А. Зодчий А.В. Щусев. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. С. 105–113.
4. Афанасьев К.Н. А.В. Щусев. М.: Стройиздат, 1978. С. 176–177.
5. Иодлович С. (ред.). Московский метрополитен. М.: ИЗОГИЗ, 1953.

¹ В частном архиве наследников А.В. Щусева удалось выявить четыре эскиза на отдельных листах и десять в записной книжке, которые можно отнести к поиску первоначального варианта проекта станции «Комсомольская-кольцевая». Один из них подписан и датирован 11 марта 1945 г.

6. Кавтарадзе С.Ю., Чепкунова И.В. К 70-летию Московского метрополитена. // «World Art Музей». М.: А. Мещеряков, 2005.
7. Чепкунова И.В., Костюк М.А., Желудкова Е.Ю. Московское метро: Подземный памятник архитектуры. М.: Кучково поле, 2016.
8. Кузнецов С., Кагаров Э., Змеул А. Скрытый урбанизм. Архитектура и дизайн Московского метро. 1935–2015. М.: Dom, 2016.
9. Костина О.В. Архитектура Московского метро. 1935–1980-е годы. М.: БуксМАрт, 2019.
10. Сытин П.В. Откуда пошли названия улиц Москвы. М.: Московский рабочий, 1959. С. 154.
11. Евстратова М.В., Колузаков С.В. Каланчёвский путепровод в Москве. Архитектор Алексей Щусев. М.: Кучково поле, 2020.
12. Колузаков С.В. Казанский вокзал А.В. Щусева. Невоплощённый замысел «Мира искусства» // Третьяковская галерея. 2017. № 2 (55). Приложение.
13. Желудкова Е.Ю. Предыстория строительства Московского метрополитена: дореволюционные проекты и дискуссии 1920-х годов // Московское метро: Подземный памятник архитектуры. М.: Кучково поле, 2016 С. 14–19.
14. Евстратова М.В., Колузаков С.В. Алексей Щусев и Третьяковская галерея // Русское искусство. 2021. № 4. С. 14–21.
15. Евстратова М.В. Алиса Заболотная. Соавтор Щусева. Биографический очерк // Московское наследие. 2020. № 6 (72). С. 104–115.

Komsomolskaya-Koltsevaya Metro Station. The Birth of the Idea

Marianna Vasilyevna Evstratova – Architectural Historian; Director of the Museum and Library of Moscow Architectural Institute (MARHI); Head of the project “Komsomolskaya-Koltsevaya Metro Station. The project of architect A.V. Shchusev” (20-012-00442).

E-mail: mevstratova@gmail.com

Sergey Vladimirovich Koluzakov – Architectural Historian; Senior Lecturer at the Faculty of Architecture and Urban Planning of Moscow State University of Geodesy and Cartography (MIIGAiK); co-researcher in the same project.

E-mail: s-kolyzakov@yandex.ru

As part of the study “Komsomolskaya-Koltsevaya Metro Station. The project of architect A.V. Shchusev”, the authors investigate the birth of the idea of one of the best Moscow’s metro stations. Komsomolskaya-Koltsevaya is considered as part of the urban-planning ensemble of Komsomolskaya Square and as a kind of continuation of the architectural ensemble of Kazan railway station. The station was dedicated to the victory in the Great Patriotic War and was created in the Russian style, reflecting the rise of the national consciousness of the winners. This dedication also left an imprint on its architecture and decoration. The Russian-style projects brought Shchusev fame even before the October Revolution. After the revolution, the architect turned to this direction again in a number of his works, the last of which was Komsomolskaya-Koltsevaya. Shchusev’s participation in the creation of the Moscow Metro since the 1920s has also been considered, a number of metro facilities co-engineered by Shchusev have been identified. The new data present a completely different picture of the early metro station design.

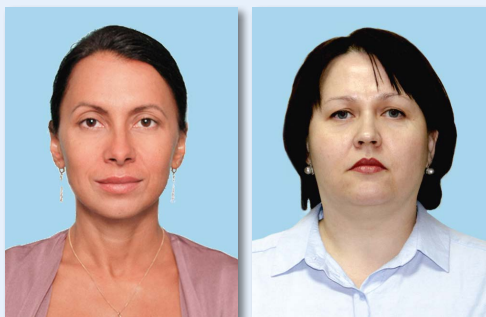
Keywords: Komsomolskaya-Koltsevaya, Shchusev, architecture, metro, Russian style

REFERENCES

1. Sokolov N.B. A.V. Shchusev. M.: Gosudarstvennoe izd-vo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture, 1952. S. 68–71, 208–224 (in Russian).
2. Bachinskii N.M., Grabar' I.E., Afanas'ev K.N. Proizvedeniya akademika A.V. Shchuseva, udostoennye stalinskoi premii. M.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1954. S. 81–95 (in Russian).
3. Druzhinina-Georgievskaya E.V., Kornfel'd Ya.A. Zodchii A.V. Shchusev. M.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1955. S. 105–113 (in Russian).
4. Afanas'ev K.N. A.V. Shchusev. M.: Stroizdat, 1978. S. 176–177 (in Russian).
5. Iodlovich S. (red.). Moskovskii metropoliten. M.: IZOGIZ, 1953 (in Russian).
6. Kavtaradze S.Yu., Chepkunova I.V. K 70-letiyu Moskovskogo metropolitena. // «World Art Muzei». M.: A. Meshcheryakov, 2005 (in Russian).
7. Chepkunova I.V., Kostyuk M.A., Zheludkova E.Yu. Moskovskoe metro: Podzemnyi pamyatnik arkhitektury. M.: Kuchkovo pole, 2016 (in Russian).
8. Kuznetsov S., Kagarov E., Zmeul A. Skrytyi urbanizm. Arkhitektura i dizain Moskovskogo metro. 1935–2015. M.: Dom, 2016 (in Russian).
9. Kostina O.V. Arkhitektura Moskovskogo metro. 1935–1980-e gody. M.: BuksMArt, 2019 (in Russian).
10. Sytin P.V. Otkuda poshli nazvaniya ulits Moskvy. M.: Moskovskii rabochii, 1959. S. 154 (in Russian).
11. Evstratova M.V., Koluzakov S.V. Kalanchyovskii puteprovod v Moskve. Arkhitektor Aleksei Shchusev. M.: Kuchkovo pole, 2020 (in Russian).
12. Koluzakov S.V. Kazanskii vokzal A.V. Shchuseva. Nevoploshchyonnyi zamysel «Mira iskusstva» // Tret'yakovskaya galereya. 2017. № 2 (55). Prilozhenie (in Russian).
13. Zheludkova E.Yu. Predystoriya stroitel'stva Moskovskogo metropolitena: dorevolyutsionnye proekty i diskussii 1920-kh godov // Moskovskoe metro: Podzemnyi pamyatnik arkhitektury. M.: Kuchkovo pole, 2016 S. 14–19 (in Russian).
14. Evstratova M.V., Koluzakov S.V. Aleksei Shchusev i Tret'yakovskaya galereya // Russkoe iskustvo. 2021. № 4. S. 14–21 (in Russian).
15. Evstratova M.V. Alisa Zabolotnaya. Soavtor Shchuseva. Biograficheskii ocherk // Moskovskoe nasledie. 2020. № 6 (72). S. 104–115 (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Индекс УДК 159.96
Код ГРНТИ 15.01.11, 15.21.51, 15.81.21
DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-92-104

**И.В. ВАСИЛЬЕВА,
О.В. БУЛАТОВА***

Ресурсная субъектность студентов в разных образовательных моделях в период пандемии

Реформирование образования, переход от традиционной образовательной модели («образовательная труба») к модели «индивидуальные образовательные траектории» (ИОТ) воспринимается субъектами образовательного процесса достаточно напряжённо. Необходимость адаптироваться к новой образовательной модели в условиях пандемии COVID-19 является усугубляющим фактором для образовательного процесса и психологического состояния студентов. Специфика модели ИОТ состоит в том, что студенты находятся в постоянной субъектной, активной позиции относительно своего образовательного пути. Теоретическая значимость исследования состоит в выяснении факторов, усугубляющих переживание экстремальных социальных ситуаций или, напротив, способствующих успешному их преодолению. Практическая значимость состоит в необходимости оценить психологические риски образовательных новаций для студентов.

Цель исследования: сравнить параметры ресурсной субъектности студентов, обучающихся в условиях ИОТ и традиционной образовательной модели в период пандемии. Выборка: 714 студентов вузов Тюменского региона, обучающихся по традиционной модели (375) и по модели ИОТ (339). Методы сбора данных: опросник самоорганизации (Time Structure Questionnaire, M.J. Bond, N.T. Feather) в адаптации Е.Ю. Мандриковой; шкала базисных убеждений (World assumptions scale, R. Janoff-Bulman) в адаптации М.А. Падун, А.В. Котельниковой; опросник «Способы совладающего поведения» (The Ways of Coping Questionnaire, R.S. Folkman, S. Lazarus) в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой; шкалы психологического благополучия (The scales of psychological well-being C.D. Ryff) в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко; опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» Н.Е. Водопьяновой, М. Штейна. Математико-

* **Васильева Инна Витальевна** — доктор психологических наук, заведующая кафедрой общей и социальной психологии Тюменского государственного университета (ТюмГУ), «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, профессор кафедры философии, иностранных языков, гуманитарной подготовки сотрудников ОВД», руководитель проекта «Ресурсная субъектность студентов в вузах, реализующих инновационные образовательные технологии в условиях экстремальных социальных вызовов в Тюменском регионе» (20-413-720004 p_a_).

E-mail: i.v.vasileva@utmn.ru

Булатова Ольга Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии ТюмГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: o.v.bulatova@utmn.ru

статистические методы: попарное сравнение выборок проводилось методом ANOVA (Post Hoc сравнения критерий Шеффе). Ресурсная субъектность студентов, обучающихся в разных образовательных моделях, различается по используемым группам ресурсов. Студенты, обучающиеся по традиционной образовательной модели, чаще используют ресурсы планирования. Студенты, обучающиеся по ИОТ, чаще используют ресурсы самоподдержки/самопродвижения, ресурсы достижений и коррекции действий.

Ключевые слова: высшее образование, индивидуальные образовательные траектории, традиционная модель обучения, ресурсная субъектность, пандемия COVID-19

В период пандемии COVID-19 интенсивной проверке на прочность подверглись все системы социального жизнеобеспечения: образование, здравоохранение, безопасность. Принципиально важным является сохранение непрерывности функционирования этих систем. Маркером успешного функционирования системы образования, в частности подготовки студентов в вузах, является субъектность студентов по отношению к их психологическим ресурсам для осуществления образовательного процесса.

Инновации в системе высшего образования несут в себе как возможности, так и риски. Эти риски должны быть учтены в последующих трансформациях моделей образования. В данном исследовании показано, что и традиционная, и инновационная (ИОТ) модели имеют свои преимущества в виде психологических ресурсов для студентов, и эти преимущества не пересекаются. В дальнейшем предстоит оценить, какие из психологических ресурсов необходимо поддерживать и развивать.

В условиях пандемии, вызванной COVID-19, возникла необходимость поиска факторов ресурсной субъектности у студентов, так как исследователи отмечают у них нарастание стресса и истощение ресурсов [1, 2]. Ситуация пандемии вместе с критическим событием (болезнь и смерть родственника/друга из-за COVID-19) повышает уровень тревожности и снижает успеваемость студентов, восприятие академической самооэффективно-

сти, качество жизни [3, 4]. Вынужденная самоизоляция и переход на новые формы обучения (многочасовая работа в одиночестве с компьютером, ограничение контакта с педагогами и др.) ухудшают психическое состояние студентов [5]. Не только повышается тревожность, но и появляются подавленность, эмоциональные расстройства, снижающие продуктивность жизнедеятельности [6].

Исследователи единодушны в том, что современная социальная ситуация является экстремальной, так как требует от личности жизнестойкости, ответственности и солидарности [7]. При этом личностные ресурсы – восприятие собственных способностей (самоэффективность), копинг-стратегии, используемые субъектом при столкновении со стрессом, выступают в качестве ресурсов, смягчают негативные последствия стресса в академическом контексте и способствуют его преодолению [3, 8, 9]. Внедрение в высшее образование новых моделей образовательного процесса неизбежно отражается на студентах, является как минимум ещё одним источником академического стресса. Дистантный характер обучения в период пандемии требует от студентов субъектного отношения к своей академической деятельности для обеспечения её успешности [10, 11, 12].

Именно субъект в своей уникальной жизненной ситуации определяет, какими для него становятся изменения жизнедеятельности в связи с пандемией: ограни-

чения в контактах с большим социумом, ограничения на передвижения, обучение в онлайн-формате вместо традиционных занятий в вузе. Для кого-то эти условия станут возможностью снизить временные затраты на перемещения по городу, посвятить больше времени самообразованию и саморазвитию, сфокусироваться на чём-то действительно важном для себя. Для кого-то, напротив, ограничение контактов фрустрирует и снижает мотивацию к обучению, не даёт возможности получить полноценную обратную связь о выполняемой деятельности. Отношение к актуальной ситуации самого субъекта (в данном контексте – субъекта образовательной деятельности) формирует определённый круг его ресурсов. Так формируется поле ресурсной субъектности: самостоятельный выбор внутренних и внешних характеристик, наделяемых возможностью усилить субъекта в процессе решения им жизненных задач.

Индивидуальные образовательные траектории (ИОТ) как инновационная модель образовательного процесса были внедрены в Тюменском государственном университете впервые в 2018 г., и уже состоялись первые выпуски студентов бакалавриата, прошедших обучение по этой образовательной модели. Основная цель ИОТ – научить самостоятельно, т.е. субъектно выстраивать траекторию своего обучения и накопления квалификации в интересующей области, что особенно ценно на рынке труда [13–16].

Показано, что ИОТ, применяемые в вузах, поддерживают академическую вовлечённость, дают возможность студенту быть субъектным в отношении выбора предпочитаемого вида профессиональной деятельности, повышают мотивацию и личностное самоопределение [17]. В условиях непрерывного образования (образования в течение жизни) введение новых образовательных технологий важно для обеспечения личностного и профессионального развития, а, следовательно, и устойчивого благополучия людей [18].

Однако пока остаётся невыясненным вопрос: как изменение образовательной модели отражается на психологических ресурсах обучающихся? Насколько «дорогой ценой» для психики студента даётся обучение, например, по индивидуальным образовательным траекториям?

Психологические ресурсы субъекта деятельности – это конструкты психологической регуляции разных уровней организации человека [19, с. 51]. Ресурсообеспечение на разных уровнях психологической регуляции осуществляется структурно-уровневым конгломератом (ресурсной базой), доступным субъекту и привлекаемым им для решения значимых текущих задач и достижения стратегических целей деятельности [19, с. 51]. Эта ресурсная база включает мотивационно-побуждающие, рефлексивно-чувственные ресурсы, ресурсы планирования, самоподдержки, реализации и преодоления, достижения и коррекции действий. Ресурсы обеспечивают адаптированность и успешную жизнедеятельность человека в сложных условиях. М.И. Илюшина отмечает, что в данном контексте особую роль играет субъектность, которая проявляется в эффективном использовании ресурсов личности. Таким образом формируется ресурсная субъектность – «способность личности к накоплению, осознанию, своевременному и результативному использованию ресурсов в решении поставленных задач, в процессе осуществления деятельности и жизнедеятельности, реализации смысла жизни, преодоления трудных жизненных ситуаций, самоорганизации и саморазвитии личности...» [20, с. 144].

В связи с этим перспективна теория самодетерминации в обучении [21], которая позволяет развивать у обучающихся автономность, влияет на вовлечённость в процесс обучения, закономерно способствует академической успешности и благополучию студентов в целом, т.е. обеспечивает как внешние, так и внутренние ресурсы. Было показано, что студенты, испытыва-

ющие более сильный внешний контроль со стороны преподавателей и системы вуза в целом, снижают инициативность и испытывают трудности в решении творческих задач [21]. В то время как студенты, реализующие автономность, субъектность, развивают свои личностные ресурсы в части самоэффективности, жизнестойкости [22; 23]. Исследователи отмечают важность использования стратегий управления внешними и внутренними академическими ресурсами. К внутренним ресурсам относятся самоорганизация для достижения академических результатов, поддержание собственной мотивации; к внешним — возможность обратиться за помощью к сокурсникам, преподавателям; правильно расставить приоритеты в распределении усилий.

В. Lloyd-Jones [24] указывает на то, что на преподавателей вузов в период пандемии легла дополнительная нагрузка — не только давать студентам предметные знания, но и обеспечивать эмоциональный и социальный контакт в условиях ограниченной коммуникации. S. Luthar [25] исследовал роль семейной поддержки в первые месяцы пандемии COVID-19 и продемонстрировал, что совладание с общей и академической тревогой у студентов колледжей проходит гораздо эффективнее при условии уверенности в том, что собственной семье ничто не угрожает. S. Taylor [26] показала преимущественно продуктивную роль социальных связей и социальной поддержки в сложных жизненных ситуациях. Наличие и использование стратегий управления ресурсами связано с академической успеваемостью [11, 27].

Исследователи описывают процедуры актуализации ресурсной субъектности [20], обращая внимание на возрастную специфику. Представители студенчества больше фокусируются на таких ресурсах, которых у них в настоящее время нет, но ожидается, что они будут, преимущественно это ресурсы коммуникативные. При этом внешние, средовые ресурсы не входят в зону внимания —

не воспринимаются субъектом в качестве значимых ресурсов. С одной стороны, такая картина ресурсной субъектности ожидаема вследствие возрастных особенностей студентов. С другой — актуальное переживание экстремальных социальных ситуаций требует от сообщества привлечения максимального количества доступных ресурсов для обеспечения психологического благополучия как в настоящем, так и в будущем.

Представительное исследование российских специалистов по распространённости в период пандемии тревожных расстройств показало, что молодёжь является одной из самых уязвимых групп с точки зрения необходимости оказания комплексной психологической, медицинской и информационной помощи, реализуемой через онлайн-консультации, просвещение относительно мер профилактики заболевания новой коронавирусной инфекцией и совладания с социальными трудностями пандемийного периода [28–31].

Цель нашей работы — на основе эмпирических данных сравнить параметры ресурсной субъектности студентов, обучающихся в условиях ИОТ и традиционной образовательной модели в период пандемии как экстремальной социальной ситуации.

Методы

Участники исследования. В исследовании приняли участие 714 студентов психолого-педагогических направлений подготовки вузов Тюменского региона: ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (участников, обучающихся по ИОТ, — 339 и по традиционной образовательной технологии — 14), ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» (89), БУ ВО Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет» (272). В группе студентов, обучающихся по ИОТ, 30 юношей и 309 девушек. В группе студентов, обучающихся по традиционной образовательной технологии,

29 юношей и 374 девушки. Сбор данных проводился посредством google-forms, где в самом начале предусмотрена часть, информирующая испытуемых о сути проводимого исследования. Участие в исследовании добровольное и анонимное. Продолжение работы с формами означало согласие на участие в исследовании.

Методы обработки данных: попарное сравнение выборок проводилось методом ANOVA (Post Hoc сравнения критерием Шеффе).

Методы сбора данных. Исследование по своей структуре ориентировано на выявление компонентов ресурсной субъектности по модели Н.Е. Водопьяновой [5]. Эта модель предполагает наличие мотивационно-побуждающих, рефлексивно-чувственных ресурсов, ресурсов планирования, самоподдержки/самопродвижения, реализации и преодоления, достижений и коррекции действий. В данной работе мы сосредоточили внимание на ресурсах планирования, самоподдержки/самопродвижения, реализации и преодоления, достижений и коррекции действий, потому что сочли их более близкими к деятельностному компоненту академической среды вузов. Студенты не просто живут в период обучения в вузе, они выполняют ряд задач, направленных на приобретение профессиональных компетенций. Поэтому в результатах исследования мы будем обсуждать показатели этих ресурсов.

Ресурсы планирования оценивались показателями опросника самоорганизации (Time Structure Questionnaire, M.J. Bond, N.T. Feather) в адаптации Е.Ю. Мандриковой. Ресурсы самоподдержки/самопродвижения оценивались показателями шкалы базисных убеждений (World assumptions scale, R. Janoff-Bulman) в адаптации М.А. Падун, А.В. Котельниковой. Ресурсы реализации и преодоления оценивались показателями опросника «Способы совладающего поведения» (The Ways of Coping Questionnaire, R.S. Folkman, S. Lazarus) в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышля-

евой. Ресурсы достижений и коррекции действий оценивались показателями шкал психологического благополучия (The scales of psychological well-being C.D. Ryff) в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко. Методика опросника «Потери и приобретения персональных ресурсов» Н.Е. Водопьяновой, М. Штейна включена в исследование как инструмент оценки индексов ресурсности.

Результаты

Вся выборка участников исследования была разделена на две группы: студенты, обучающиеся по образовательной модели ИОТ (339 человек), и студенты, обучающиеся по традиционной образовательной модели (375 человек). На момент проведения исследования по технологии ИОТ из вузов тюменского региона работал только Тюменский государственный университет. В остальных вузах тюменского региона реализуется только традиционная образовательная модель («образовательная труба»). Для выяснения различий в параметрах ресурсной субъектности сравнивались эти две выборки студентов. Исследование проходило в январе–феврале 2021 г., в период пандемии COVID-19.

Общее сравнение групп студентов, обучающихся по ИОТ и по традиционной образовательной технологии по параметрам ресурсной субъектности методом ANOVA показало наличие значимых различий $F = 1,68$ при $p = 0,000$. Для того чтобы понять, какие именно показатели обеспечивают различие между группами, были проведены попарные сравнения.

Обсуждение результатов

Далее будут обсуждаться только значимые различия в показателях ресурсной субъектности для студентов психолого-педагогических направлений, обучающихся по традиционной образовательной модели («образовательная труба»), и студентов, обучающихся по модели ИОТ (табл.). Среди всех групп ресурсов наиболее различающимися оказались ресурсы планирования.

Таблица

Сравнение групп студентов, обучающихся по индивидуальным образовательным траекториям и по традиционной образовательной технологии по параметрам ресурсной субъектности

Сравниваемые параметры ресурсной субъектности	Технологии обучения	Среднее по выборке	Стандартное отклонение по выборке	p – уровень значимости
Целеустремлённость (Опросник самоорганизации деятельности)	ИОТ	32,732	6,75	0,021
	традиционная	33,805	5,68	
Настойчивость (Опросник самоорганизации деятельности)	ИОТ	20,788	6,32	0,012
	традиционная	21,923	5,79	
Фиксация (Опросник самоорганизации деятельности)	ИОТ	21,044	5,08	0,011
	традиционная	21,987	4,81	
Удача (Шкала базисных убеждений)	ИОТ	33,003	6,06	0,000
	традиционная	31,429	6,32	
Личностный рост (Шкалы психологического благополучия)	ИОТ	62,351	9,03	0,029
	традиционная	60,920	8,46	
Ощущение, что я успешен, – приобретение ресурса (Потери и приобретения персональных ресурсов)	ИОТ	2,584	1,16	0,042
	традиционная	2,757	1,12	
Мои сбережения, вклады – приобретение ресурса (Потери и приобретения персональных ресурсов)	ИОТ	2,731	1,23	0,012
	традиционная	2,957	1,18	
Поддержка от коллег – приобретение ресурса (Потери и приобретения персональных ресурсов)	ИОТ	2,312	1,09	0,035
	традиционная	2,488	1,13	
Стабильный доход, достаточный для достойной жизни, – приобретение ресурса (Потери и приобретения персональных ресурсов)	ИОТ	2,952	1,22	0,008
	традиционная	2,189	1,17	
Принадлежность к организациям, в которых есть люди со сходными интересами (церковь, клубы, спортивные организации), – приобретение ресурса (Потери и приобретения персональных ресурсов)	ИОТ	2,271	1,19	0,015
	традиционная	2,490	1,21	

* В таблице приведены только показатели со статистически значимыми различиями между исследуемыми группами.

Необходимо отметить, что по всем показателям ресурсов планирования, студенты, обучающиеся по традиционной модели, демонстрируют более высокие результаты. Полагаем, что это связано с тем, что образовательный маршрут этих студентов предопределён в момент их поступления

в вуз и остаётся неизменным на протяжении всего периода обучения. Это даёт возможность долгосрочного планирования с опорой на внешние критерии. Студент может изменить траекторию получения профессиональных компетенций только радикально: отчислившись с одного на-

правления и поступив на другое. Тогда как у студентов психолого-педагогических направлений, обучающихся по модели ИОТ, гораздо больше возможностей разнообразить набор приобретаемых компетенций за счёт выбора элективных дисциплин и возможности смены направления обучения в течение первого года обучения без потери времени. Однако за эти возможности студенты, обучающиеся по модели ИОТ, «платят» снижением ресурсов планирования: показателей целеустремленности, настойчивости, фиксации.

Ресурсы самоподдержки/самопродвижения представлены базисным убеждением в собственной удачливости. Здесь, ожидаемо, студенты, обучающиеся по модели ИОТ, чувствуют себя более удачливыми, нежели студенты, обучающиеся по традиционной модели. Мы полагаем, что так происходит потому, что они прикладывают гораздо больше самостоятельной активности для формирования своего образовательного пути, и, соответственно, могут оценивать эти усилия как удачливые или нет: повезло ли с преподавателем электива, с возможностью записаться на заинтересовавший курс, собраться в команду интересных студентов для выполнения совместного проекта на элективе и т.д.

Ресурсы реализации и преодоления, представленные копингами, в равной мере используются студентами, обучающимися и по модели ИОТ, и по традиционной образовательной модели.

Ресурсы достижений и коррекции действий представлены показателем психологического благополучия – личностным ростом. Более выражен этот показатель у студентов, обучающихся по модели ИОТ. Эти студенты воспринимают себя как непрерывно развивающихся, все те компетенции, которые они формируют, ориентированы на субъективную полезность.

Показатели ресурсности в период пандемии COVID-19 (потери и приобретения) оцениваются студентами, обучающимися

по ИОТ и по традиционной модели, неодинаково. Приобретение таких ресурсов, как субъективное ощущение успешности, финансовые сбережения, поддержка коллег, принадлежность к организациям, в которых есть люди со сходными интересами (церковь, клубы, спортивные организации), характерно для студентов, обучающихся по традиционной образовательной модели. Напротив, уверенность в приобретении ресурса в виде стабильного дохода, достаточного для достойной жизни, характерна больше для студентов, обучающихся по модели ИОТ.

Выводы

Обучение по традиционной образовательной модели «образовательная труба» даёт возможность студентам привлекать ресурсы планирования как параметры ресурсной субъектности лучше, чем студентам, обучающимся по образовательной модели ИОТ. Полагаем, что это связано с более высоким уровнем неопределённости образовательного процесса, к которой студенты, возможно, полноценно ещё не готовы.

Студенты, обучающиеся по образовательной модели ИОТ, более выразительно обращаются к следующим параметрам ресурсной субъектности: базовому убеждению о собственной удачливости (группа ресурсов самоподдержки/самопродвижения), личностному росту как параметру психологического благополучия (группа ресурсов достижений и коррекции действий).

В целом можно говорить о том, что студенты, обучающиеся по модели ИОТ, больше, чем студенты, обучающиеся по традиционной образовательной модели, уверены в возможности влиять на свой образовательный путь и его результаты (в том числе выраженные финансово), но вынуждены постоянно находиться в состоянии готовности изменить свои планы или не использовать долгосрочное планирование. Полагаем, что это требует от вуза дополнительного тьюторского сопровождения студентов [32], обучающихся по модели ИОТ, для повышения качества

планирования образовательного процесса и жизнедеятельности в целом.

Ограничения

В исследовании участвовали студенты психолого-педагогических направлений

вузов Тюменской области в период пандемии COVID-19. Возможно, региональные особенности и эпидемиологическая ситуация ограничивают экстраполяцию полученных результатов на всё студенческое сообщество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aslan I., Ochnik D., Cinar O. Exploring Perceived Stress among Students in Turkey during the COVID-19 Pandemic // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol. 17 (23). № 8961. <https://doi.org/10.3390/ijerph17238961>.
2. Tang W.J. et al. Prevalence and correlates of PTSD and depressive symptoms one month after the outbreak of the COVID-19 epidemic in a sample of home-quarantined Chinese university students / W.J. Tang, T. Hu, B.D. Hu, C.H. Jin, G. Wang, C. Xie, S. Chen, J.P. Xu // Journal of affective disorders. 2020. Pp. 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.05.009>.
3. Alemany-Arrebola I. et al. Influence of COVID-19 on the Perception of Academic Self-Efficacy, State Anxiety, and Trait Anxiety in College Students / I. Alemany-Arrebola, G. Rojas-Ruiz, J. Granda-Vera, A.C. Mingorance-Estrada // Frontiers in psychology. 2020. Vol. 11. Article № 570017. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.570017>.
4. Navarro-Mateu D. et al. I'm Not Good for Anything and That's Why I'm Stressed: Analysis of the Effect of Self-Efficacy and Emotional Intelligence on Student Stress Using SEM and QCA / D. Navarro-Mateu, L. Alonso-Larza, M.T. Gomez-Dominguez, V. Prado-Gasco, S. Valero-Moreno // Frontiers in psychology. 2020. Vol. 11. № 295. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00295>.
5. Водопьянова Н.Е. и др. Анализ трудностей дистанционного обучения студентов и поиск путей совладания с ними / Н.Е. Водопьянова, О.О. Гофман, А.Н. Густелева, Д.В. Сережин // Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации: Материалы международной научно-практической онлайн-конференции. М.: Знание-М. 2020. С. 419–434.
6. Шостка В.И. Дистанционное обучение студентов и проблемы прокрастинации в условиях самоизоляции / В.И. Шостка, В.В. Буряк, А.А. Зозуля, Т.Ю. Чудинова // Гуманитарный трактат. 2020. № 88. С. 19–26.
7. Асмолов А.Г. и др. Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии: Материалы обсуждения / А.Г. Асмолов, В.А. Иванников, М.Ш. Магомед-Эминов, А.А. Гусейнов, А.И. Донцов, Б.С. Братусь // Человек. 2020. Т. 31. № 4. С. 7–40.
8. Oducado R.M.F., Parreno-Lachica G.M., Rabacal J.S. Personal resilience and its influence on COVID-19 stress, anxiety and fear among graduate students in the Philippines // Ijери-international journal of educational research and innovation. 2021. Vol. 15. Pp. 431–443. <https://doi.org/10.46661/ijeri.5484>.
9. Васильева И.В., Дерягина Л.Е., Чуманов Ю.В. Психосемантическое исследование представлений студентов о дистанционном образовании в период пандемии Covid-19 // Экология человека. 2020. № 12. С. 45–51. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2020-12-45-51>.
10. Rahiem M.D.H. Remaining motivated despite the limitations: University students' learning propensity during the COVID-19 pandemic // Children and youth services review. 2021. 105802. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105802>.
11. Rivers D.J., Nakamura M., Vallance M. Online Self-Regulated Learning and Achievement in the Era of Change // Journal of educational computing research. 2021. — 07356331211025108. <https://doi.org/10.1177/07356331211025108>.
12. Васильева И.В., Чумаков М.В., Чумакова Д.М., Булатова О.В. Субъективное благополучие студентов психолого-педагогических направлений в период эпидемии COVID-19 // Образование и наука. 2021. № 23 (10). С. 129–154. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-10-129-154>.

13. Crespi P., Garcia-Ramos J.M. Generic skills at university evaluation of a training program // *Educacion XX1*. 2021. Vol. 11. Pp. 297–327. <https://doi.org/10.5944/educXX1.26846>.
14. Crebert G. et al. Developing generic skills at university, during work placement and in employment: graduates' perceptions / G. Crebert, M. Bates, B. Bell, C.J. Patrick, V. Cragnolini // *Higher Education Research & Development*. 2004. Vol. 23 (2). Pp. 147–165. <https://doi.org/10.1080/0729436042000206636>.
15. Jackson D. Employability skill development in work-integrated learning: Barriers and best practice // *Studies in higher education*. 2015. Pp. 350–367. <https://doi.org/10.1080/03075079.2013.842221>.
16. Yao C.W., Tuliao M.D. Soft skill development for employability. A case study of stem graduate students at a Vietnamese transnational university // *Higher education skills and work-based learning*. 2019. Pp. 250–263. <https://doi.org/10.1108/HESWBL-03-2018-0027>.
17. Васильева И.В., Чумаков М.В. Индивидуальные образовательные технологии в подготовке студентов психологов // *Science for Education Today*. 2020. Т. 10. № 4. С. 61–74.
18. Van der Kleij F.M., Adie L.E., Cumming J.J. A meta-review of the student role in feedback // *International Journal of Educational Research*. 2019. Vol. 98. Pp. 303–323. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2019.09.005>.
19. Водопьянова Н.Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности // *Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика*. 2015. № 1. С. 45–54.
20. Илюшина М.И., Краснощеченко И.П. Концептуализация представлений о ресурсной субъектности // *Прикладная юридическая психология*. 2017. № 1 (38). С. 138–146.
21. Guay F., Ratelle C.F., Chanal J. Optimal Learning in Optimal Contexts: The Role of Self-Determination in Education // *Canadian psychology-psychologie canadienne*. 2008. № 3. Pp. 233–240. <https://doi.org/10.1037/a0012758>.
22. Martinek D. et al. How Can Students Feel More Vital Amidst Severe Restrictions? Psychological Needs Satisfaction, Motivational Regulation and Vitality of Students during the Coronavirus Pandemic Restrictions / D. Martinek, M. Carmignola, F.H. Muller, S. Bieg, A. Thomas, A. Eckes, N. Grossmann, A.K. Dittrich, M. Wilde // *European journal of investigation in health psychology and education*. 2021. № 2. Pp. 405–422. <https://doi.org/10.3390/ejihpe11020030>.
23. Цзыхань Л., Сяо Ган В. Психологические факторы посттравматического стресса, вызванного пандемией Covid-19 // *Психологический журнал*. 2021. Т. 42. № 1. С. 102–110. <https://doi.org/10.31857/S020595920013340-0>.
24. Lloyd-Jones B. Developing Competencies for Emotional, Instrumental, and Informational Student Support During the COVID-19 Pandemic: A Human Relations/Human Resource Development Approach // *Advances in Developing Human Resources*. 2021. Vol. 23 (1). Pp. 41–54. <https://doi.org/10.1177/1523422320973287>.
25. Luthar S., Ebbert A., & Kumar N. Risk and resilience during COVID-19: A new study in the Zigler paradigm of developmental science // *Development and Psychopathology*. 2021. Vol. 33 (2). Pp. 565–580. <https://doi.org/10.1017/S0954579420001388>.
26. Taylor S. How are Social Ties Protective? // *The Spanish Journal of Psychology*. 2020. № 23. E41. <https://doi.org/10.1017/SJP.2020.35>.
27. Brousseau J., Stefaniak J., Bol L. An examination of personality traits as a predictor of the use of self-regulated learning strategies and considerations for online instruction // *Etr&D-educational technology research and development*. 2020. Vol. 68. Pp. 2659–2683. <https://doi.org/10.1007/s11423-020-09797-y>.
28. Сорокин М.Ю. и др. Структура тревожных переживаний, ассоциированных с распространением Covid-19: данные онлайн-опроса / М.Ю. Сорокин, Е.Д. Касьянов, Г.В. Рукавишников, О.В. Макаревич, Н.Г. Незнанов, Н.Б. Лутова, Г.Э. Мазо // *Вестник РГМУ*. 2020. № 3. С. 77–84.
29. Постол О.Л., Панкратова О.Н. Использование оздоровительных гимнастик востока на занятиях по физическому воспитанию для улучшения психического состояния студентов в период пандемии // *Учёные записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2021. № 6 (196). С. 247–251. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.6.p247-251>.

30. Гут Ю.Н., Ткаченко Н.С., Доронина Н.Н., Ланских М.В., Худаева М.Ю., Овсяникова Е.А. Динамика влияния самоизоляции на эмоциональное состояние студентов и преподавателей вуза // Перспективы науки и образования. 2021. № 2 (50). С. 340–352. <https://pnojurnal.wordpress.com/archive21/21-02>.
31. Зимина С.Н., Хафизова А.А., Юдина А.М., Синева И.М. Динамика уровня тревожности московских студентов во время учебного процесса на фоне пандемии Covid-19 // Перспективы науки и образования. 2021. № 2 (50). С. 325–339. <https://pnojurnal.wordpress.com/archive21/21-02/>
32. Володина К.А., Рагулина А.А., Русяева И.А. Психологическое состояние студентов в условиях дистанционного обучения в период пандемии Covid-19 // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2022. № 1 (36). С. 59–72. <https://doi.org/10.23888/humJ202210159-72>.

Student Self-Determination in Using Resources in Different Educational Models during the Pandemic

Inna Vitalyevna Vasilyeva – Doctor of Psychology; Head of the Department of General and Social Psychology, Tyumen State University, Federal State Institution of Additional Professional Education "Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Police Officers, Professor; Head of the project "Student Self-Determination in Using Resources at Universities with Innovative Learning Technologies amidst Extreme Social Challenges in Tyumen Region" (20-413-720004 r_a).

E-mail: i.v.vasileva@utmn.ru

Olga Vladimirovna Bulatova – PhD. in Psychology; Associate Professor; Department of General and Social Psychology, Tyumen State University; co-researcher in the same project.

E-mail: o.v.bulatova@utmn.ru

Reforming education, the transition from the traditional educational model («educational tube») to «individual educational trajectories» (IET) is perceived by the participants of the educational process quite tensely. The need to adapt to a new educational model amidst COVID-19 pandemic is an aggravating factor for the educational process and mental wellbeing of students. The specific nature of the IET model is that students are in a constant self-determined, active position regarding their educational path. It is necessary to assess the psychological risks of educational innovations for students.

The purpose of the study: to compare the parameters of resource self-determination of students in the IET and the traditional educational model during the pandemic. Sample: 1687 university students from Tyumen region studying according to the traditional model (1325) and according to the IET model (362). Data collection methods: self-organization questionnaire (Time Structure Questionnaire, M.J. Bond, N.T. Feather) adapted by E.Yu. Mandrikova; the scale of basic beliefs (World assumptions scale, R. Janoff-Bulman) adapted by M.A. Paduna, A.V. Kotelnikova; The Ways of Coping Questionnaire, R.S. Folkman, S. Lazarus, adapted by T.L. Kryukova, E.V. Kuftyak, M.S. Zamyshlyayeva; scales of psychological well-being (The scales of psychological well-being C.D. Ryff) adapted by T.D. Shevelenkova, P.P. Fesenko; questionnaire «Losses and acquisitions of personal resources» N.E. Vodopyanova, M. Stein. Mathematical and statistical methods: pairwise comparison of samples was carried out using the ANOVA method (Post Hoc comparison Scheffe Test). Students' resource self-determination in different educational models differs according to the groups of used resources. Students in a traditional educational model use planning resources more often. Students studying in a IET model are more active users of self-support/self-promotion, resources of achievements and correction of actions.

Keywords: higher education, individual educational trajectories, traditional learning model, self-determination in using resources, COVID-19 pandemic

REFERENCES

1. Aslan I., Ochnik D., Cinar O. Exploring Perceived Stress among Students in Turkey during the COVID-19 Pandemic // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol. 17 (23). № 8961. <https://doi.org/10.3390/ijerph17238961>.
2. Tang W.J. et al. Prevalence and correlates of PTSD and depressive symptoms one month after the outbreak of the COVID-19 epidemic in a sample of home-quarantined Chinese university students / W.J. Tang, T. Hu, B.D. Hu, C.H. Jin, G. Wang, C. Xie, S. Chen, J.P. Xu // Journal of affective disorders. 2020. Pp. 1–7. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.05.009>.
3. Alemany-Arrebola I. et al. Influence of COVID-19 on the Perception of Academic Self-Efficacy, State Anxiety, and Trait Anxiety in College Students / I. Alemany-Arrebola, G. Rojas-Ruiz, J. Granda-Vera, A.C. Mingorance-Estrada // Frontiers in psychology. 2020. Vol. 11. Article № 570017. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.570017>.
4. Navarro-Mateu D. et al. I'm Not Good for Anything and That's Why I'm Stressed: Analysis of the Effect of Self-Efficacy and Emotional Intelligence on Student Stress Using SEM and QCA / D. Navarro-Mateu, L. Alonso-Larza, M.T. Gomez-Dominguez, V. Prado-Gasco, S. Valero-Moreno // Frontiers in psychology. 2020. Vol. 11. № 295. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00295>.
5. Vodop'yanova N.E. i dr. Analiz trudnostei distantsionnogo obucheniya studentov i poisk putei sovladaniya s nimi / N.E. Vodop'yanova, O.O. Gofman, A.N. Gusteleva, D.V. Serezhin // Lichnostnye i regulyatornye resursy dostizheniya obrazovatel'nykh i professional'nykh tselei v epokhu tsifrovizatsii: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii. M.: Znanie-M. 2020. S. 419–434 (in Russian).
6. Shostka V.I. Distantsionnoe obuchenie studentov i problemy prokrastinatsii v usloviyakh samoizolyatsii / V.I. Shostka, V.V. Buryak, A.A. Zozulya, T.Yu. Chudinova // Gumanitarnyi traktat. 2020. № 88. S. 19–26 (in Russian).
7. Asmolov A.G. i dr. Kul'turno-deyatel'nostnaya psikhologiya v ekstremal'noi situatsii: vyzov pandemii: Materialy obsuzhdeniya / A.G. Asmolov, V.A. Ivannikov, M.Sh. Magomed-Eminov, A.A. Guseinov, A.I. Dontsov, B.S. Bratus' // Chelovek. 2020. T. 31. № 4. S. 7–40 (in Russian).
8. Oducado R.M.F., Parreno-Lachica G.M., Rabacal J.S. Personal resilience and its influence on COVID-19 stress, anxiety and fear among graduate students in the Philippines // Ijeri-international journal of educational research and innovation. 2021. Vol. 15. Pp. 431–443. <https://doi.org/10.46661/ijeri.5484>.
9. Vasil'eva I.V., Deryagina L.E., Chumanov Yu.V. Psikhosemanticheskoe issledovanie predstavlenii studentov o distantsionnom obrazovanii v period pandemii Covid-19 // Ekologiya cheloveka. 2020. № 12. S. 45–51. <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2020-12-45-51> (in Russian).
10. Rahiem M.D.H. Remaining motivated despite the limitations: University students' learning propensity during the COVID-19 pandemic // Children and youth services review. 2021. 105802. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105802>.
11. Rivers D.J., Nakamura M., Vallance M. Online Self-Regulated Learning and Achievement in the Era of Change // Journal of educational computing research. 2021. – 07356331211025108. <https://doi.org/10.1177/07356331211025108>.
12. Vasil'eva I.V., Chumakov M.V., Chumakova D.M., Bulatova O.V. Sub"ektivnoe blagopoluchie studentov psikhologo-pedagogicheskikh napravlenii v period epidemii COVID-19 // Obrazovanie

- i nauka. 2021. № 23 (10). S. 129–154. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-10-129-154> (in Russian).
13. Crespi P., Garcia-Ramos J.M. Generic skills at university evaluation of a training program // *Educacion XX1*. 2021. Vol. 11. Pp. 297–327. <https://doi.org/10.5944/educXX1.26846>.
 14. Crebert G. et al. Developing generic skills at university, during work placement and in employment: graduates' perceptions / G. Crebert, M. Bates, B. Bell, C.J. Patrick, V. Cragnolini // *Higher Education Research & Development*. 2004. Vol. 23 (2). Pp. 147–165. <https://doi.org/10.1080/0729436042000206636>.
 15. Jackson D. Employability skill development in work-integrated learning: Barriers and best practice // *Studies in higher education*. 2015. Pp. 350–367. <https://doi.org/10.1080/03075079.2013.842221>.
 16. Yao C.W., Tulião M.D. Soft skill development for employability. A case study of stem graduate students at a Vietnamese transnational university // *Higher education skills and work-based learning*. 2019. Pp. 250–263. <https://doi.org/10.1108/HESWBL-03-2018-0027>.
 17. Vasil'eva I.V., Chumakov M.V. Individual'nye obrazovatel'nye tekhnologii v podgotovke studentov psikhologov // *Science for Education Today*. 2020. T. 10. № 4. S. 61–74 (in Russian).
 18. Van der Kleij F. M., Adie L.E., Cumming J.J. A meta-review of the student role in feedback // *International Journal of Educational Research*. 2019. Vol. 98. Pp. 303–323. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2019.09.005>.
 19. Vodop'yanova N.E. Sovremennye kontseptsii resursov sub"ekta professional'noi deyatel'nosti // *Vestnik SPbGU. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika*. 2015. № 1. S. 45–54 (in Russian).
 20. Ilyushina M.I., Krasnoshchechenko I.P. Kontseptualizatsiya predstavlenii o resursnoi sub"ektnosti // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 2017. № 1 (38). S. 138–146 (in Russian).
 21. Guay F., Ratelle C.F., Chanal J. Optimal Learning in Optimal Contexts: The Role of Self-Determination in Education // *Canadian psychology-psychologie canadienne*. 2008. № 3. Pp. 233–240. <https://doi.org/10.1037/a0012758>.
 22. Martinek D. et al. How Can Students Feel More Vital Amidst Severe Restrictions? Psychological Needs Satisfaction, Motivational Regulation and Vitality of Students during the Coronavirus Pandemic Restrictions / D. Martinek, M. Carmignola, F.H. Muller, S. Bieg, A. Thomas, A. Eckes, N. Grossmann, A.K. Dittrich, M. Wilde // *European journal of investigation in health psychology and education*. 2021. № 2. Pp. 405–422. <https://doi.org/10.3390/ejihpe11020030>.
 23. Tszykhan' L., Syao Gan V. Psikhologicheskie faktory posttravmaticheskogo stressa, vyzvanogo pandemiei Covid-19 // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021. T. 42. № 1. S. 102–110. <https://doi.org/10.31857/S020595920013340-0> (in Russian).
 24. Lloyd-Jones B. Developing Competencies for Emotional, Instrumental, and Informational Student Support During the COVID-19 Pandemic: A Human Relations/Human Resource Development Approach // *Advances in Developing Human Resources*. 2021. Vol. 23 (1). Pp. 41–54. <https://doi.org/10.1177/1523422320973287>.
 25. Luthar S., Ebbert A., & Kumar N. Risk and resilience during COVID-19: A new study in the Zigler paradigm of developmental science // *Development and Psychopathology*. 2021. Vol. 33 (2). Pp. 565–580. <https://doi.org/10.1017/S0954579420001388>.
 26. Taylor S. How are Social Ties Protective? // *The Spanish Journal of Psychology*. 2020. № 23. E41. <https://doi.org/10.1017/SJP.2020.35>.
 27. Brousseau J., Stefaniak J., Bol L. An examination of personality traits as a predictor of the use of self-regulated learning strategies and considerations for online instruction // *Etr&D-educational technology research and development*. 2020. Vol. 68. Pp. 2659–2683. <https://doi.org/10.1007/s11423-020-09797-y>.
 28. Sorokin M.Yu. i dr. Struktura trevozhnykh perezhivanii, assotsirovannykh s rasprostraneniem Covid-19: dannye onlain-oprosa / M.Yu. Sorokin, E.D. Kas'yanov, G.V. Rukavishnikov,

- O.V. Makarevich, N.G. Neznanov, N.B. Lutova, G.E. Mazo // Vestnik RGMU. 2020. № 3. S. 77–84 (in Russian).
29. Postol O.L., Pankratova O.N. Ispol'zovanie ozdorovitel'nykh gimnastik vostoka na zanyatiyakh po fizicheskomu vospitaniyu dlya uluchsheniya psikhicheskogo sostoyaniya studentov v period pandemii // Uchyonye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. 2021. № 6 (196). S. 247–251. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.6> (in Russian).
30. Gut Yu.N., Tkachenko N.S., Doronina N.N., Lanskih M.V., Khudaeva M.Yu., Ovsyanikova E.A. Dinamika vliyaniya samoizolyatsii na emotsional'noe sostoyanie studentov i преподаvatelei vuza // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2021. № 2 (50). S. 340–352. <https://pnojurnal.wordpress.com/archive21/21-02> (in Russian).
31. Zimina S.N., Khafizova A.A., Yudina A.M., Sineva I.M. Dinamika urovnya trevozhnosti moskovskikh studentov vo vremya uchebnogo protsessa na fone pandemii Covid-19 // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2021. № 2 (50). S. 325–339. <https://pnojurnal.wordpress.com/archive21/21-02/> (in Russian).
32. Volodina K.A., Ragulina A.A., Rusyaeva I.A. Psikhologicheskoe sostoyanie studentov v usloviyakh distantsionnogo obucheniya v period pandemii Covid-19 // Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie. 2022. № 1 (36). С. 59–72. <https://doi.org/10.23888/humJ202210159-72> (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Индекс УДК 39

Код ГРНТИ 03.61.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-105-117

Т.Б. СМИРНОВА*

Этнографические экспедиции к немцам России и Казахстана

Статья знакомит с результатами этнографических экспедиций к немцам, живущим в России и Казахстане. Целью проекта является сравнительная характеристика идентичности немцев, единого прежде народа, оказавшегося после распада СССР разделённым государственными границами. Экспедиции проводились в регионах Российской Федерации (Саратовская, Омская, Новосибирская области, Алтайский край) и Республики Казахстан (Астана, Алматы). С помощью полевых методов, таких как опросы и интервью, непосредственное и включённое наблюдение, были изучены типы этнической идентичности, этнические символы и ориентиры, представления немцев о своем народе, мнения о прошлом, настоящем и будущем своего народа, немецкая самоорганизация в новых независимых государствах, формы сохранения, музеефикации и презентации историко-культурного наследия немцев в России и Казахстане.

Ключевые слова: этническая идентичность, российские немцы, немцы Казахстана, этносоциологический опрос, самоорганизация, музей

Численность и расселение немцев

Изучение этнической идентичности, которое являлось целью проекта, предусматривает обязательное использование полевых методов (интервью, опросов, наблюдения). Эти методы применялись для проведения сравнительной характеристики идентичности немцев, живущих в разных республиках постсоветского пространства.

Численность немцев в мире составляет 86 млн чел., в Германии — 74,6 млн. Немецкая диаспора насчитывает около 11 млн чел. Наиболее многочисленные группы немцев живут в США (5,4 млн чел.), Канаде (1,2 млн), Бразилии (710 тыс.) и других странах Латинской Америки, в Австралии и Южной Африке, Намибии. Много немцев проживает в странах Европы за пределами Германии — в Бельгии, Дании, Франции, Италии,

* **Смирнова Татьяна Борисовна** — доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, руководитель проекта «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)» (20-09-00177).

E-mail: smirnovatb@omsu.ru

Ил. 1. Хор общины меннонитов деревни Аполлоновка. Конец XIX – начало XX в. Омская область. Фото передано в архив экспедиции

Польше, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии. До распада Советского Союза вторая по численности после США группа немцев проживала в нашей стране [1, с. 167].

На постсоветском пространстве самые большие группы немцев живут в Российской Федерации (более половины из них – в Сибири) и Республике Казахстан (в основном в Северном Казахстане). Такой характер расселения немцев сложился в результате депортации немецкого населения из Республики немцев Поволжья и других регионов в восточные районы страны, а также в результате запрета на возвращение вплоть до 1972 г. По данным последней советской переписи населения 1989 г., в СССР проживало 2,04 млн немцев, из них наибольшее количество проживало в Казахстане – 957,5 тыс. чел. (47%) и РСФСР – 842,3 тыс. чел. (41%). В регионах больше всего немцев проживало в Омской обла-

сти – 134,2 тыс. чел. и Алтайском крае – 127,7 тыс. чел. В результате массовой эмиграции в Германию численность немцев снизилась до 400 тыс. чел. в России, в Республике Казахстан – до 200 тыс. Самое большое количество немцев по-прежнему живёт в регионах Сибири, хотя эмиграция сильно повлияла на компактность и состав прежде моноэтнических немецких поселений [1, с. 170–175].

Характер расселения немцев обусловил выбор районов для проведения экспедиций (ил. 1). Полевые исследования проводились в Поволжье, Сибири и Республике Казахстан. Большое влияние на сроки и маршруты экспедиций накладывали внешние ограничения: закрытие границ, изоляция и отмена рейсов в связи с пандемией, а также начало СВО. Тем не менее, нам удалось провести зарубежные экспедиции в Казахстане: в Нур-Султане (Аста-

не) и Алматы. Ещё одним принципиально важным для исследования регионом стало Поволжье, где с 1918 до 1941 г. существовала немецкая автономная республика. Депортация немцев Поволжья и репрессии, осуществлённые против целого народа, оказали значительное влияние на формирование идентичности. Немцы остались единственным репрессированным народом СССР, чья территориальная автономия не была восстановлена. Экспедиции проходили в Саратовской области, в городах Маркс и Энгельс (ил. 2).

Для немцев характерна низкая степень урбанизации, большинство немцев живёт в сельских районах Сибири, потому что здесь размещались их депортированные предки, а также существуют очаги крестьянского переселения конца XIX в. времён столыпинской аграрной реформы. С учётом этого экспедиции были проведены в местах компактного расселения немцев в Омской области (Азовский немецкий национальный район: села Азово,

Александровка, Гауф, Звонарев Кут, Пахомовка, Привальное, Трубецкое, Цветнополе; Исилькульский район: село Аполлоновка; Называевский район: село Утичьё; Марьяновский район: р. пос. Марьяновка, п. Конезаводский; Москаленский район: р.п. Москаленки, с. Доброе Поле; Тарский район: с. Литковка; Нижнеомский район: с. Хортицы). В Новосибирской области экспедиция работала в с. Неудачино Татарского района. В Алтайском крае местом проведения работ стали Немецкий национальный район: сёла Гальбштадт, Гришковка, Камыши, Кусак, Протасово, Редкая Дубрава, Шумановка; Славгородский район: г. Славгород; Кулундинский район: с. Ананьевка. Для изучения идентичности городского немецкого населения мы выбрали города, в которых действуют Российско-Немецкие дома: Москва, Омск, Новосибирск, Томск, Барнаул, Екатеринбург, Калининград.

Основными методами экспедиционно-го исследования стали интервьюирование, наблюдение, этносоциологический

Ил. 2. Фрагмент немецкой экспозиции. Энгельсский краеведческий музей. 2021 г.

опрос, фото- и видеосъёмка. Были опрошены представители разных групп российских немцев (поволжские, украинские, сибирские немцы, меннониты), говорящие на разных диалектах немецкого языка. В числе информантов оказались люди разных поколений, что позволило проследить процессы формирования этнической идентичности на протяжении нескольких десятилетий.

Этносоциологические опросы

Одной из задач экспедиционных работ было проведение этносоциологического опроса. У немцев в России массовые этносоциологические опросы уже проводились нами в 1989, 1999 и 2009 гг. [2]. В 2020 г. при опросе использовался сходный инструментарий, чтобы можно было проследить изменения, которые произошли с этнической группой за прошедшие годы. Анкета содержала 73 вопроса. Применялась квотная выборка с выделением групп респондентов по регионам, полу, возрасту, городскому и сельскому населению. Выборочная совокупность составила 1000 чел., опрашивались только немцы, т.е. те люди, чья немецкая этническая идентичность выражена достаточно чётко. Примерно половина респондентов имела смешанное происхождение и разные варианты самоидентификации (просто «немцы», «русские немцы», «русские немцы», «сибирские» или «поволжские» немцы), но все они считали себя немцами.

Блок вопросов для выяснения преимущественных типов идентичности был посвящён этническим символам и ориентирам, представлениям российских немцев о своём народе, знанию его истории, мнениям о прошлом, настоящем и будущем своего народа. Так, респондентам предлагалось поставить на первое место либо этническую, либо гражданскую общероссийскую идентичность. Российские немцы — в первую очередь россияне, а уж затем немцы — так сказали 65,1% респондентов. В первую очередь немцы, а уж затем россияне — так думают 34,9%.

Далее выяснялись представления немцев об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках. Необходимо было понять, что объединяет российских немцев в единую этническую общность и что, по их мнению, отличает от других народов. Наиболее значимыми признаками оказались историческая судьба (54,7% респондентов сказали, что главным объединяющим признаком является именно общая история) и общая культура (55,3%). На третьем по значимости месте находится немецкий язык (48,1%).

Одним из главных факторов формирования и развития идентичности является статус этнической группы, причём не столько реальный статус, сколько восприятие, ощущение этого статуса самими членами этнической группы. Для выяснения этого задавался вопрос о том, как люди воспринимают свою принадлежность к немецкому народу. У большинства опрошенных (61,6%) принадлежность к немецкому народу вызывает чувство гордости. Негативные самооценки значительно уступают, но всё же присутствуют. Так, ощущение неуверенности национальная принадлежность вызывает у 3,2% респондентов, а чувство обиды — у 2,8%. У значительной части опрошенных (26,7%) их национальность не вызывает никаких особых чувств. Эти данные свидетельствуют о формировании нормальной, позитивной этнической идентичности у российских немцев.

Во время выполнения проекта мы несколько раз посещали Казахстан и работали в среде немцев Астаны и Алматы. Экспертные интервью были проведены с руководителями и работниками Центра науки и культуры, Фонда «Возрождение», сотрудниками образовательных учреждений, сотрудниками газеты «Deutsche Allgemeine Zeitung» (DAZ), казахстанскими учёными, занимающимися вопросами истории и этнографии немцев Казахстана. Именно в Алма-Ате в 1994 г. был открыт первый на постсоветском пространстве Немецкий дом. В 2021 г. в столице Респуб-

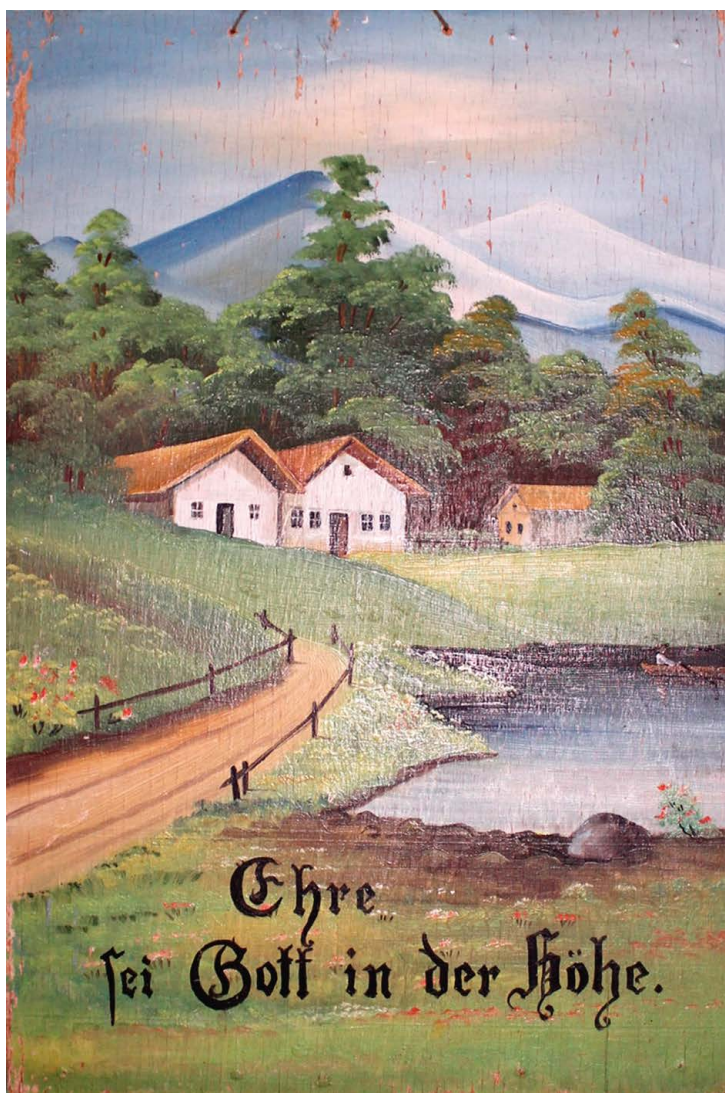
Ил. 3. Казахстанско-Немецкий центр. Астана. 2021 г.

лики открылся Казахстанско-Немецкий центр (ил. 3). 2021 год – это год 80-летия депортации немцев, поэтому в центре внимания участников экспедиций были историческая память о депортации, проекты, направленные на поддержание этой памяти, роль депортации в формировании и поддержании этнической идентичности.

Руководители немецких общественных организаций, узнав о готовящихся этносоциологических опросах в России, обратились с просьбой провести аналогичный опрос у немцев Казахстана. Полностью повторить там процедуру российского опроса оказалось невозможно из-за организационных ограничений. Казахстанская сторона предложила провести онлайн-опрос с использованием вопросов анкеты, которая применялась в российском исследовании. Онлайн опрос немцев Казахстана проводился с использованием Google-форм, вопросы в онлайн-анкете совпадали с вариантом анкеты для России, но их число было уменьшено до 33. Всего

в опросе приняли участие 511 немцев, более половины опрошенных являются членами общественных организаций немцев Казахстана.

Конечно, разница в идентичности немцев России и немцев Казахстана есть. Например, 45,2% немцев Казахстана назвали республику своей Родиной. 24,9% считают Родиной свой город или своё село. 19,6% считают Родиной Германию. Для сравнения, в российском опросе Россию считают своей Родиной намного больше респондентов – 64,4%, свой город или своё село – почти столько же – 27,3%, а вот Германию – намного меньше, чем в среде немцев Казахстана – всего 2,0%. На вопрос об эмиграции 65,0% немцев Казахстана сказали, что хотели бы эмигрировать, 23,7% допустили такую возможность, 6,5% не хотели бы уезжать, а 4,9% затруднились ответить. Если сравнивать с российским опросом, то в Казахстане эмиграционные настроения выражены гораздо сильнее. В России хотят эмигри-

Ил. 4. Шпрух. С. Неудачино Новосибирской области. 2020 г.

ровать 18,6% опрошенных, не исключают такую возможность 33,5%. Не хотят менять место жительства 35,9%, затруднились ответить 12,0%.

Изучение традиционной культуры немцев Поволжья

Большое место в формировании этнической идентичности занимает народная культура, особенно её традиционные формы (ил. 4), которые воспринимаются как эталонные. Для немцев такой эталонной была довоенная культура. Время до начала Великой Отечественной войны в представлениях немцев рисуется стабильным и радостным, когда в Республике немцев Поволжья существовало всё, что было

нужно для народа: национальные школы, институты, музеи, театры, издательства, пресса. Последующие события (депортация, мобилизация в трудовую армию, режим спецпоселения) разрушили жизнь немцев, стали национальной катастрофой. В этих представлениях много мифов и субъективных чувств, поэтому нами была организована экспедиция в Поволжье с целью поиска источников для изучения факторов, которые повлияли на идентичность немцев.

В ходе экспедиционных работ, проведённых в Саратовской области (города Энгельс и Маркс), были собраны полевые материалы по этнической культуре и идентичности поволжских немцев. Основными методами работы являлись опрос и глубинное интервью с руководителями и работниками Центров немецкой культуры (ЦНК), главами религиозных общин.

При ЦНК функционируют различные творческие коллективы и ансамбли, вносящие вклад в дело сохранения языка и самобытной культуры немцев. Так, при Энгельсском ЦНК в настоящее время

работают три народных коллектива: «Veilchen», «Traum» и «Wolga-Heimat». В немецких центрах проводится активная языковая работа в форме лингвистических курсов для взрослых по программе «Hallo, Nachbar», языковых курсов для детей по программе «Planet», кружков для любителей немецкого языка. В целом популяризация немецкого языка является одним из приоритетных направлений деятельности ЦНК. Совместно с обществом немцев «Возрождение» центры реализуют различные культурные и социально значимые проекты, направленные на сохранение и укрепление этнической идентичности немецкого народа и его консолидацию: фестивали, конкурсы, выставки, лингви-

стические площадки, музыкальные и литературные конкурсы.

Несколько иная картина в сфере религии, играющей важную роль в формировании идентичности. О том, что религия теряет своё былое значение, говорят результаты интервью, проведённых с Яковом Рюбом — пастором Евангелическо-Лютеранской церкви Святой Троицы в Марксе и о. Боско Маршнером — настоятелем католического храма Христа Царя в Марксе. Немецкий язык перестал быть языком богослужения, им стал русский.

Мы изучили материалы фондов и экспозиций Энгельсского и Марксовского краеведческих музеев, каталоги коллекций немецких этнографических предметов и новые формы музейной работы по сохранению культурного наследия немцев Поволжья. Возникновение музеев связано с формированием Трудовой коммуны немцев Поволжья в 1918 г. Первый государственный музей открылся в Екатериненштадте в марте 1919 г. (с июля 1919 г. — Марксштадт), второй — в Покровске (с 1931 г. — Энгельс) в 1925 г. Фонды музеев содержат уникальные предметы быта и культуры, отражающие историю переселения немцев в Поволжье и основания немецких колоний, раскрывают особенности хозяйственной, социальной и культурной адаптации немецких колонистов к новым условиям жизни и играют большую роль в исторической памяти. К примеру, Энгельсский музей хранит уникальную коллекцию немецких народных песен, собранную Г. Штаубом в 1875 г., старинные самотканые холщовые костюмы, образцы пряничных досок из колонии Мариенталь, коллекцию старинных трубок, предметы быта, привезённые колонистами из Германии. Большой вклад в формирование фондов внёс первый директор музея — учёный-лингвист, этнограф, профессор Саратовского университета Георг Дингес (был репрессирован и погиб в 1932 г.). Его экспедиционный фотоархив (1921–1923 гг.) также был обработан в ходе экспедиционных работ.

Этническая идентичность и культура немцев в Сибири

Современное состояние идентичности и её основ — культуры и языка — изучалось во время экспедиций в Сибири, в местах компактного проживания немцев, в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях (ил. 5).

В Омской области крупной немецкой деревней является Аполлоновка (Waldheim), основанная в 1911 г. братскими меннонитами. Первым пресвитером общины был Исаак Тевс. Долгое время языком богослужения оставался немецкий. С приходом в общину представителей других национальностей изменился язык богослужения, им стал русский. Разговорным языком по-прежнему остаётся нижненемецкий (голландский) диалект «платтдойч» (Plattdeutsch). Наибольшую сохранность имеет обрядово-праздничная сфера. Из религиозных праздников отмечаются Рождество, Пасха, Троица и Вознесение. Все мероприятия, приуроченные к праздникам, проводятся в молитвенном доме. Особое внимание уделяется торжественному богослужению. В общине состоит около 200 чел. и есть четыре филиала, которые находятся в соседних сёлах Медвежье, Новорождественка, Утичьё и Константиновка, куда приезжает группа верующих из Аполлоновки на богослужение. Община имеет новый молитвенный дом, в котором есть комната матери и ребёнка, взрослый и детский хор, струнный и духовой оркестры. Для проведения обряда крещения был построен баптистерий. Во время экспедиции мы участвовали в церемонии Праздника урожая (Erntedankfest), который традиционно отмечается в течение трёх дней. Основная идея праздника — Благодарение Бога за урожай, собранный в этом году, и просьбы о будущем урожае. В этом году верующие также благодарили Бога за подключение деревни к газу. Община поддерживает тесные связи с другими баптистскими общинами региона, например с общинами сёл Солнцевка и Миролобовка Омской области, Неудачино Новосибирской области.

Ил. 5. Музыкальные инструменты. Фисгармония.

Коллекция Азовского районного историко-краеведческого музея. 2020 г.

Село Неудачино Татарского района Новосибирской области было основано меннонитами, которые прибыли в Сибирь с Украины в 1905 г. Сейчас в селе проживают 474 человека. Немецкое население составляет около трети, часть из них говорит на родном языке.

В селе действуют два молитвенных дома (менонитский и баптистский), дом культуры, центр немецкой культуры и два музея. В селе работает уникальный дом-музей Абрама Штеффена (ил. 6), который вёл ежедневные дневниковые записи, соста-

вил хронику истории села, записывал воспоминания очевидцев событий и собирал документы (ил. 7). Всю жизнь он увлекался фотографией и запечатлел многие события сельской жизни (свадьбы, похороны, общественные праздники и важные для села события, повседневные занятия сельчан и т.д.), собирал и реставрировал часы и технику. В селе действует ещё один музей при общеобразовательной школе. Оба музея играют важную роль в воспитании детей, проводя историко-краеведческую работу. Учителя немецкого языка и истории

отмечали в интервью, что выполнение учащимися работ по истории семей, населённых пунктов, этнографии – это действенный инструмент для пробуждения интереса к своим этническим корням, основа формирования этнической идентичности.

В Алтайском крае экспедиции проводились в Кулундинском, Славгородском и Немецком национальном районах. В сёлах этих районов создано множество маленьких музеев при ЦНК. Экспозиции всех музеев носят историко-этнографический характер, основу составляют предметы культуры и быта российских немцев первой половины и середины XX в. Основной экспозиционный приём – реконструкция жилой комнаты (мебель, предметы женского рукоделия), дополненная предметами утвари, хозяйственными инструментами. В музее с. Гришковка был реконструирован немецкий дом, в том числе возведены стены традиционными для алтайских немцев способами (из камыша, самана, земляных пластов) (ил. 8).

Повсеместно представлены такие предметы, как сундук, кровать в полном убранстве, колыбель, настенное панно с религиозным изречением (шпрух), Библия, фисгармония или другие музыкальные инструменты, традиционная обувь на деревянной подошве (шлёры), свадебный венок в футляре, пресс для изготовления колбас, маслобойка, прялка.

Вторая тема, широко представленная в музейных коллекциях и экспозициях, – этническая история российских немцев. Её символами являются депортация, трудовая армия, спецкомендатура, Волга, Немецкая Республика. Основными формами презентации выступают стенды со списками мобилизованных в трудовую армию, личные вещи трудармейцев, альбомы, фотогра-

Ил. 6. Старинные «голландские» часы. Коллекция дома-музея А.Я. Штеффена. С. Неудачино Новосибирской области. 2020 г.

фии, справки о реабилитации и т.д. Особую ценность имеют немногочисленные вещи, привезённые из трудовой армии.

В с. Ананьевка Кудундинского района Алтайского края находится Музей немцев-меннонитов «Меннонитский двор», организованный Лидией Янцен, заведующей ЦНК «Журавушка». Музей функционирует с 1995 г., создан силами сотрудников Центра и детского сада. В музее собраны материалы, отражающие жизнь, историю и культуру немцев-меннонитов Ананьевского сельсовета: предметы быта, орудия труда, рукоделие, книги, музыкальные инструменты, фотографии. В помещении

Ил. 7. Участники перехода в противогазах из колхоза Тельмана в Татарск. 1937 г.
Коллекция дома-музея А.Я. Штеффена. С. Неудачино Новосибирской области. 2020 г.

музея располагаются комнаты немецкого быта, творчества российских немцев, боевой и трудовой славы, истории школы. В 2012 г., к столетию села, музей был обновлён и появилась экспозиция под открытым небом «Меннонитский двор», повторяющая устройство немецкой усадьбы. На дворе перед музеем построены макет ветряной мельницы и колодца, есть старинная косилка, ручная деревянная тележка, выстроена печь, где во время праздников выпекаются булочки и пироги по старинным рецептам, рядом с печью есть подставка для вафельницы (Wufelisa), готовятся традиционные вафли на открытом огне — Wufle.

Во многом ярким маркером, на основе которого строится этническая идентичность, выступает традиционная пища. Поэтому особое внимание мы уделили изучению этнокультурных традиций в сфере питания. Были выявлены особенности

традиционного питания, охарактеризованы ключевые блюда, воспринимаемые как символ немецкой кухни (ривелькухе, кребель, фигурные пряники, колбаса, нудельсуп, штрудель, клёцки, квашеная капуста, кофе). Помимо пищи этническими маркерами для немецкого населения выступают элементы свадебной обрядности (свадебные украшения жениха и невесты, обряд снятия венка, обычаи второго дня свадьбы) и календарной обрядности (особенно рождественский цикл праздников) и др.

Немецкие национально-культурные организации в России и Казахстане

Большую роль в конструировании идентичности сегодня играет немецкая самоорганизация (Международный союз немецкой культуры, Федеральная национально-культурная автономия российских немцев, Казахстанское объединение немцев «Воз-

Ил. 8. Воссозданное жилище с интерьером.
Школьный музей с. Гришковка Алтайского края. 2021 г.

рождение» и др.). Общественные организации – при отсутствии территориальной автономии – взяли на себя основную работу по сохранению немецкого языка и культуры. Все эти организации работают при финансовой поддержке Германии и имеют развитую инфраструктуру, узловыми центрами которой являются Немецкие дома. В Казахстане такие дома открыты в Астане и Алматы, в России – в Москве, Томске, Омске, Новосибирске, Екатеринбурге и Калининграде. Изучение идентичности городских немцев проводилось в этих городах с опорой на Немецкие дома (ил. 9).

Экспедиционные исследования позволяют сделать вывод о том, что до распада Советского Союза принципиальных различий между немцами, живущими в разных республиках, не существовало. Это были советские немцы, с одной исторической судьбой, пережившие депортацию и тру-

довую армию, говорившие в большинстве на диалектах немецкого языка, сохранявшие традиции в семье или религиозной общине и не имевшие возможности открыто демонстрировать свою этничность. За 30 лет, прошедших после распада СССР, с момента, когда немцы стали гражданами суверенных постсоветских государств, их идентичность, на которую определяющее влияние стали оказывать процессы нациестроительства в этих новых государствах, трансформировалась из советской в этнонациональную. Выстраивание государственной национальной политики в независимых государствах повлекло за собой усложнение и без того множественной идентичности немцев России и Казахстана.

Важным фактором, влияющим на процесс конструирования этнической идентичности немцами, стали Программа под-

Ил. 9. Памятник депортированным возле Российско-Немецкого дома в Калининграде. 2022 г.

держки немецкого меньшинства в Российской Федерации и других государствах бывшего СССР со стороны Федеративной Республики Германии и возросшая роль общественных организаций, через которые проходит реализация этой Программы. Деятельность общественных организаций строится на проектной основе, они сами определяют стратегию и направления своей работы, большинство проектов направлены на формирование позитивной этнической идентичности, способствуют сохранению языка и культуры немцев на постсоветском

пространстве, препятствуют ассимиляции. Для российских и казахстанских немцев характерно наличие сложной множественной этнической идентичности, основания отнесения себя к немцам во многом совпадают у обеих групп: национальность родителей, близость истории и культурных традиций, религия, самоощущение.

Особенностью этноязыковых процессов в Казахстане является наличие трилингвизма. Казахский язык необходим немцам для повышения своего социального статуса, работы на государственной

службе. Зачастую мотивом для изучения немецкого языка у молодёжи служит желание поступить в вуз или более успешно продолжить обучение в нём, поехать на стажировку в Германию или в другие немецкоязычные страны, поучаствовать в программах обмена студентами. Здесь стоит отметить и более высокий эмиграционный потенциал среди немцев Казахстана, по-прежнему довольно много лю-

дей хотят переехать в Россию, Германию или другую страну.

В целом общие черты этнической идентичности на постсоветском пространстве связаны с общей историей (особенно с её травмирующими событиями) и культурой, немецким языком, поддержкой Германии. Особые, специфические черты этой новой идентичности связаны с политическими и культурными реалиями новых государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российские немцы. М.: Наука, 2021. (Серия: «Народы и культуры»).
2. Смирнова Т.Б. Этносоциологические исследования среди российских немцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 2011. С. 263–267.

Ethnographic Expeditions to the Germans of Russia and Kazakhstan

Tatiana Borisovna Smirnova – Doctor of History; Professor of the Department of Ethnology, Anthropology, Archeology and Museology, Dostoevsky Omsk State University; Head of the project “Ethnic Identity in the Post-Soviet Period (using the example of the Germans of Russia, Ukraine and Kazakhstan)” (20-09-00177).
E-mail: smirnovatb@omsu.ru

The paper presents the results of ethnographic expeditions to the Germans living in Russia and Kazakhstan. The purpose of the project is a comparative description of the identity of the Germans, a previously united nation who, after the collapse of the USSR, were separated by state borders. The expeditions covered the regions of the Russian Federation (Saratov, Omsk, Novosibirsk regions, Altai Territory) and the Republic of Kazakhstan (Astana, Almaty). Using field methods, such as surveys and interviews, direct and participant observation, the authors explored the types of ethnic identity, ethnic symbols and landmarks, personal identity of the Germans, their opinions about the own past, present and future; German self-organization in the newly independent states; ways of preservation, museumification and presentation of the historical and cultural heritage of the Germans in Russia and Kazakhstan.

Keywords: ethnic identity, Russian Germans, Germans of Kazakhstan, ethno-sociological survey, self-organization, museum

REFERENCES

1. Rossiiskie nemtsy. M.: Nauka, 2021. (Seriya: «Narody i kul'tury») (in Russian).
2. Smirnova T.B. Etnosotsiologicheskie issledovaniya sredi rossiiskikh nemtsev // Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Barnaul, 2011. S. 263–267 (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

В.Н. ЗАХАРОВ*

Индекс УДК 93/94
Код ГРНТИ 03.23.31
DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-118-124

Международная научная конференция «Значение преобразований Петра I в новой и новейшей истории России» (Москва, 17–19 мая 2022 г.)

Статья посвящена итогам международной научной конференции, состоявшейся в мае 2022 г. в Институте российской истории РАН в соответствии с планом мероприятий по празднованию 350-летия со дня рождения Петра Великого. В конференции приняли участие более 120 специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга, других городов России, а также учёные из Австрии, Болгарии, Туниса, США, Франции. По итогам форума при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований издан сборник докладов.

Научная программа конференции отличалась универсальным характером, рассмотрению подвергся широкий круг актуальных проблем преобразований Петра I в различных сферах жизни страны: центрального и местного управления, внешней политики и военного дела, экономики, просвещения и культуры. Особое внимание уделялось истории церкви, а также исторической памяти о времени Петра I. Конференция показала, что в настоящее время при изучении эпохи Петра I превалирует расширение диапазона исследований, идёт активный сбор эмпирического материала, глубина и темпы преобразований изучаются главным образом в связи с переменами в сфере местного управления, суда и правопорядка.

Ключевые слова: научная конференция, Пётр I, современная историография, историческая память, реформы, местное управление, история церкви, история культуры и искусства

Международная научная конференция «Значение преобразований Петра I в новой и новейшей истории России» была включена в План основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 350-летия со дня рождения

Петра I, разработанного во исполнение Указа Президента РФ и утверждённого Организационным комитетом по проведению празднования. Эта конференция рассматривалась в качестве одного из центральных научных мероприятий юбилейного года.

* **Захаров Виктор Николаевич** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, председатель Экспертного совета РФФИ по конкурсу «Пётр I и его эпоха». E-mail: v.zakharov@inbox.ru

Фото 1. В президиуме пленарного заседания конференции (слева направо): директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров, директор Санкт-Петербургского Института истории РАН А.В. Сиренов, главный редактор «Российской газеты» В.А. Фронин

Инициатором проведения форума выступил Институт российской истории РАН, наряду с ним в организации конференции приняли участие Российское историческое общество, Санкт-Петербургский институт истории, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Росархив, Государственный исторический музей (фото 1). В качестве информационных спонсоров выступили «Российская газета», журнал «Родина». С приветствиями к участникам конференции обратились председатель Российского исторического общества С.Е. Нарышкин, председатель Совета Российского фонда фундаментальных исследований академик В.Я. Панченко,

директор Государственного исторического музея А.К. Левыкин.

Большое значение имела материальная поддержка, оказанная фондом «История Отечества», а также Российским фондом фундаментальных исследований. Благодаря поддержке РФФИ своевременно, к открытию конференции, издана книга, содержащая материалы докладов (объёмом 51 печатный лист, тиражом 500 экземпляров)¹. Во время конференции работала организованная РФФИ выставка книг, посвящённых Петру I и его эпохе, изданных в течение последних десятилетий при поддержке Фонда (фото 2). В работе конференции принял участие начальник Управления гуманитарных наук В.П. Гребенюк, выступивший на пленарном заседании.

¹ Пётр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения: Материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России» (Москва, 17–19 мая 2022 г.) / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

Фото 2. Выставка книг, посвящённых Петру I и его эпохе, изданных при поддержке РФФИ

В ходе конференции её участники заслушали и обсудили 123 доклада специалистов, представлявших ведущие научные центры и университеты страны, учреждения культуры: институты РАН (Институт российской истории, Санкт-Петербургский институт истории, Институт всеобщей истории, Институт истории и археологии УрО РАН), университеты, музеи, библиотеки (в том числе Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека), архивы (Российский государственный архив древних актов).

В онлайн-режиме прозвучали 10 докладов зарубежных исследователей из Австрии, Болгарии, Германии, Италии, США, Туниса, Франции. География российских регионов, представленных на конференции, также оказалось достаточно обширной. В числе её участников учёные не только из Москвы и Санкт-Петербурга, но и из Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Великого Новгорода, Екатеринбурга, Волгограда, Саратова, Уфы, Махачкалы, Петрозаводска, Липецка, Орла, Смоленска, Ярославля, Архангельска, Челябинска, многих других городов – в общей

сложности из 24 регионов Российской Федерации.

Рассматривались наиболее актуальные проблемы исторического наследия эпохи Петра I, среди них: значение личности преобразователя в определении содержания реформ и их осуществлении, модернизация в сфере государственного управления и военного строительства, достижения в области просвещения, образования и науки, решение общенациональных задач в сфере безопасности и внешней политики, в том числе и в связи с провозглашением России империей, государство и церковь в условиях преобразований, историческая память о Петре I.

Были организованы пять секций, а также два пленарных заседания. Секция «Экономика, политика и общество на путях трансформации», работавшая в течение всех трёх дней конференции, аккумулировала наибольшее число докладов. На ней рассматривались многие вопросы социально-экономической жизни страны в эпоху преобразований Петра I. Кроме того, работали секции, посвящённые отдельным наиболее актуальным или активно изучаемым в настоящее время темам и проблемам, а именно: секция «Религия и церковь», секция «Культура, наука и просвещение», секция «Россия и мир», посвящённая военной истории и внешней политике. Учитывая особое внимание в современной науке к проблемам коммеморации и мемориализации в истории, была организована секция «Пётр I и его время в исторической памяти».

Одной из существенных особенностей научной программы конференции, которая отразила ситуацию в современной историографии петровской эпохи, стало внимание многих участников к региональной проблематике. В результате было показано, каким образом и до какой степени глубоко и скоро преобразования шли по всей территории страны. Так, одним из первых регионов, где развернулись преобразования, был Азово-Черноморский регион, освоение которого

активизировалось в связи с так называемыми Азовскими походами. Но и после того, как основные внешнеполитические усилия были перенесены на Балтику, освоение Восточного Приазовья продолжилось, как это показано в докладе П.А. Авакова (Южный научный центр РАН). Более того, по мнению автора, этот регион стал своего рода экспериментальным полигоном для обустройства присоединённого побережья Балтики с новой столицей Санкт-Петербургом. Перспективным и актуальным направлением исследования является изучение политики Петра I в областях, населённых другими народами. Несколько докладов посвящались истории Украины в начале XVIII в. К.А. Кочегаров (Институт славяноведения РАН) выявил эволюцию методов и форм царской политики в отношении Гетманской Украины, отметив деградацию и эрозию автономного статуса Малой России. Исключительная сложность ситуации, в которой оказалась российская военная администрация в Дагестане в период Персидского похода Петра I, отражена в докладе Ш.А. Магарамова (Дагестанский научный центр РАН).

Тренд к поиску новых подходов к изучению становления местной администрации в начале XVIII в. был задан уже на пленарном заседании в докладе Д.А. Редина (Уральский федеральный университет). Исследователь говорил о буднях приказной администрации на местах, отметив медленность перемен в управленческих практиках в ходе начавшихся преобразований. В.М. Марасанова (Ярославский государственный университет), напротив, отметила серьёзные перемены, произошедшие в управлении территорией Верхнего Поволжья, выявив определённые предпосылки, закреплённые в конце столетия в ходе губернской реформы Екатерины II. Е.В. Бородина (Институт истории и археологии УрО РАН), раскрывая особенности проведения судебной реформы на местах в начале 1720-х гг., подчеркнула, что повсюду внедрение новых судебных должностей

происходило с учётом региональных особенностей.

При изучении реформ в сфере центрального и местного управления всегда важен вопрос о соотношении российского и иностранного опыта. В обстоятельном докладе о преобразованиях в управлении придворной жизни при Петре I О.Г. Агеева (ИРИ РАН) констатировала, что к 1722 г. была разработана особая европейская система придворных чинов.

Несколько выступлений на темы экономической истории свидетельствуют о слабом развитии в России в петровское время институтов и практик управления и инфраструктуры промышленности и торговли, многое здесь зависело от личной инициативы, субъективных качеств, что обрекало правительство в данной сфере на применение методов «кнута и пряника» (доклад И.Н. Юркина, ИИЕТ РАН).

Военная история петровской эпохи рассматривалась в тесной взаимосвязи с внешней политикой. В обобщающем докладе о военной стратегии Петра Великого В.А. Артамонов (ИРИ РАН) подвёл некоторые итоги изучения этой темы за последние десятилетия, показав, что в борьбе со своими противниками Пётр I в зависимости от ситуации использовал не только наступательную стратегию, но и стратегию малой войны, стратегию ограниченных действий и истощения противника, но никогда не допускал излишнего риска. Конкретизация этих идей нашла отражение в докладах С.А. Иванюка (Государственный музей «Сталинградская битва») о тактике «малой войны» и К.В. Купченко (Смоленский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова) об укреплении западной границы в районе Смоленска. Новую трактовку значения Азовских походов 1695–1696 гг. представили А.Г. Гуськов (ИРИ РАН) и С.М. Шамин (ИРИ РАН), доказывая, что они были одной из операций большой русско-турецкой войны 1686–1700 гг.

Что касается международного положения России, то на фоне целой серии интересных сообщений об отдельных направ-

лениях, событиях и людях можно выделить доклады о крупной внешнеполитической акции Петра I, а именно о его путешествии в Западную Европу в 1716–1717 гг., которая, как отмечено в докладах Д. Гузевича (Школа высших социальных исследований, Париж) и Ю.А. Козловой (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет), по своим масштабам и последствиям может быть сопоставима с Великим Посольством 1697–1698 гг. Также важно отметить возрастание в настоящее время интереса к восточному вектору внешней политики Петра I, что отразилось в докладе В.Д. Пузанова (Шадринский государственный педагогический университет) о взаимоотношениях России и Джунгарского ханства и в докладе А.Ю. Петрова (ИВИ РАН), который отметил исключительную роль личной инициативы Петра I в формировании программы Камчатской экспедиции, что положило начало освоения Россией северной части Азиатско-Тихоокеанского региона.

Насыщенной оказалась часть программы конференции, посвящённая истории религии и церкви. В соответствующей секции состоялись три заседания. П. Бушкович (Йельский университет, США), отвергая мифы об индифферентности царя к религии и его враждебности к православию, попытался в своём докладе поставить точки над *i* в принципиально важном вопросе об отношении Петра I к вере и церкви, доказывая, что в личной религиозной практике царь следовал традиции, но не исключал нововведений, характерных для того времени. Большинство докладов на секции было посвящено конкретным проблемам истории церкви, актуальным для современной историографии. Прежде всего это православная миссия на территории Российской империи, особенно в отношении коренных народов Сибири, что основательно рассматривалось в докладах Ю.Г. Акимова (СПбГУ), А.Ю. Конева (Тюменский научный центр СО РАН), И.И. Юргановой (ИРИ РАН). Обстоятельный анализ кадровой политики

правительства в отношении епископата предпринят И.А. Устиновой (ИРИ РАН), которая отметила активную роль Петра I в назначении архиереев, внимание к иерархам из Малороссии, которое с течением времени, по наблюдению автора, ослабло.

Универсальный подход организаторов к составлению программы конференции выразился и в том, что на ней была широко представлена тематика по истории науки, культуры и искусства. Что касается науки и просвещения, то здесь в центре внимания участников ожидаемо оказались проявления инновации в школьном деле, книгопечатании, картографии. В преддверии 300-летия РАН нельзя не обратить внимание на выступления ряда участников, посвящённые становлению академической культуры, которая, судя по всему, стала формироваться ещё до создания самой Петербургской академии. Об этом речь шла в докладе И.П. Кулаковой (МГУ им. М.В. Ломоносова) и М.П. Лепехина (Библиотека Академии наук), который подчеркнул, что Академия наук создавалась в контексте формирования Российской империи.

Перемены в художественной культуре петровской эпохи нашли своё выражение не только в формировании новых жанров, но и в том, что искусство становится средством репрезентации власти и транслируемых ею идей. Вполне убедительно это продемонстрировано в докладах Е.А. Тюхменёвой (НИИ теории и истории искусств Российской академии художеств) о коронации Екатерины Алексеевны, С.А. Амелёхиной (Музей Московского Кремля) о церемониальном костюме, А.А. Ароновой (Государственный институт искусствознания) о «триумфальных маршрутах» Петра I. Что касается становления новых жанров, отметим доклад С.О. Андросова (Государственный Эрмитаж), в котором речь шла о личном интересе Петра I к искусству, приобретении им картин в Амстердаме для создания картинной галереи.

К числу основных идей, высказанных участниками конференции, следует отнести глубокое воздействие личности Петра I не только на ход самих реформ, но и на последующее их восприятие в исторической памяти. В течение нескольких веков и вплоть до нашего времени впечатление, произведённое самим Петром, нашло и находит своё выражение в фольклоре самых разных регионов страны, в том числе Русского Севера (доклад А.М. Пашкова, Петрозаводский государственный университет), монументальном искусстве (доклад Н.С. Андреевой, Библиотека Академии наук, о памятнике Петру I в Ревеле), журналистике, публицистике, современном медиа- и сетевом пространстве, а также за пределами России, причём не только в зарубежной Европе, но и в Африке, в частности в Тунисе (доклад Н. Каздагли, Высший институт языков, Тунис). А.С. Акимова и Е.А. Беликова (ИМЛИ им. А.М. Горького) в рамках их работы над изданием сочинений А.Н. Толстого поделились своими наблюдениями о формировании образа царя и строящегося Петербурга в романе «Пётр I».

В целом конференция в ИРИ РАН в достаточно полной мере отразила современную ситуацию в историографии эпохи Петра I. Очевидно, что в настоящее время превалирует расширение исследовательского поля, идёт изучение многих проблем и сюжетов в конкретном ключе, происходит активный сбор эмпирического материала, что и было представлено в большинстве докладов. Трендам современной науки соответствуют также углубление тематики, связанной с проблемами исторической памяти, её сохранения и актуализации. Если говорить о сделанных обобщениях, можно отметить стремление некоторых исследователей оценить темпы и глубину преобразований, особенно это касается изучения реформ управления, прежде всего на местном уровне, в области судопроизводства и правопорядка.

International Scientific Conference
“The Significance of Peter the Great’s Reforms in the New
and Modern History of Russia” (Moscow, May 17–19, 2022)

Viktor Nikolaevich Zakharov – Doctor of Historical Sciences; Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Chairman of the RFBR Expert Council for the competition “Peter the Great and his Epoch”.

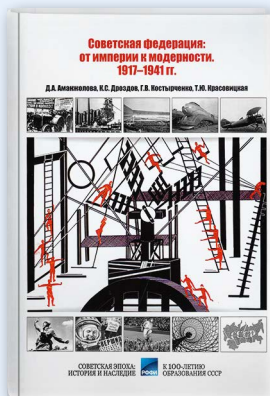
E-mail: v.zakharov@inbox.ru

The paper presents the results of The International Scientific Conference held at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences in May 2022 as part of celebrations of the 350th anniversary of the birth of Peter the Great. Over 120 specialists from Moscow, St. Petersburg, and other Russian cities, as well as scientists from Austria, Bulgaria, Tunisia, the USA, and France visited the conference. In follow-up, a collection of reports was published with the support of the Russian Foundation for Basic Research. The scientific program of the conference was distinguished due to its versatility, with wide coverage of topical issues on Peter the Great's reforms in various domains of the country's life: central and local government, foreign policy and military affairs, economics, education and culture. Special attention was paid to the history of the church, as well as the historical remembrance of Peter's epoch. The conference showed that today's studies of the epoch of Peter the Great tend to a wider range of research, with empirical material actively collected, and the depth and pace of reforms studied mainly in connection with changes in local government, court and law.

Keywords: scientific conference, Peter I, modern historiography, historical remembrance, reforms, local government, history of the church, history of culture and arts

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-125-128

А.Б. ЮНУСОВА*

Рецензия на книгу: Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Костырченко Г.В., Красовицкая Т.Ю. Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. — 832 с.**

Ключевые слова: СССР, РСФСР, нациестроительство, федерализм, национальные движения, национальные меньшинства, национальная элита, этнополитическая самоорганизация, источники, историография

Коллективная монография, подготовленная в рамках выполнения совместного научного проекта РФФИ и Российского исторического общества «Советская эпоха: история и наследие (к 100-летию образования СССР)», является результатом комплексного междисциплинарного исследования истории формирования и реализации советской национальной политики. Её проведение привело к изменению национально-государственного устройства народов бывшей Российской империи, к преобразованиям в области социального и этнокультурного их развития. Существо, методы и результаты этих преобразований остаются важной частью современных дискуссий о прошлом и настоящем многонациональной России и её бывших союзных республик. Несомненно,

что советский век сыграл решающую роль в формировании политического и социального устройства народов, институтов власти и управления, систем образования, здравоохранения, культуры и других условий, которые стали фундаментом этнополитической самоорганизации и дальнейшего развития новых независимых государств на постсоветском пространстве после 1991 г. Осмысление этого многогранного и бесценного опыта, совместившего славу побед и горечь утрат, по-прежнему востребовано.

Впечатляет источниковый фундамент монографии. Как известно, распад СССР сопровождался ростом научных исследований по проблеме наций, нациестроительства и национальной политики, введением в научный оборот огромного массива ранее не публиковавшихся

* Юнусова Айслу Билаловна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского сектора Башкирского государственного университета.
E-mail: aby_02@mail.ru

** Проект 21-09-43009.

и рассекреченных архивных документов, дискуссий по актуальным вопросам национальных движений, этнической самоорганизации, межэтнической интеграции, строительства социалистических наций и создания «новой этнической общности «советский народ»».

Без внимания авторов не осталось появление таких документальных сборников, как «Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сборник документов и материалов» (2016), «История Западного отделения Алаш-Орды» (2012), «100-летие образования Татарской АССР»: Сборник документов и материалов: В 3 т. (2017–2020), «Национально-государственное устройство Башкортостана»: Сборник документов и материалов: В 4 т. (2002–2009), «А.А. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917–1920)»: Сборник документов и материалов (2005), «Беларусізаця: 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы» (2001), «Еврейский вопрос: поиски ответа (документы 1919–1926 годов)» (2003), «Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества»: Документы и материалы: Т. 1–3 (2002–2003), «“Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране» (1922–1934 гг.): Сборник документов: В 10 т. (2001–2008) и др.

Авторы также привлекли новые источники, выявленные в центральных и региональных архивах, таких как Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России), Государственный архив Еврейской автономной области, Государственный исторический архив Чувашской Республики, Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Национальный архив Республики Татарстан, Государственный архив Воронежской области (ГА ВО), Государственный архив общественно-политической истории Воронежской обла-

сти (ГАОПИ ВО), Государственный архив новейшей истории Белгородской области (ГАНИБО), Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства, Центральный государственный архив Республики Узбекистан и др. Используемые в книге документы позволяют проследить этнополитические процессы в разнообразном этническом и широком с точки зрения времени и географии пространстве от Дальнего Востока до западных границ СССР с 1917 г. и до начала Великой Отечественной войны.

Авторы изучили и с необходимым уровнем критичности использовали лучшие разработки по истории образования СССР и советской национальной политики, сделанные советскими марксистскими историками и зарубежными советологами консервативно-реакционного и либерально-объективистского направлений. В книге дана объективная оценка научных результатов основных школ историографии СССР и российского федерализма – школы «большевистского заговора» и школы «социальной истории», обе они, считают авторы, «не стоят на высоте исторической точности». Начавшийся в 1990-е гг. процесс критического переосмысления и обновления методологических основ затронул в одинаковой степени как отечественную, так и зарубежную историографию. В России этот процесс был направлен на преодоление догматизированного марксистского подхода, что обусловило повышенное внимание к эвристическому потенциалу альтернативных научных подходов, созданных на стыке смежных отраслей гуманитарного знания. А в советологических исследованиях заметно проявилось осознание необходимости суммировать слабые стороны дисциплины и искать новые подходы.

В книге проанализировано современное состояние отечественных и зарубежных исследований по проблемам модернизации российской государственности, национальных движений и этнизации

политических процессов в начале XX в., федерализма и национальных автономий, формирования этнической номенклатуры в национальных регионах страны. Дана оценка эффективности применения современных теорий транзита и модернизации, а также иных концептуальных подходов к изучению советского федерализма и советской национальной политики с учётом новейшей мировой историографии.

Монография освещает важные дискуссионные и недостаточно исследованные проблемы и вопросы, такие как институциональные основы и предпосылки образования СССР как многонационального государства; природа советского федерализма; социально-культурные, организационно-политические практики создания и трансформации советских национально-государственных образований в составе СССР в 1920-х – 1930-х гг.; основные политические, социальные и культурные инструменты модернизации традиционных этнических общностей в СССР; характер, реальное содержание, векторная направленность межэтнической интеграции, проходившей в ходе реализации советского политико-культурного этнопроекта (от семьи народов к советскому народу). Логически выстроенная структура монографии позволяет детально рассмотреть эти вопросы в контексте практической реализации национальной политики на местах. При этом авторы подчёркивают дискуссионность проблем, не догматизируя собственные выводы.

Одной из сложных задач советского нациестроительства в первые десятилетия советской власти было преодоление революционной инерции национальных движений и потенциальной опасности этнического радикализма национальных элит (и не только элит, а зачастую также этнических социумов). Авторы показывают, как советская национальная политика поступательно соединяла усилия центра и национальных элит, обеспечивала сплав адаптировавшихся к социалистическому проекту традиционных основ этнично-

сти с модерными принципами, институтами и практиками реорганизации политической системы и всего социально-культурного пространства страны. В итоге в рамках федеративного государства это обеспечивало создание и освоение новой модели гражданской консолидации общества, получавшей оригинальное воплощение в конкретных этносоциальных средах. В частности, показано, как возник, разрабатывался и обсуждался проект создания СССР – федеративного государства, в котором самоопределение народов должно было решить самые острые задачи всестороннего прогресса и равенства народов. Подробно освещаются дискуссии и сложные задачи, которые решала правящая партия большевиков во взаимодействии с лидерами национальных движений и национальными деятелями в ходе образования и развития СССР. Детально рассматриваются процесс создания союзных и автономных республик и областей, а также осуществление советской национальной политики в области подготовки кадров, образования, социального и культурного прогресса для всех народов страны. Освещаются драматические последствия коллективизации, голода и репрессий для всех народов СССР в конце 1920-х – 1930-е гг.

Важное место отведено проблемам национальных меньшинств и малочисленных народов, а также специфике решения еврейского вопроса и создания советской еврейской автономии, что позволило составить более полную и многогранную картину советского нациестроительства. Подробно рассматривается такая актуальная проблема, как «советский народ», сущность данного исторического феномена, развёрнуто представлены дискуссии учёных по этому важному вопросу.

Научная значимость и новизна монографии обусловлена введением в научный оборот новых значимых первоисточников. В монографии впервые дана развёрнутая характеристика состояния изученности актуальных проблем историографии образования СССР и советского нациестро-

тельства. Убедительно, на основе новых документов доказана федеративная природа РСФСР как основы и ядра СССР. Новизна исследования обусловлена также анализом советской национальной политики в отношении национальных меньшинств и дисперсно расселённых малочисленных народов как значимой части культурно сложного этносоциального пространства страны.

Коллективная монография стала результатом междисциплинарного исследования в рамках истории, этнологии, политологии. Комплексность, постановка и осмысление актуальнейших проблем истории

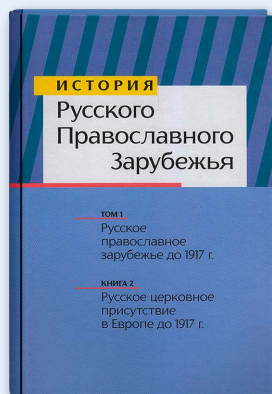
советского федеративного строительства и конструирования современных наций, процесса взаимодействия центральной власти и этнополитических элит, выстраивания баланса между двумя ведущими трендами развития СССР как культурно сложного государства и общества – нациестроительство и общегражданская консолидация вплоть до создания советской общности – всё это свидетельствует об актуальности коллективной монографии, которая будет востребована российскими и зарубежными исследователями, специалистами в сфере национальной политики и гармонизации межнациональных отношений.

Review of the book: Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Kostyrchenko G.V., Krasovitskaya T.Yu. Soviet Federation: From Empire to Modernity. 1917–1941. M.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2022. – 832 p.

Aislu Bilalovna Yunusova – Doctor of Sciences (History); Professor; Chief Researcher, Bashkir State University.
E-mail: aby_02@mail.ru

Keywords: USSR, RSFSR, nation-building, federalism, national movements, national minorities, national elite, ethno-political self-organization, sources, historiography

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-129-133

О.В. КИРИЧЕНКО*

Рецензия на книгу: История русского Православного зарубежья: В 5 т. Т. 1. Кн. 2: Русское церковное присутствие в Европе до 1917 г. М.: Индрик, 2021. — 800 с.: ил. **

Пятитомное издание «История русского Православного зарубежья» подготовлено Российской Академией наук и Московской Духовной Академией. В рецензируемом издании анализируются исторические обстоятельства, определяющие характерные черты русского церковного присутствия в Западной Европе, начиная от появления первых русских посольских домовых церквей до расцвета русского храмостроительства в Европе в предреволюционные годы. Отмечается, что русский храм в Европе являлся не только наглядным свидетельством Православия, но и играл роль «визитной карточки» самой России — её «церковно-дипломатического представительства» и религиозно-культурной презентации.

Ключевые слова: русское православное зарубежье, Русская Православная Церковь, Россия в мире, русская духовная культура

Институт всеобщей истории Российской Академии наук совместно с Московской Духовной Академией подготовили многотомное издание, посвящённое истории русского православного присутствия в мире. Первый том, носящий название «Русское Православное зарубежье до 1917 г.», выпускается в трёх книгах, первая из которых — «Русское православное присутствие на христианском Востоке» — была издана Московской Патриархией в 2016 г.

Формирование русского православного мира за рубежом, в Европе, в до-

революционный период — целевая тема данной коллективной монографии. Такой подход позволил поставить и решить целый ряд новых исследовательских задач. Во-первых, системно обозначить сами факты и историческую тенденцию русского присутствия в Европе с раннего периода российской государственности. Во-вторых, выявить социальные силы, ставшие носителями этой миссии на протяжении столетий в разных европейских странах. В ряде случаев авторы ограничиваются рассмотрением наиболее ярких и зримых социальных сил, оставляя

* **Кириченко Олег Викторович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.
E-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru

** Проект 21-19-00084.

за скобками более мелкие и фрагментарные. В-третьих, в работе системно представлена индивидуальная картина русского присутствия, в соответствии с культурными и политическими особенностями каждого региона. И, наконец, здесь, несомненно, представлена динамика развития данного явления, что позволяет увидеть тенденцию его изменения во времени как коррелят европейских религиозных, культурных и политических процессов.

Книга состоит из трёх частей: 1. Русское православное присутствие в Северной Европе и странах Балтии; 2. Русское православное присутствие в Западной, Центральной и Южной Европе; 3. Русское православное присутствие в Восточной Европе и на Балканах. Каждой части присуща своя историческая специфика. Так, особенностью северных европейских территорий было наличие древних торговых путей «из варяг в греки», благодаря которым первые свидетельства о присутствии здесь русских православных людей относятся к купеческому сословию. Историческая проблематика Восточной Европы в значительной степени определяется её этноконфессиональным ландшафтом. Вместе с тем рецензируемая книга позволяет говорить о нескольких общих факторах, характеризующих русское дореволюционное церковное присутствие в Европе в целом.

Во-первых, следует отметить, что в этом присутствии безусловно доминирует государственно-церковное представительство и отсутствуют миссионерские церковные учреждения. Конечно, с одной стороны, Российская империя, самой своей государственностью связанная с принятием Русью православия, позиционировала себя наследницей православной империи св. равноапостольного Константина — защитницей и оплотом православия в мире. С другой — для православной России Европа представляла собой территорию, уже просвещённую светом Православия, причём начало этому было положено за 700 лет до крещения Руси. Конфессиональное разделение 1054 г. не делало Европу для Рос-

сии объектом миссионерства: конфессиональные различия не отменяют того церковного правила, что в чужой церковной епархии проповедь не ведётся (противное носит название «прозелитизм» и является прямым нарушением церковных канонов). Поэтому русский храм на европейской территории мог возникнуть только для окормления своих же, русских православных людей. Прежде всего таковыми российскими православными гражданами, долгое время вынужденными находиться в европейских странах, были российские дипломаты и сопровождавший их штат.

Другой причиной государственного характера русского церковного присутствия в Европе стало возраставшее со временем единство Европейского правящего дома — общеевропейской правящей династии, постепенно складывавшейся из-за всё большего числа европейских внутридинастических браков. Та часть этой династии, которая проходила через Россию, естественным образом несла православие и в свою «native land» как в собственную историческую «колыбель». Для русских царей европейцы были «родственниками», как подчёркивают авторы данной книги, с первых шагов становления русской государственности — начиная с принцессы Ингигерд, дочери шведского короля Олава, ставшей супругой Ярослава Мудрого, его дочери Анны Ярославны (королевы Франции, супруги французского короля Генриха I), супруги Владимира Мономаха Маргариты (Гиты — дочери Гаральда II, последнего англосаксонского короля Англии) и др. Эта традиция была прервана только татаро-монгольским нашествием, а затем возобновлена Петром Великим, его потомками и преемниками.

С XVIII столетия у России закладываются фундаментальные связи с Европой на основе общей платформы модерна. Авторы показывают, что не только в России, в её столице, но и в Европе возникает принципиально иная форма русского православного присутствия; строятся храмы, начинается тесное знакомство Европы

с Россией. Опираясь на исследования авторов монографии, можно увидеть, что русское православие всё активнее начинает приобретать статус церковного присутствия, а не просто человеческого, социального, как раньше.

Отметим, что российская дипломатия в церковных вопросах всегда проявляла значительную деликатность. Российское дипломатическое ведомство, как свидетельствуют приводимые авторами данного тома документы, отнюдь не форсировало искусственное возникновение русских храмов, но проявляло дипломатическую осторожность даже при активной «инициативе снизу», исходящей от прихожан российских домовых заграничных церквей и их духовенства. Инициатива храмостроительства, однако, выдвигалась самой жизнью, а построенный храм естественно становился и презентацией русской духовной культуры, а также и российской государственности.

Второе, что хотелось бы подчеркнуть, — это в значительной степени элитарный, избранный характер тех русских людей, к духовному окормлению которых были призваны русские заграничные приходы. Среди этих людей были представители не только Императорской фамилии (Мария Фёдоровна, супруга императора Павла I; его дочь Анна, королева Нидерландов; Александра, супруга палатина Венгрии эрцгерцога Иосифа Габсбурга; Елена, Мария и Екатерина в Мекленбурге, Сакен-Веймаре и Виртенберге; Мария Фёдоровна, супруга императора Александра III; Александра Фёдоровна, последняя российская императрица; великие князья) и высших слоёв российской аристократии, к которым относились и многие российские дипломаты, представлявшие Россию на Западе (Голицыны, Разумовские, Воронцовы, Горчаковы и др.), но и великие русские писатели и философы (В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, А.И. Тургенев, А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев), художники (А.А. Иванов, С.Ф. Щедрин, В.Д. Поленов, В.М. Васнецов, М.В. Нестеров, К.А. Коровин) и многие другие. Круг общения этих людей также состоял из незауряд-

ных и подчас исключительных представителей западноевропейской элиты, что порой приводило к переходу — иногда тайному — некоторых из них в православие, что потом имело значение для распространения их веры среди сограждан.

Так, например, в рецензируемой книге рассказывается, что «одним из примечательных прихожан русской посольской церкви <...> был родовитый землевладелец из американской колонии Виргиния полковник Филипп Ладвелл-третий (Philip Ludwell III), проживавший в Лондоне в 1738–39 и 1760–67 гг. Он был одним из первых (а возможно, и самым первым) православным американцем. <...> Ладвелл перевёл с латинского “Православное Исповедание Восточной Церкви” митрополита Петра Могилы... Недавно в архивном фонде потомков Филиппа Ладвелла была найдена его рукописная книга с английским текстом трёх Литургий — Иоанна Златоуста, Василия Великого и Литургии Преждеосвященных Даров, а также утреннего и вечернего правил, чина исповеди и проч» (с. 72). В настоящее время «в храмах Восточно-Американской епархии РПЦЗ служатся по нему панихиды. Тексты его перевода Литургии Преждеосвященных Даров, предназначенные к пению, недавно были положены на музыку и используются в некоторых приходах РПЦЗ в Америке» (с. 74). Другой пример: выдающиеся деятели Англиканской церкви Уильям Пальмер, ведший многолетнюю переписку с Алексеем Степановичем Хомяковым, и Уильям Джон Биркбек, опубликовавший эту переписку, тесно сотрудничали с настоятелем русской лондонской церкви о. Евгением Смирновым.

И это, в-третьих, в свою очередь, требовало чрезвычайно нестандартного отбора тех представителей духовенства, которых Синод посылал служить за границу. Этим священникам, по сути, предстояло иногда, помимо прямого пастырского долга духовного окормления каждого своего прихожанина, без различия чинов, нести дипломатическую, культурную, а иногда

и общественно-историческую миссию. Постепенно, за два века служения в русских дипломатических храмах сложился тип богословски и общекультурно высокообразованного пастыря, прекрасно знающего языки, при строгой ортодоксальности открытого к общению с инославными, ведущего обширную переписку с выдающимися деятелями как западноевропейской, так и отечественной культуры. Такими выдающимися священнослужителями – настоятелями российских посольских храмов в Европе были протоиереи Алексей Мальцев в Берлине, Николай Рыжков в Праге, Владимир Левицкий во Флоренции, Яков Смирнов в Лондоне, Михаил Раевский в Вене, Иосиф Васильев в Париже и др. Значение каждого из них многократно превосходило непосредственно возложенное на них настоятельское служение.

Так, «при протоиерее Михаиле Раевском церковь в Вене становится своеобразным духовным центром для всех славян, проживавших на территории Австро-Венгерской империи» (с. 227). Говорили даже, что «со времени св. Мефодия до Раевского не было церковного деятеля с таким, как он, всеславянским значением» (с. 229). Деятельность протоиерея-исповедника Николая Николаевича Рыжкова была направлена не только «на укрепление русского присутствия в регионе, но и на формирование предпосылок для создания самостоятельной Православной Церкви в Чешских землях». Протоиерей Владимир Левицкий, доказывая дипломатическому ведомству необходимость построения первого на территории Италии русского православного храма именно во Флоренции, писал, что «Православие здесь <...> потерпело великий ущерб посредством пресловутой Флорентийской унии. <...> Благолепный русский храм был бы наилучшим искуплением невольного греха, претерпленного в этом городе» (с. 278).

«Священник Яков Смирнов был надёжным и доверенным помощником многолетнего посла России в Лондоне, выдающегося дипломата графа Семёна Романовича Во-

ронцова. В 1791 г., во время одного из кризисов отношений между Россией и Англией, о. Яков, втроём с Джоном Парадайзом и секретарём гр. Воронцова швейцарцем Жоли, в течение нескольких месяцев не покладая рук готовили материалы для кампании в прессе против войны с Россией, которую намеревалось начать Британское правительство, а также лично агитировал парламентариев и деловых людей. Историки склонны полагать, что благодаря этим усилиям войну удалось предотвратить. Девять лет спустя, во время нового обострения англо-русских отношений, когда все сотрудники посольства вынуждены были покинуть Англию, священник Яков Смирнов рескриптом императора Павла I был назначен исполняющим обязанности российского посланника (единственный в истории Российской Церкви случай)» (с. 78).

В конечном итоге, несмотря на сугубо конкретные, практические поводы к возведению русских храмов в Европе, они стали прекрасной, наглядной и для всех понятной проповедью православия в европейских странах. Не случайно к строительству российских зарубежных храмов привлекались лучшие русские зодчие: Д.И. Гримм (церковь блгв. Александра Невского в Копенгагене), М.Т. Преображенский (церковь в честь Рождества Христова во Флоренции, Свято-Николаевский собор в Ницце, Свято-Никольский храм в Софии), Л.Н. Бенуа (церковь равноап. Марии Магдалины в Дармштадте, собор блгв. кн. Александра Невского в Варшаве), А.В. Щусев (храм Христа Спасителя в Сан-Ремо) и др.

Конечно, каждый регион Европы, как замечают авторы, имел своё лицо и свои пути взаимоотношений с русским церковным миром, в силу чего складывалась в разных местах своя культурная среда. И сегодня мы, опираясь на источники и научный анализ, можем увидеть всю сложную мозаику «православной Европы» в XIX – начале XX в.

При этом еще раз подчеркнём, что православие на территории Западной Европы имеет, так же как и на Руси, тысячелет-

нюю историю — до разделения конфессий в XI столетии. Поэтому когда русские императоры, будучи по крови сами уже почти полностью европейцами, устраивали или спонсировали строительство в своих родовых вотчинах или в курортных местах, посещаемых русскими, православные храмы, они не только не приносили в духовный и культурный ландшафт Европы что-то экзотически новое, но, напротив, возрождали почвенное, естественное, но забытое Европой её же духовное основание. Вероятно, в том числе и по этой причине строительство русских православных храмов в Европе воспринималось и выглядело естественно и к началу XX века быстро росло.

К 1917 г. в Западной Европе действовали 65 русских православных храмов — в Германии, Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии, Франции.

Со временем в эти храмы потянулось и местное население, причём в таком количестве, что к концу XX в. — по мере возникновения в Европе диаспор и паствы других Поместных Православных Церк-

вей — стало возможным говорить о создании (воссоздании) в Европе Поместной Европейской Православной Церкви (идея, высказанная Святейшим Патриархом Алексием II в 2008 г.).

Рецензируемая книга является, с одной стороны, законченным самостоятельным исследованием, а с другой, в контексте замысла всего многотомного издания «Истории русского православного зарубежья», она рисует картину русского церковного зарубежья перед тем, как в него влилась огромная волна русской послереволюционной эмиграции. Именно этим русским храмам и приходам после 1917 г. пришлось стать опорой и образом Родины для тех, кто вынужден был оставить свою страну вследствие начавшихся в России гонений на Церковь.

Монография решает важную научную задачу более объективной оценки российско-европейских взаимоотношений (обоюдной заинтересованности), для чего русское православие (русское присутствие) и помещается в контекст европейской истории.

**Review of the book: History of the Russian Orthodox Diaspora:
In 5 Vol. T. 1. Book. 2: Russian Church Presence in Europe until 1917.
Moscow: Indrik, 2021. — 800 p.: ill.**

Oleg Viktorovich Kirichenko — Doctor of Historical Sciences; Chief Researcher, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.
E-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru

A five-volume edition of "History of the Russian Orthodox Diaspora" is prepared by the Russian Academy of Sciences and the Moscow Theological Academy. The historical circumstances that determine the typical features of the Russian church presence in Western Europe are analyzed, starting from the first Russian embassy house churches to the flourishing of the Russian church building in Europe in the pre-revolutionary years. It is noted that the Russian church in Europe was not only a clear evidence of Orthodoxy, but also a signature landmark of Russia itself — its "clerical and diplomatic representation" and religious and cultural image.

Keywords: Russian Orthodox abroad, Russian Orthodox Church, Russia in the world, Russian spiritual culture

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В № 1, 3 И 4 ЗА 2022 Г.

Панченко В.Я. Российский фонд фундаментальных исследований. 30 лет поддержки науки. — № 1. — С. 9–12.

Поздравления к 30-летию РФФИ. — № 1. — С. 13–24.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

Исторические науки

Деревянко А.П., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Развитие культуры денисовского человека на Алтае. — № 1. — С. 25–34.

Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Ефремова Н.С. Обь-Иртышское междуречье в эпоху раннего неолита-бронзы, средневековья: культурогенез, хозяйство, мировоззрение (по материалам археологических комплексов). — № 3. — С. 19–37.

Мухин М.Ю. Создание системы мобилизационных органов и разработка методологии составления мобилизационных планов в СССР в годы первой пятилетки. — № 3. — С. 9–18.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Пазырыкская культура в XXI веке: открытия и гипотезы. — № 1. — С. 35–46.

Сухова О.А. Аграрная политика и смена технологических укладов в СССР: проблемы соответствия. — № 4. — С. 9–19.

Экономика

Курбангалиева Д.Л. Влияние цифровой репутации на капитализацию организации: от теории к практике (на примере автомобильной промышленности). — № 3. — С. 46–56.

Павлов В.И., Зоидов Х.К. Формирование доходов консолидированного бюджета Российской Федерации и государственных внебюджетных фондов с использованием новой парадигмы бюджетно-налоговой системы. — № 3. — С. 38–45.

Халишхова Л.З., Гучапшева И.Р., Темрокова А.Х. Зарубежный опыт функционирования сельскохозяйственных систем, базирующихся на принципах устойчивого развития. — № 1. — С. 47–62.

Философия. Социология. Политология. Правоведение

Александрова А.В., Лапаева А.В., Рыжова А.А., Серебрякова Е.А. Теоретические основы пенсионного законодательства: опыт сравнительного исследования. — № 4. — С. 20–31.

Бажанов В.А. Как возможен синтез натурализма и социоцентризма? — № 3. — С. 57–65.

Илизаров С.С. Профессия «историк науки» в российском социокультурном и научном контексте первой половины XX века. — № 4. — С. 44–55.

Крапошина Н.В., Бондарь Л.Д. Персональный состав Академии наук XVIII – первой трети XX в. в документальных источниках Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. — № 1. — С. 71–88.

Красильников С.А., Водичев Е.Г. Три волны научной мобилизации на Востоке России (1930-е – начало 1950-х гг.). — № 3. — С. 75–86.

Матвеев А.Г. Смежные права в цифровой экономике. — № 1. — С. 63–70.

Ростовцев Е.А. Историческая наука Петрограда–Ленинграда в условиях социальной трансформации (1917–1934). — № 4. — С. 32–43.

Шиповалова Л.В. Историческая эпистемология: проблемы и перспективы. — № 3. — С. 66–74.

Филология. Искусствоведение

Долгушин Д.В. Исторические таблицы В.А. Жуковского. — № 1. — С. 89–103.

Евстратова М.В., Колузаков С.В. Станция метро «Комсомольская-кольцевая». Рождение замысла. — № 4. — С. 79–91.

Калугина О.В. Императорская академия художеств и московский натурный класс в эпоху Николая I. № 4. — С. 68–78.

Ким А.А. Периодизация развития архитектуры банковских учреждений Маньчжурии. — № 3. — С. 104–116.

Крижановский Н.И. Михаил Меньшиков и Яков Полонский: история взаимоотношений. — № 3. — С. 87–103.

Руднев Д.В. Прохибитивные конструкции в деловом языке XVIII века. — № 4. — С. 56–67.

Тетерина Н.И., Александрова В.А. Неопубликованное наследие Б.В. Асафьева о М.П. Мусоргском. — № 1. — С. 56–67.

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

Васильева И.В., Булатова О.В. Ресурсная субъектность студентов в разных образовательных моделях в период пандемии. — № 4. — С. 92–104.

Забелина Е.В., Курносова С.А., Трушина И.А., Щукина К.Е. Модель экономического поведения коренных малочисленных народов Севера в условиях глобализации. — № 1. — С. 115–126.

Корнеев А.А., Ахутина Т.В., Матвеева Е.Ю. Кластеризация нейропсихологических данных: оценка соотношения состояния когнитивных функций у детей 6–9 лет. — № 3. — С. 117–126.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Баранова С.И., Беляев Л.А. Пётр Великий и дворец в Коломенском: архивы, музеи, археология. — № 1. — С. 127–144.

Ожерельев Д.В., Лев С.Ю. Верхний палеолит предгорий Северного Тянь-Шаня: вопросы хронологии и культурной атрибуции. — № 3. — С. 127–137.

Смирнова Т.Б. Этнографические экспедиции к немцам России и Казахстана. — № 4. — С. 105–117.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Захаров В.Н. Международная научная конференция «Значение преобразований Петра I в новой и новейшей истории России» (Москва, 17–19 мая 2022 г.). — № 4. — С. 118–124.

МИР КНИГИ РФФИ

Басова И.Г. Рецензия на книгу: Калугина Н.А. Александр Брюллов. Архитектор и рисовальщик. М.: БуксМарт, 2021. — 512 с.: ил. — № 3. — С. 149–152.

Быстрова И.В. Рецензия на книгу: Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1945–1964 гг. М.: Кучково поле, 2020. — 320 с. — № 1. — С. 153–155.

Калугин В.В. Рецензия на книгу: Федотова М.А. Святитель Димитрий Ростовский: Житие, Служба, чудеса. Исследование и тексты. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2022. — 560 с. — № 3. — С. 144–148.

Кириченко О.В. Рецензия на книгу «История русского Православного зарубежья»: В 5 т. Т. 1. Кн. 2: Русское церковное присутствие в Европе до 1917 г. М.: Индрик, 2021. — 800 с.: ил. с. — № 4. — С. 129–133.

Корзун В.П., Метель О.В. Рецензия на книгу: Киселёв М.А. «Регулярное» государство Петра I в сталинской России: Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб.: Нестор-История, 2020. — 432 с.: ил. — № 1. — С. 145–148.

Перфильева И.Ю. Рецензия на книгу: Долгих Е.В. Французское стекло. Конец XIX – начало XX века. Личные коллекции России. М.: БуксМАрт, 2021. — 624 с.: ил. — № 3. — С. 153–157.

Романова Е.В. Рецензия на книгу: Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021. — 864 с. — № 1. — С. 149–152.

Рябова Л.В. Рецензия на книгу: Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования: Монография / Отв. ред. Т.С. Паниотова. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2021. — 268 с. — № 3. — С. 141–143.

Субетто Д.А. Рецензия на книгу: Копелев Д.Н. От мыса Головнина к Земле Александра I. Российские кругосветные экспедиции в первой половине XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2021. — 311 с. — № 3. — С. 138–140.

Юнусова А.Б. Рецензия на монографию: Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Костырченко Г.В., Красовицкая Т.Ю. Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. — 832 с. — № 4. — С. 125–128.

Юшкова О.А. Рецензия на книгу: Сидорина Е.В. Казимир Малевич и его пророчество о «новом бытии». М.: БуксМАрт, 2021. — 640 с.: ил. — № 1. — С. 156–159.

Поздравляем академика РАН В.Я. Панченко с юбилеем. — № 3. — С. 158–159.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СПЕЦВЫПУСКЕ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» В № 2 ЗА 2022 Г.

«РУССКИЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, СЛОВАРИ, ПРОБЛЕМЫ УСВОЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ (КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)» (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНКУРСА «КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА КАК ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА»)

Плунгян В.А. Русский язык: современное состояние, словари, проблемы усвоения и обучения (комплексные исследования). — № 2. — С. 9–16.

РУССКИЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ВАРИАТИВНОСТЬ, ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Захаров В.П., Азарова И.В., Головина А.В., Гудков В.В., Москвина А.Д. Квантитативная онтология и база данных русских предлогов. — № 2. — С. 17–26.

Кустова Г.И. Динамика языковой системы: корпусное исследование синхронной вариативности и диахронических изменений в текстах разных типов. — № 2. — С. 27–36.

Лещенко Ю.Е., Доценко Т.И., Остапенко Т.С. Комбинированное триязычие и его влияние на языковую и когнитивную деятельность индивида: интегративная модель. — № 2. — С. 37–49.

Мызникова Я.В. Русские говоры Симбирского Заволжья в контексте этноязыкового взаимодействия. — № 2. — С. 50–60.

Нестерова Н.Г., Волкова Е.В., Сабаева Ю.С., Ермоленко С.В., Арсеньева Т.Е. Новые тексты и новая грамотность как следствие трансформаций в медиадискурсе. — № 2. — С. 61–71.

РУССКИЙ ЯЗЫК: КОРПУСА И СЛОВАРИ РАЗЛИЧНОГО ТИПА

Дымарский М.Я., Крылов С.А., Фролова О.Е., Ширинкина М.А. Корпус официально-деловых текстов русского языка. — № 2. — С. 72–87.

Козловская Н.В. Словарь авторских терминов как метод изучения языковой личности философа. — № 2. — С. 88–98.

Кравецкий А.Г., Плетнёва А.А. Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. — № 2. — С. 99–108.

Левичкин А.Н., Гайдамашко Р.В., Крылова О.Н. Лексическая система пинежских говоров. — № 2. — С. 109–120.

РУССКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ УСВОЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

Веракса А.Н., Ощепкова Е.С., Бухаленкова Д.А. Взаимосвязь когнитивной гибкости и развития связной речи у дошкольников (на материале рассказов старших дошкольников). — № 2. — С. 121–133.

Горобец Е.А., Гамирова Р.Г., Ахутина Т.В., Есин Р.Г. Исследование когнитивных функций и речевого статуса у детей и подростков с эпилепсией на фоне противоэпилептической терапии. — № 2. — С. 134–144.

Драгой О.В., Дорофеева С.В., Лопухина А.А., Большина Т.А., Паршина О.А., Лауринавичюте А.К. Фонологический дефицит и его мозговые корреляты у детей с дислексией. — № 2. — С. 145–158.

Гудова М.Ю. Полилингвизм в эпоху постграмотности: философско-культурологическое обоснование и методико-педагогическая разработка модели полилингвального образования. — № 2. — С. 159–171.

Садыкова Г.В., Каюмова А.Р. Цифровые технологии в развитии русской речи и социокультурных компетенций детей-билингвов в России и за рубежом. — № 2. — С. 172–183.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ» № 5 ЗА 2021 Г.

(СПЕЦВЫПУСК СОВМЕСТНО С ЭКСПЕРТНЫМ ИНСТИТУТОМ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Панченко В.Я. Российские политологи перед лицом новых вызовов. — № 5. — С. 9–10.

Федулкина А.П. Совместная поддержка исследований в сфере общественно-политических наук. — № 5. — С. 11–12.

Гаман-Голутвина О.В. Итоги совместных конкурсов РФФИ—ЭИСИ 2020 года в сфере общественно-политических наук. — № 5. — С. 13–19.

СОВРЕМЕННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: МНОЖЕСТВЕННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ГОСУДАРСТВОМ, ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Мартынов М.Ю. Концепт гражданского общества в исследованиях взаимодействия государства и волонтерского движения. — № 5. — С. 20–27.

Шестопал Е.Б. Влияние идеальных политических представлений на восприятие разных лидерских ролей. — № 5. — С. 28–37.

Левашов В.К., Новоженина О.П. Меняющийся образ будущего в сознании российских граждан. — № 5. — С. 38–51.

Милаева О.В., Сиушкин А.Е. Женский депутатский корпус Российской Федерации субфедерального уровня: социально-политический состав. — № 5. — С. 52–62.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ

Парма Р.В. Вовлечение российских граждан в общественное участие онлайн. — № 5. — С. 63–73.

Рябченко Н.А., Малышева О.П., Усков С.В. Управление цифровой социально-политической повесткой дня в онлайн-пространстве: субъекты, технологии и результаты. — № 5. — С. 74–85.

Островский А.Н., Мамедов А.Э., Островская М.А., Ширяев В.Ю., Лагун Л.В., Голобородько Е.Р., Попов С.В. Цифровые сообщества как актор социальных трансформаций в мегаполисе (на примере соседских, районных и городских групп в социальных сетях и мессенджерах). — № 5. — С. 86–96.

Соколов А.В., Беляков А.А. Структура протестной повестки в социальных сетях: проблемы, цели, поддержка. — № 5. — С. 97–108.

ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ: ЦЕННОСТИ, ПОВЕСТКА, ТЕХНОЛОГИИ

Отроков О.Ю. Социально-политические потребности современной российской молодёжи. — № 5. — С. 109–117.

Попова О.В. Студенческая молодёжь российских мегаполисов: ценностные ориентации и эффекты политической онлайн-мобилизации. — № 5. — С. 118–129.

Морозова Е.В. Жизненные ценности и гражданская идентичность старшеклассников. — № 5. — С. 130–140.

Ларионова А.В., Горчакова О.Ю. Деструктивная коммуникация молодёжи в сети Интернет: социально-политический контекст. — № 5. — С. 141–150.

Марин Е.Б. Семантика протестного сознания и формы протестной активности российской молодёжи. — № 5. — С. 151–163.

LIST OF ARTICLES PUBLISHED IN THE “RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH JOURNAL. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES” IN ISSUES 1, 3 AND 4 2022

Panchenko V.Ya. Russian Foundation for Basic Research: 30 Years of Funding the Science. – № 1 – P. 9–12.
Congratulatory on the 30th Anniversary of the RFBR. — № 1 — P. 13–24.

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

Historical Sciences

Derevyanko A.P., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Development of Denisovan Culture in Altai. — № 1. — P. 25–34.
Mukhin M.Yu. Establishing a system of mobilization bodies and developing a methodology for drawing up mobilization schemes in the USSR during the first Five-Year plan. — № 3. — P. 9–18.
Molodin V.I., Mylnikova L.N., Efremova N.S. Ob-Irtysh interstream area in the Early Neolithic period – the Bronze Age, the Middle Ages: cultural genesis, economy, worldview (based on the archaeological materials). — № 2. — P. 19–37.
Polosmak N.V., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Pazyryk Culture in the 21st Century: Discoveries and Hypotheses. — № 1. — P. 35–46.
Sukhova O.A. Agrarian Policy and the Change of Technological Ways in the USSR: Compliance Problems. — № 4. — P. 9–19.

Economics

Khalishkhova L.Z., Guchapsheva I.R., Temrokhova A.Kh. International Experience of Sustainable Farming Systems Operation. — № 1. — P. 47–62.
Kurbangalieva D.L. The impact of digital reputation on corporate capitalization: from theory to practice (on the example of the automotive industry). — № 3. — P. 46–56.
Pavlov V.I., Zoidov Kh.K. An innovative paradigm of the budget and tax system. — № 3. — P. 38–45.

Philosophy. Sociology. Political Science. Jurisprudence

Aleksandrova A.V., Lapaeva A.V., Ryzhova A.A., Serebryakova E.A. Theoretical Foundations of Pension Legislation: Experience of Comparative Study. — № 4. — P. 20–31.
Bazhanov V.A. How is the synthesis of naturalism and sociocentrism possible?. — № 3. — P. 57–65.
Ilizarov S.S. The Profession of Historian of Science in the Russian Sociocultural and Scientific Context in the First Half of the 20th century. — № 4. — P. 44–55.
Kraposhina N.V., Bondar L.D. Members of the Academy of Sciences from the 18th to the First Third of the 20th Century in the Sources of St. Petersburg Archive of the Russian Academy of Sciences. — № 1. — P. 71–88.
Krasilnikov S.A., Vodichev E.G. Three waves of scientific mobilization in the East of Russia (1930s – early 1950s). — № 3. — P. 75–86.
Matveev A.G. Related Rights in the Digital Economy. — № 1. — P. 63–70.
Rostovtsev E.A. Historical Science of Petrograd-Leningrad Amidst Social Transformation (1917–1934). — № 4. — P. 32–43.
Shipovalova L.V. Historical epistemology: problems and prospects. — № 3. — P. 66–74.

Philology. Art Criticism

Dolgushin D.V. Historical Tables by Vasily Zhukovsky. — № 1. — P. 89–103.

Evstratova M.V., Koluzakov S.V. Komsomolskaya-Koltsevaya Metro Station. The Birth of the Idea. — № 4. — P. 79–91.

Kalugina O.V. The Imperial Academy of Arts and Moscow's Life Class in the Era of Nicholas I. — № 4. — P. 68–78.

Kim A.A. Architecture of banking institutions in Manchuria: development periods. — № 3. — P. 104–116.

Krizhanovskiy N.I. Mikhail Menshikov and Yakov Polonsky: the history of relations. — № 3. — P. 87–103.

Rudnev D.V. Prohibitive Constructions in the Business Language of the 18th Century. — № 4. — P. 56–67.

Teterina N.I., Aleksandrova V.A. Boris Asafyev's Unpublished Legacy of Modest Mussorgsky. — № 1. — P. 104–114.

Complex Human Study. Psychology. Pedagogy

Vasilyeva I.V., Bulatova O.V. Student Self-Determination in Using Resources in Different Educational Models during the Pandemic. — № 4. — P. 92–104.

Korneev A.A., Akhutina T.V., Matveeva E.Yu. Clustering of neuropsychological data: cognitive functions assessment in children aged 6–9 years. — № 3. — P. 117–126.

Kurnosova S.A., Zabelina E.V., Trushina I.A., Shchukina K.E. The Model of Economic Behavior of Indigenous Minorities of the North in the Context of Globalization. — № 1. — P. 115–126.

FIELD RESEARCH

Baranova S.I., Belyaev L.A. Peter the Great and Kolomenskoye Palace: Archives, Museums, Archaeology. — № 1. — P. 127–144.

Ozherelev D.V., Lev S.Yu. Upper Paleolithic in the foothills of the Northern Tien Shan: chronology and cultural attribution. — № 3. — P. 127–137.

Smirnova T.B. Ethnographic Expeditions to the Germans of Russia and Kazakhstan. — № 4. — P. 105–117.

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Zakharov V.N. International Scientific Conference "The Significance of Peter the Great's Reforms in the New and Modern History of Russia" (Moscow, May 17–19, 2022). — № 4. — P. 118–124.

THE RFBR BOOK WORLD

Basova I.G. — Book review: Kalugina N.A. Alexander Bryullov. Architect and artist. Moscow: BuksMart, 2021. — 512 p.: ill. — № 3. — P. 149–152.

Bystrova I.V. — Review on book: M.Y. Mukhin, Aviation Industry of the USSR in 1945–1964, Moscow: Kuchkovo pole, 2020 — 320 p. — № 1. — P. 153–155.

Kalugin V.V. — Book Review: Fedotova M.A. Saint Demetrius of Rostov: Life, Service, Miracles. Research and texts. St. Petersburg: Publishing House «Pushkinsky Dom», 2022. — 560 p. — № 3. — P. 144–148.

Kirichenko O.V. Review of the book: "History of the Russian Orthodox Diaspora": In 5 Vol. T. 1. Book. 2: Russian Church Presence in Europe until 1917. Moscow: Indrik, 2021. — 800 p.: ill. — № 4. — P. 129–133.

Korzun V.P., Metel O.V. — Review on book: M.A. Kiselyov, "Regular" State of Peter the Great in Stalin's Russia: the Fate of Law Historians in the Light of Scientific and Ideological Battles of the Soviet Period, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020 — 432 p., ill. — № 1. — P. 145–148.

Perfileva I.Yu. — Book review: Dolgikh E.V. French glass. The late 19th – early 20th century. Private Russian collections. Moscow: BooksMArt, 2021. — 624 p.: ill. — № 3. — P. 153–157.

Romanova E.V. — Review on book: I.E. Magadeev, In the shadow of the First World War: Dilemmas of the European Security in the 1920s., Moscow: Aspect Press, 2021 — 864 p. — № 1. — P. 149–152.

Ryabova L.V. — Book review: Positive Image of the Future: Theory, History, Methods of Construction / Ed. by T.S. Paniotova. Rostov on Don; Taganrog: Southern Federal University Publ., 2021. — 268 p. — № 3. — P. 141–143.

Subetto D.A. — Book review: Kopelev D.N. From Cape Golovnin to the land of Alexander I. Russian round-the-world expeditions in the first half of the 19th century. Moscow: Politicheskaya Entsyklopediya, 2021. — 311 p. — № 3. — P. 138–140.

Yushkova O.A. — Review on book: E.V. Sidorina, Kazimir Malevich and his prophecy of a new being, Moscow: BookSMart, 2021 — 640 p., ill. — № 1. — P. 156–159.

Yunusova A.B. Review of the book: Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Kostyrchenko G.V., Krasovitskaya T.Yu. Soviet Federation: From Empire to Modernity. 1917–1941. M.; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2022. — 832 p. — № 4. — P. 125–128.

Congratulations to V.Ya. Panchenko, Member of the Russian Academy of Sciences, on His Anniversary. — № 3. — P. 158–159.

LIST OF PAPERS PUBLISHED IN THE SPECIAL ISSUE OF THE “RFBR BULLETIN. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES” JOURNAL, ISSUE 2, 2022

RUSSIAN LANGUAGE: CURRENT STATE OF THE ART, DICTIONARIES, ACQUISITION & TEACHING ISSUES (INTERDISCIPLINARY STUDIES) (BASED ON THE MATERIALS OF THE COMPETITION “INTEGRATED RESEARCH OF THE CULTURE AND LANGUAGE AS THE BASIS OF RUSSIAN SOCIETY”)

Plungian V.A. Russian Language: Current State of the Art, Dictionaries, Acquisition & Teaching Issues (Interdisciplinary Studies). — № 2. — P. 9–16.

RUSSIAN LANGUAGE: STATE OF THE ART, VARIABILITY, LANGUAGE CONTACTS

Kustova G.I. Language System Dynamics: A Corpus-Based Study of Synchronic Variation and Diachronic Changes in Various Texts. — № 2. — P. 27–36.

Leshchenko Yu.E., Dotsenko T.I., Ostapenko T.S. The Impact of Combined Trilingualism on Disabled People’s Language and Cognitive Behavior: An Integrative Model. — № 2. — P. 37–49.

Myznikova Ya.V. Russian Dialects of the Transvolga Simbirsk Area in the Context of Ethnic and Language Contacts. — № 2. — P. 50–60.

Nesterova N.G., Volkova E.V., Sabaeva Yu.S., Yermolenko S.V., Arsenieva T.E. New Texts and New Literacies as a Result of Media Discourse Transformations. — № 2. — P. 61–71.

Zakharov V.P., Azarova I.V., Golovina A.V., Gudkov V.V., Moskvina A.D. Quantitative Ontology and Russian Preposition Database. — № 2. — P. 17–26.

RUSSIAN LANGUAGE: CORPORA AND DICTIONARIES

Dymarsky M. Ya., Krylov S.A., Frolova O.E., Shirinkina M.A. Russian Corpus of Official Texts. — № 2. — P. 72–87.

Kozlovskaya N.V. Dictionary of Author-Developed Terms as Method of Philosopher's Linguistic Persona Study. — № 2. — P. 88–98.

Kravetsky A.G., Pletnyova A.A. The Great Dictionary of Contemporary Church Slavonic Language. — № 2. — P. 99–108.

Levichkin A.N., Gaidamashko R.V., Krylova O.N. Lexical System of Pinega Dialects. — № 2. — P. 109–120.

RUSSIAN LANGUAGE: ACQUISITION & TEACHING

Dragoy O.V., Dorofeeva S.V., Lopukhina A.A., Bolgina T.A., Parshina O.A., Laurinavichyute A.K. Phonological Deficit and its Brain Correlates in Children with Developmental Dyslexia. — № 2. — P. 145–158.

Gorobets E.A., Gamirova R.G., Akhutina T.V., Yesin R.G. Cognitive Functions and Speech Status in Epileptic Children and Adolescents During Antiepileptic Therapy. — № 2. — P. 134–144.

Gudova M.Yu. Multilingualism in a Post-Literate Society: Philosophical and Cultural Foundations, Methodological and Pedagogical Development of the Multilingual Education Model. — № 2. — P. 159–171.

Veraksa A.N., Oshchepkova E.S., Bukhalenkova D.A. The Relationship Between Cognitive Flexibility and the Development of Coherent Speech in Preschoolers (A Study of Preschoolers' Narratives). — № 2. — P. 121–133.

Sadykova G.V., Kayumova A.R. Digital Technologies in the Development of Russian Speaking Skills and Social and Cultural Competences in Bilingual Children in Russia and Abroad. — № 2. — P. 172–183.

LIST OF PAPERS PUBLISHED IN THE “RFBR BULLETIN. HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES” JOURNAL, ISSUE 5, 2021

(SPECIAL ISSUE IN COLLABORATION WITH THE EXPERT INSTITUTE OF SOCIAL RESEARCH)

Gaman-Golutvina O.V. Results of Joint RFRF—EISS 2020 Competitions in Social and Political Sciences. — № 5. — P. 13–19.

Fedulkina A.P. Cooperative Support for Research in Social and Political Sciences. — № 5. — P. 11–12.

Panchenko V.Ya. Russian Political Scientists Facing New Challenges. — № 5. — P. 9–10.

TODAY'S CIVIL SOCIETY: MULTIPLE IDENTITIES, COMMUNICATION WITH THE GOVERNMENT, IMAGE OF THE FUTURE

Levashov V.K., Novozhenina O.P. The Changing Image of the Future in the Minds of Russian Citizens. — № 5. — P. 38–51.

Martynov M.Yu. The Concept of Civil Society in Studies of Relations between the State and Volunteers. — № 5. — P. 20–27.

Milaeva O.V., Siushkin A.E. Female Deputies of the Russian Federation at the Sub-Federal Level: Social and Political Structure. — № 5. — P. 52–62.

Shestopal E.B. The Influence of Ideal Political Views on the Perception of Various Leadership Roles. — № 5. — P. 28–37.

DIGITIZATION OF SOCIO-POLITICAL ENGAGEMENT: BENEFITS AND RISKS

Ostrovsky A.N., Mamedov A.E., Ostrovskaya M.A., Shiryayev V.Yu., Lagun L.V., Goloborodko E.R., Popov S.V. Digital Communities as Actors of Social Transformation in Megacities (Examples of Neighbourhood, and City Chats and Communities in Messengers and Social Media) . — № 5. — P. 86–96.

Parma R.V. Engagement of Russian Citizens in Public Participation Online. — № 5. — P. 63–73.

Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Uskov S.V. Managing the Digital Socio-Political Agenda Online: Subjects, Technologies, and Results. — № 5. — P. 74–85.

Sokolov A.V., Belyakov A.A. The structure of the Protest Agenda on Social Media: Issues, Goals, and Support. — № 5. — P. 97–108.

POLITICAL AND COMMUNICATION PROCESSES AMONG THE YOUTH: VALUES, AGENDA, TECHNOLOGIES

Larionova A.V., Gorchakova O.Yu. Destructive Communication among Youth on the Internet: Socio-Political Context. — № 5. — P. 141–150.

Marin E.B. Semantics of Protest Consciousness and Forms of Protest Activity among Russian Youth. — № 5. — P. 151–163.

Morozova E.V. Life Values and Civic Identity of High School Students. — № 5. — P. 130–140.

Otrokov O.Yu. Socio-Political Needs of Modern Russian Youth. — № 5. — P. 109–117.

Popova O.V. Student Youth in Russian Megacities: Value Orientation and the Effects of Political Online Mobilization. — № 5. — P. 118–129.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2022, № 4 (111)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 19.12.2022. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 18. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 50

Отпечатано в типографии ООО «Гран-При».
152900, г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, д. 57